

ISSN 0869-3129

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

1. 2020

День российской печати в КБР традиционно отметили 13 января 2020 года. В этот день в Нальчике – в Доме печати – собрались журналисты, редакторы, художники, фотографы, сотрудники республиканских телеканалов. Собравшихся тепло поприветствовал исполняющий обязанности министра культуры КБР Мухадин Кумахов. Лучшим представителям республиканских СМИ были вручены грамоты и награды Министерства культуры КБР, МВД по КБР, Союза журналистов КБР, республиканского отделения Русского географического общества и Министерства сельского хозяйства Кабардино-Балкарии.

12+

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

**Учредители
(соучредители):**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

И. о. главного редактора – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Светлана Мотгаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

1. 2020 ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ

Уважаемые читатели,
в наступившем году редакция «Литературной Кабардино-Балкарии» продолжит знакомить вас с достойными именами и представлять тексты той эстетической значимости, которая бы удовлетворила самого взыскательного ценителя художественного слова. Мы рассчитываем начать обновление формата журнала, ввести несколько новых рубрик, преимущественно для молодых авторов. Считаем возможным больше внимания уделять теоретическим аспектам развития литературы – в том числе не только республиканской, но и региональной, – и живой критике по конкретным изданиям авторов Кабардино-Балкарии. Шаги в этом направлении, как нам кажется, уже изменили содержание «ЛКБ».

В планах редакции – ознакомление читателей с переводами текстов известных национальных писателей, поиск талантов, как среди молодых поэтов и прозаиков, так и среди тех, кто по разным причинам не заявил о себе в предыдущие десятилетия. То есть журнал открыт для всех потенциальных авторов, и единственным критерием отбора для публикации в журнале является качество представленных рукописей.

Особым направлением деятельности журнала станет формирование единой интернетплатформы с одним из авторитетных и популярных центральных изданий. По расчётам редакции, реализация этого проекта позволила бы напрямую выводить республиканских писателей на общероссийского читателя, «продвигать» лучших из них в пространство большой российской литературы.

Естественно, даже планы на такое сотрудничество ставят «Литературную Кабардино-Балкарию» в весьма жесткие рамки – параметры отбора текстов в наш журнал должны быть пересмотрены, и существующая по умолчанию «поправка на периферийность» будет изъята из редакционной практики. Иначе говоря, любое произведение, присланное в «ЛКБ», должно рассматриваться не только с точки зрения актуальности и функциональности в границах национального и республиканского культурного пространства, но и в видах его презентации на федеральном уровне.

Все эти планы настолько же реальны, насколько и сложны в претворении. И в этом смысле мы, конечно же, во многом зависим от своих читателей. Поэтому не скрываем – в новом издательском году редакция «Литературной Кабардино-Балкарии» надеется на вашу активную поддержку, на живое участие в формировании идеологии и эстетики журнала.

Спасибо за то, что вы с нами.

Редакция «ЛКБ»

*Мадина ХАКУАШЕВА,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
сектора кабардинской литературы
ИГИ КБНЦ РАН*

УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ
К 90-летию А. Х. Хакуашева

Андрей Ханашхович Хакуашев – представитель «золотой» плеяды научной и творческой элиты, энтузиастов и подвижников, один из тех, кто формировал лучшие научные, педагогические и морально-этические традиции первой высшей государственной школы республики, а позже активно способствовал их сохранению. Известный кабардинский литературовед, литературный критик, профессор кафедры кабардинской литературы КБГУ своим жизненным и творческим путём ярко воплотил судьбы национальной советской интеллигенции, пройдя нелёгкую дорогу лишений, бесконечного труда и преданности этническим идеалам.

Андрей Ханашхович Хакуашев

Его отец – Ханашхо Маканович Хакуашев, погиб во время Второй мировой войны. На фронте погибли два младших брата отца. Мать, Кара Ахмедовна Хакуашева (в девичестве – Накусова) осталась одна с семьёю детьми, старшим из которых был Андрей. Мальчик прошёл суровую «школу жизни» одного из самых тяжёлых, драматических послевоенных периодов истории республики и страны. Он работал пастухом, телятником, объездчиком, пахарем. Благодаря невероятным усилиям и неуклонной заботе матери, старшего сына-подростка Андрея, старшей дочери Вали семья выжила в тяжёлое послевоенное время.

После окончания республиканской школы-интерната в 1947 году юноша поступил на филологический факультет Ленинградского университета и окончил его в 1952 г. В том же году был принят в аспирантуру при кафедре кабардинского языка и литературы Кабардинского государственного педагогического института (КГПИ). С юности Андрей Ханашхович интересовался творчеством и личностью классика кабардинской литературы Али Асхадовича Шогенцукова, в дни празднования 50-летия поэта он выступал в кругу колхозников с беседами о его жизни

*Президент КБР В. М. Коков вручает
А. Х. Хакуашеву удостоверение заслуженного
деятели науки РФ (2009)*

и творчестве, читал стихи. После окончания ленинградского университета в поисках материала для будущей кандидатской диссертации А. Х. Хакуашев познакомился с дочерью поэта – Еленой Алиевной Шогенцуковой, которая впоследствии стала его супругой. Изначально весьма ограниченный объём сведений об основоположнике кабардинской советской литературы был расширен

до уровня наших современных знаний именно Андреем Ханашховичем, и на сегодняшний день его изыскания в этой области представляют нам наиболее полную версию жизни и творчества поэта.

В 1957 г. А. Х. Хакуашев защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Творчество Али Шогенцукова», позже по материалам кандидатской диссертации вышла книга с одноименным названием, которая ныне стала основополагающим трудом в области шогенцуковедения.

В 1954 г., являясь аспирантом, Андрей Ханашхович работал ассистентом кафедры кабардинского языка и литературы КГПИ. С 1961-го по 1968 г. занимал должность заместителя декана филологического факультета КБГУ. В этот период центром научных интересов молодого ученого становится тема адыгского просветительства. В 60-е годы такой выбор был связан с большими трудностями, поскольку партийная элита республики воспринимала адыгское просветительство как буржуазную литературу. Подобная концепция строилась на основании сословного представительства адыгских просветителей, которые были преимущественно выходцами из высшей аристократической знати. В 1977 году была написана диссертационная работа, которая год пролежала в обкоме партии, ожидая прохождения идеологической экспертизы на предмет партийной состоятельности. После года молчания Андрей Ханашхович обратился к секретарю обкома, который дал отрицательное заключение в отношении идеологической составляющей научной работы. Тем не менее, после неформальной дискуссии и апелляции А. Х. Хакуашева к представителям классического русского литературоведения обком разрешает публикацию рукописи, и в 1978 году монография «Адыгские просветители» выходит в свет. На обширном материале – чаще всего впервые введенном в научный оборот – автором выявлялись истоки воз-

А. Х. Хакуашев с членами Диссертационного совета КБГУ

никновения адыгского просветительства в начале XIX столетия и его характерные особенности; восстанавливался творческий путь его представителей. Анализировались основные художественные произведения, публицистические статьи первых адыгских писателей-просветителей, их общественно-политические, эстетические и философские воззрения.

Монография «Адыгские просветители» (1978), на основе которой была написана докторская диссертация, была отмечена дипломом Северокавказского научного центра. В 1983 г. Андрей Ханашович Хакуашев защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук по теме «Адыгское просветительство первой половины XIX в.». Еще до этого исследователем на родном языке был издан сборник статей «Япэ адыгэ тхаклуэхэр» («Первые адыгские писатели» – 1994 г.), в котором прослеживался творческий путь адыгских писателей-просветителей XIX в.: Султана Казы-Гирея, С. Хан-Гирея, Султана Адыль-Гирея, Натауко Шеретлуко, Казы-Бека Ахметукова. Несмотря на официальное признание самого адыгского просветительства и работы А. Х. Хакуашева, посвященной этому важнейшему периоду национальной культуры, ученому пришлось на всех уровнях отстаивать необходимость включения отдельных произведений адыгских просветителей в программу школьного и ВУЗовского обучения, однако благодаря убедительной аргументации автора разрешение было получено. Благодаря долгим годам научных исследований и последовательной борьбы за признание адыгского просветительства наиболее яркие произведения деятелей национального просветительства дооктябрьского периода были включены в программу национальных школ, педагогического училища и университета.

С 1984 по 2015 год А. Х. Хакуашев был профессором кафедры фольклора и литературы народов Северного Кавказа. Как студенты, так и коллеги неизменно отмечали эффективный стиль его работы: подлинно доброжелательное отношение к студентам сочеталось с требовательностью и принципиальностью, последовательностью учебного контроля. На всех этапах Хакуашева отличала высокая научная продуктивность. В периодике опубликовано множество публицистических и научно-популярных статей, в которых он поднимает наиболее важные острые проблемы литературной, общественно-политической, культурной жизни республики.

На протяжении всей своей деятельности А. Х. Хакуашев не прекращал заниматься научными исследованиями, связанными с творчеством основоположника кабардинской литературы Али Шогенцукова. С 1954 по 1957 гг. выходит ряд статей, посвященных творчеству поэта. Эти публикации составили первую монографию «Творчество Али Шогенцукова» (1958). В ней глубоко и подробно анализируются художественные произведения кабардинского поэта, такие как «Зимняя ночь», «Вчерашние дни Тембота», «Юный воин», «Мадина», «Камбот и Ляца», в том числе рассказы «Пуд муки», «Старая груша». Автор исследует истоки и пути развития кабардинской поэзии: Али Шогенцуков и устное народное творчество, творчество поэта и русская литература, проблемы становления современного кабардинского языка и силлабо-тонической системы в национальной поэзии.

Опираясь на значительный фактический материал, касающийся преимущественно последнего десятилетия жизни поэта, Хакуашев в 1992 г. издал монографическую работу на кабардинском языке «ЩоджэңцЫку Алий» («Шогенцуков Али»). С дополнениями и значительной доработкой она была переиздана в 2000 году к 100-летию со дня рождения А. А. Шогенцукова. В ней прослеживается сложный творческий путь поэта: анализируются художественные произведения, творческое использование и преломление им национальной художественной традиции; выявляется его роль в становлении кабардинского литературного языка.

А. Х. Хакуашев явился инициатором учреждения фонда Али Шогенцукова. Фонд был учрежден в 2000 году, с тех пор вплоть до 2013 года он являлся его председателем. Фонд Али Шогенцукова под руководством А. Хакуашева способствовал большому вкладу в дело сохранения и распространения творческого наследия кабардинского поэта в КБР, на Северном Кавказе, в России и в странах проживания черкесской диаспоры. При его активном участии была реализована идея побратимства Нальчика и Бобруйска, на территории которого в годы войны находился бобруйский концлагерь, в котором в ноябре 1942 года погиб поэт. В настоящее время в Бобруйске работает библиотека им. А. А. Шогенцукова, открыт уголок в городском музее, посвященный жизни и творчеству

кабардинского поэта. При поддержке спонсоров фонд издал его произведения на русском и кабардинском языках.

Большое внимание А. Х. Хакуашев уделяет современной кабардинской литературе. В вышедшей в 1984 г. книге «ЕхъулІэныгъэм и хэкІыпІэхэр» («Истоки становления») автор исследует актуальные проблемы современного литературного процесса, рассматривает творческий путь ряда современных кабардинских поэтов и прозаиков, оценивает их роль и вклад в национальную литературу, анализирует художественные произведения, появившиеся в период 60–80-х годов XX века.

В 1998 г. выходит следующая монография Андрея Ханашховича Хакуашева «Адыгское стихосложение». Ранее им были написаны статьи по этой актуальной проблеме, разработан спецкурс, который много лет читается в университете. Обобщив предыдущий опыт, автор прослеживает истоки национального стихосложения, рассматривает его особенности, исследует роль Али Шогенцукова в создании силлаботонического стихосложения.

В 2000 г. появилась новая книга Хакуашева «Тхыгъэ кыхэхэхэр» («Избранное»), в которую вошли статьи и работы, посвященные творческому наследию адыгских просветителей XIX в. Особое место в ней занимает монография «Адыгские просветители первой половины XIX в.», которая подверглась частичной доработке и некоторому сокращению.

В 2011 году А. Х. Хакуашевым был обнаружен архив известного кабардинского писателя Х. Теунова. В архиве было найдено около 40 новых неизвестных очерков, первый роман в рукописи «НасыпыфІэхэм я зэныбжьэгъуныгъэр» («Дружба счастливых»), богатая переписка со многими известными деятелями науки и искусства КБР и России. Эти материалы значительно расширили и углубили представления о жизни и творчестве кабардинского писателя, а также раздвинули рамки осмысления национального литературного процесса в целом. Результатом большой научно-исследовательской работы явилась монография на кабардинском языке «Хачим Теунов. Жизнь и творчество» (Нальчик, 2013). В настоящее время подготовлена книга на русском языке.

Впервые А. Х. Хакуашевым в соавторстве с А. Калмыковым были собраны и изданы произведения Н. Цагова «Избранные произведения» (1993). Позже им был подготовлен и издан сборник избранных произведений К. Сижажева «Солнце Баксана. Песни и стихотворения К. Сижажева» (2017). Оба сборника снабжены вступительным словом, подробными комментариями. В 2019 году вышел сборник статей на кабардинском языке.

Андрей Ханашхович – автор множества рецензий на книги адыгских авторов. Он является одним из первых литературоведов, которые заложили основы национальной филологической науки и литературной критики. В настоящее время в центре его научных интересов – совре-

*А. Х. Хакуашев среди академиков АМАН
(г. Черкесск, по случаю юбилея Х. Хапсирокова)*

менный литературный процесс. Одновременно А. Х. Хакуашев продолжает заниматься проблемами северокавказского просветительства, исследовать особенности национального стихосложения, становления концевой рифмы и силлабо-тоники в национальной поэзии.

На всем протяжении своей долгой плодотворной деятельности А. Х. Хакуашев активно участвует в общественной жизни республики, им регулярно издается значительное количество научных и научно-популярных статей и очерков в газетах, журналах, альманахах. Теле- и радиопередачи с его участием пользуются неизменной популярностью. Так, с 2000 по 2015 год на страницах газет и журналов А. Х. Хакуашевым было опубликовано 92 статьи.

Свыше 60 лет А. Х. Хакуашев посвятил преподавательской деятельности на кафедре кабардинского языка и литературы КБГУ. А. Х. Хакуашев является автором большого числа учебников по истории родной литературы для общеобразовательных школ и вузов. Им были изданы программы по национальной литературе, учебные пособия для ВУЗов. В общей сложности А. Х. Хакуашевым было издано 48 книг, учебников, хрестоматий, учебных пособий; около 300 статей.

Андрей Ханашович воспитал и обучил несколько поколений студентов, им подготовлено множество кандидатов филологических наук. Из числа его учеников шестеро стали народными поэтами КБР.

А. Х. Хакуашев – член Союза писателей СССР (1976), международной Адыгской (Черкесской) академии наук, заслуженный деятель науки КБР и республики Адыгея, заслуженный работник Высшей школы РФ (2000).

ЧЕЛОВЕК ЗАВИДНОЙ ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТИ

Хакуашев Андрей Ханашхович – один из самых одаренных людей нашей кабардино-балкарской интеллигенции, критик-литературовед, уроженец селения Арик Терского района, 1929 года рождения. Доктор филологических наук, профессор, академик Адыгской международной академии наук, заслуженный деятель науки КБР, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. Эти данные известны любому, кому интересна личность этого неординарного и самобытного ученого-педагога, крупного специалиста-литературоведа.

Однако не всем посчастливилось узнать лично этого великого человека. Я его узнал в далеком теперь 1970 году, после того как стал студентом кабардино-русского отделения историко-филологического факультета КБГУ, где он успешно преподавал и был доцентом. Андрей Ханашхович в то время – красавец-мужчина в расцвете сил, умный, обаятельный, и все университетские девочки поголовно были в него влюблены. В то же время все они хорошо осознавали, что он женат на красивейшей Елене Шогенцуковой и ни у кого из них нет никакого шанса. Он мог похвалить, если студент показывал хорошие знания, пошутить с нами. И этого было вполне достаточно, чтобы мы сочли себя счастливыми – а как же, сам Андрей Ханашхович почти как с равным разговаривал с тобой!

Уже тогда имя Андрея Хакуашева заслуженно и прочно стояло в ряду имен самых известных деятелей современной национальной культуры. Уже тогда его имя с неизменным почтением произносилось в кругах как ученых, так и писателей. Будучи молодым и любознательным, я часто посещал различные литературные мероприятия, встречался со многими писателями, поэтами, журналистами, и все они были самого высокого мнения о нашем педагоге. Писатели Адам Шогенцуков, Кашиф Эльгаров, Мухамед Кармоков, Биберд Журтов, Сафарби Хахов, журналисты Гузер Емузов, Назир Апажев, Хасан Секреков, Анатолий Теуважуков и другие, нахваливая Андрея Ханашховича, неизменно призывали меня с особым вниманием относиться к его лекциям.

Почему-то я был особенно горд, что мы с Андреем Ханашховичем земляки, как будто в этом есть какая-то моя заслуга. Как бы там ни было, я знал, что он учился в интернате в Нальчике, затем поступил в университет в Ленинграде. Знал, что часто ему доводилось и голодать, и с одеждой все было плохо, и зримо себе представлял, какая сила воли нужна, чтобы не только преодолевать эти трудности, но и учиться хорошо. Вот так и получилось, что вместе со знаниями он научился проявлять и упорство,

и завидную целеустремленность, и высокую ответственность. Он сразу же оценил открывающиеся перед ним перспективы и с упорством взялся за учебу, чтобы извлечь из времени учебы наибольшую пользу для своего развития и обретения профессиональных знаний.

Сегодня, уже с высоты сегодняшних лет, я уже с удивлением и великой почтительностью отмечаю, что Андрей Ханашхович на всю жизнь остался верен и всецело предан однажды избранной стезе: педагогике, воспитанию новых поколений интеллигентов и науке. Он никогда не жалел для этого ни времени, ни сил, поэтому неудивительно, что очень многие школьные учителя, журналисты, писатели, артисты, общественные деятели, ученые, окончившие наш университет, признают его своим учителем. И я не исключение. Я с искренним удовольствием вспоминаю, с каким смачным удовольствием он говорил на чистейшем кабардинском языке. Часто ловлю себя на том, что многие годы я пытался подражать его манере разговаривать на родном языке так же чисто и несколько пафосно, но у меня по сравнению с ним это плохо получается.

Пребывание студентов в колхозах – тема почти неизвестная нынешней молодежи, как и студенческие строительные отряды. Для нашего же поколения это были еще одни университеты. Не имея возможности подробно об этом распространяться, скажу лишь, что пребывание в колхозе позволяло студентам ближе узнать своих коллег по учебе. Опытные преподаватели также имели возможность лучше изучить те или иные качества студентов, и этим они умело пользовались. Может я и ошибаюсь, но мне кажется, что только на кабардино-русском отделении между преподавателями и студентами складывались добрые взаимоотношения, которые позже перерождались в дружеские. Наши преподаватели Хатали Урусов, Мухаб Абитов, Ахмедхан Налоев, Андрей Хакуашев, Самих Тхабисим и другие времени зря не теряли и посвящали его улучшению наших представлений о морали, нравственности, об адыгэ хабзэ, о языке. В неформальной обстановке сказанное авторитетными старшими усваивается значительно лучше, и наши учителя этим пользовались. Особо выделялся Андрей Ханашхович, который добросовестно делился с нами своими знаниями и жизненным опытом. Часто эти беседы продолжались до полуночи, и я не помню, чтобы кто-нибудь предпочел этим разговорам сон. Эти беседы в неформальной обстановке, как это ни странно, не приводили к какому-нибудь панибратству или к чему-нибудь подобному. Наоборот, это добавляло искреннего уважения к преподавателям, которые сочли возможным снизойти до уровня простых студентов; и в аудиториях, и даже в коридорах университета всегда царила атмосфера взаимоуважения.

Сегодня я намеренно не затрагивал творчество Андрея Ханашховича, так как не считаю возможным мне его оценивать – это сделают специалисты и время. Хотя периодически обращаюсь к его трудам, и в моей

*А. Х. Хакуашев среди коллег – преподавателей КБГУ:
нижний ряд (с л е в а н а п р а в о): М. Тлупова, Р. Ф. Великанова, Г. А. Яковлева,
верхний ряд: А. Х. Шорданов, Х. Т. Медалиев, проректор Б. Х. Балкаров, А. Х. Налоев,
М. Л. Абитов, А. Х. Хакуашев*

скромной библиотеке достойное место занимают его работы: «Творчество Али Шогенцукова», «Первые адыгские писатели», «Адыгские просветители», «Истоки становления», «Адыгское стихосложение» и другие. Особое уважение вызывают его изыскания об основоположнике кабардинской литературы Али Шогенцукове.

Андрею Ханашховичу – 90! Несмотря на возраст и некоторые «болячки» он активно интересуется событиями, происходящими в стране. Его волнуют проблемы общества, он живо откликается на те или иные явления, дает в СМИ четкие и продуманные оценки. Нашему сообществу повезло, что у нас есть такой человек, как Андрей Хакуашев.

У него были сын и дочь, осталась дочь Мадина. Я стараюсь быть в курсе ее достижений, хотя это нелегко, так как она занимается многогранной деятельностью. Она писатель, доктор наук, профессор. Мне очень приятно, что мы с Модиной вместе работаем в одной комиссии Общественной палаты КБР, где она проявляет завидную активность. Этим я хочу сказать, что жизнь А. Х. Хакуашева удалась, у него есть его продолжение, и нет сомнения, что Мадина Андреевна – активный и эффективный продолжатель достойных дел своего именитого отца.

АРКАДИЙ КАЙДАНОВ:
ЖИТЬ И ЛЮБИТЬ ЖЕНЩИН НАДО ВЕСЕЛО

Аркадий Кайданов очень яркий. Мимо его постов в фейсбуке невозможно пройти, обязательно остановишься и прочитаешь. Останавливает все. И яркие, как правило, юзерники. Седовласый, красивый мужчина. Мечта. И яркие реплики. Каждый раз с интересом читаешь эти то смешные (иногда очень смешные), то едкие и раздражительные, то с досадой, то почти на грани бохогульства, короткие посты. При этом совершенно непонятно, почему, но не сомневаешься, что это пишет человек с обостренным чувством справедливости и совести, для которого просто не существует «священных коров». Талантливый поэт и прозаик, переводчик разноязыких других поэтов, профессиональный телевизионщик, при этом волк-одиночка... Одним словом, бездонная и нетипичная, в чем-то противоречивая личность. Живое опровержение любого клише.

– Аркадий, а почему вы на фотографиях всегда почти в темных очках? Я как-то вдруг увидела ваше лицо без очков, глаза ваши, наконец, увидела... Они такие открытые, безопасные совсем, смешливые и добрые. Такое обаяние в них. А очки суровым вас делают, но и загадочным. Вам нравится быть загадочным? Или это защита от чужих взоров?

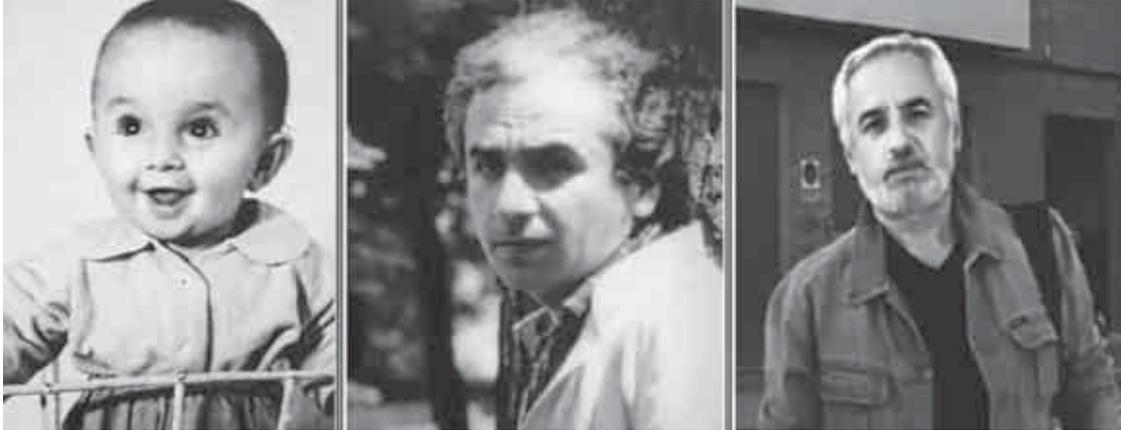
– Алла, умоляю, давайте не будем усложнять и нагнетать! Черные очки ношу просто потому, что привык. А привыкать начал оттого, что никогда не был в восторге от собственных глаз – у других были, как мне казалось, нормального размера глаза, а у меня, как у... не могу смаху подобрать название животного. В общем, маленькие и противные.

– Нальчик.... Ваш город. Он очень красивый. Природа магическая. Вы там прожили все годы?

– Я родился в Нальчике, на улице имени красивой женщины Инессы Арманд. Образно говоря, вся жизнь прошла на улицах, носящих имена красивых женщин. До тринадцати моих лет мы вчетвером, с родителями и сестрой, жили в одной комнате. Не помню, чтобы это меня напрягало. Единственное, родителям не нравилось, что я ночи напролет с фонариком читаю под одеялом. Неподалеку находился летний кинотеатр «Мир», поэтому я был из «мировских», и у нас в городе были только одни конкуренты – «вольноаульские» пацаны, жившие в пригороде Нальчика Вольном Ауле.

– Ночи напролет с фонариком под одеялом. Вы росли послушным начитанным мальчиком? Не верится.

– Да нет, думаю, что на общем тогдашнем фоне я был вполне себе не трудным ребенком. Хотя еще в детском саду научил всю группу материться, и рассказал всем о производстве детей – «мировские», среди которых я был младшим, меня рано просветили.

Три возраста Аркадия Кайданова

– А как ваша семья попала в Кабардино-Балкарию?

– Родители приехали в Кабардино-Балкарию по распределению. Папик в 1946 году – работать в лесохотничьем хозяйстве, так и проработал всю жизнь лесничим. Маменька, выпускница ленинградского института имени Герцена, приехала преподавать биологию в сельской школе селения Нартан. Потом она заведовала отделом природы в республиканском краеведческом музее, где я с детства ошивался – о, это отдельная история! – потом в Бюро путешествий и Совете по туризму работала, чем я корыстно пользовался, заставляя ее бронировать мне гостиницы в разных городах – в советские времена это было непросто!

– А что это за «отдельная история»? Про краеведческий музей... Вы его подожгли?

– Фондами музея заведовала замечательно добрая, вся такая уютная, кругленькая тетя Шура, Александра Васильевна. Я заявлялся к ней и облачался то в какой-то рыцарский, то в кайзерский шлем, брал пару кремниевых пистолетов типа «лепаж», засовывал их за пояс и шел слоняться по залам музея. Экскурсанты глазели на меня, а мне это безумно нравилось, ощущал себя эдаким охранником музейной экспозиции и был уверен, что все мне завидуют. Такой вот был с детства тщеславный говнюк.

– А плоды ночных чтений? Вы стали отличником?

– По гуманитарным предметам у меня были «пятерки», по остальным «четверки» и класса с восьмого даже «тройки» – остальное было неинтересно. Меня дважды исключали из пионеров, второй раз забыли принять обратно, а когда вспомнили – я вышел из возраста.

– **Что же вы такое вытворяли, что аж два раза! Из пионеров!**

– Первый раз и не помню за что. Как-то тихо исключили и быстренько вернули обратно – наверняка за какую-то фигню. А второй раз за то, что мой друг и тогда одноклассник, вечный второгодник Бубон, скинул на голову какому-то дядьке крышку от унитаза из туалета, с третьего этажа. Дядька особо не пострадал, он резво так, сверкая почти не поврежденной лысиной, с крышкой унитаза в руке прискакал к директору. Ну, всех нас, кто был в тот момент в туалете, и исключили, человек семь. Но Бубона мы не сдали. В комсомол же «записали» без моего ведома уже в десятом классе.

– **Это была принципиальная позиция? Не вступать в комсомол.**

– Да не было никакой позиции! Просто было не до того: первая любофь-моркофь, всякие спортивные заморочки – размечтался безо всяких на то оснований о футбольной карьере. Несколько лет усердно пылил и месил грязь в составе детской, а позже юношеской команды группы подготовки при команде мастеров. Был дико горд, что даже разок привлекался в сборную РСФСР, хотя, если признаться, просто тогда тренером сборной был наш клубный тренер Рубеныч, так он всю нашу ораву чохом и привлек разок в сборную, наверное, чтобы не париться.

– **В таком случае вы должны были поступать в институт физкультуры...**

– А я и собирался поступать в институт физкультуры имени Лесгафта. Ну, как собирался... Отвечал так, когда меня спрашивали. В результате пошел на филфак Кабардино-Балкарского университета, чтобы далеко не ходить.

– **Это распространенная мотивация при выборе вуза. До сих пор. Сочинение на «отлично» написали? Вопрос риторический.**

– Не, огреб трояк за сочинение и офигел – это было немислимо! Ибо я уже много публиковался к тому времени. Вывесили оценки – у меня трояк. Хотя я успел проверить работы и двух своих приятелей – один получил «пять», другой «четверку». Ну, я обреченно засобирался в армию. Мама настояла, чтобы я попросил показать мне сочинение – в чем там дело. Пошел без всякой надежды. Долго не показывали мне мой опус, потом вышел очень немолодой, очень небольшого росточка, очень строгий дяденька и предъявил мне мое сочинение, сплошь подчеркнутое волнистой красной линией – стиль оказался не тот. Я мог допустить, что пару запятых зафигачил не туда, но стиль... Стою, тупо смотрю на эти красные страницы... А дяденька, потом уже я узнал, что это был едва ли не самый строгий преподаватель, бывший фронтовик, полковник в отставке, писатель Буба Мацикович Карданов, вдруг и говорит: «В общем, так... Я поставлю тебе «четверку», этого будет достаточно для поступления, иди и готовься к следующим экзаменам!»

Позже Буба Мацикович уже во время семестра подошел ко мне: «Ты не обижаешься на меня за ту несправедливость? Ну, так получилось...». И все годы, что он преподавал у меня, я единственный из всех студентов получал у него по современному русскому «пять» автоматом. А лет через десять мне довелось быть редактором книг Бубы Мациковича Карданова.

– *Я знаю, что вы рано женились... Стали отцом.*

– Женился я на третьем курсе. Потому что не очень учиться любил. В университете стал появляться редко – была отмазка: маленький ребенок, но личностью там стал неприкасаемой, ибо уже печатался, как сумасшедший. И по рекомендации местной писательской организации уже была принята к изданию моя первая книжка. В эти же студенческие годы вел какую-то дурацкую молодежную передачу на радио. Нередко приглашали на республиканское ТВ почитать мои самодельные стишки... Сразу после вуза взяли младшим редактором молодежной редакции в республиканское Гостелерадио.

*Аркадий Кайданов и солистка
ВИА «Фантазия» Людмила
Шабина. Нальчик, 1979*

– *Аркадий, по поводу Гостелерадио, если можно, позже. Я вот о чем хотела спросить...*

– Спросите.

– *Вы как-то написали: «За Тамбуканом во мне отчего-то автоматически табуируется мысль о том, что Нальчик не есть земной вариант Эдема. Многожды проверено опытным путем: у этого города магическая способность не отпустить от себя за любыми морями-океанами. Я бы не стал называть это патриотизмом. Это нечто потаенное, нутряное, о чем вслух – моветон». Можете прокомментировать свои слова?*

– А комментировать там и нечего, вроде бы. Дома я могу бурчать и быть недовольным его порядками, порядками этого дома, имеется в виду родной город или страна... Могу слыть чуть ли ни тем уродом, без которого, как известно, нет семьи. Но выйдя за порог, я порву любого, кто выскажется неуважительно по отношению к моему дому и его обитателям – это мой дом и это моя семья. Это мой город и это моя страна. Вот и все. Все для меня очень ясно и просто.

– *Я обнаружила в одном источнике, источник так себе... что вы член Североамериканского союза писателей. Почему-то засмеялась. Мне это словосочетание напомнило почему-то «Всемирную лигу сексуальных реформ». Что, вы действительно член этого союза? Есть такой союз на самом деле?*

– Да есть, наверное. А может, и нет. Должно быть, какая-то хрень. Когда я ошивался на испанщине, мне прислали членскую карточку этого союза, написали, что это дико престижно, что в членах Евтушенко, еще кто-то... Я уж и не помню.

– *Но вы состояли и в Союзе писателей СССР... Это, надеюсь, помните?*

– В СП я хотел вступить более всего потому, что иначе не мог познакомиться, приглашая девушек в ЦДЛ, и пользоваться писательскими Домами творчества. Ну, вступив, я уж напользовался так напользовался... Когда меня приняли в Союз, мой друг – прекрасный московский поэт Витя Коркия, очень много сделавший для меня в плане верной ориентации во времени и пространстве, усмехнулся в усы: «Аркаша, да ведь позорно быть в Союзе, где состоят такие задницы!». На самом деле его определение было не таким вялым эмоционально и даже смешным, но не будем). Двадцатилетним я с улицы притащил свои вирши в журнал «Юность» – и попал к Вите. Он тогда подрабатывал там литконсультантом. Мы как-то сразу и очень надолго задружили. А когда в журнале шла моя первая подборка, Витя снял собственную – чтобы я вышел быстрее. По тем временам это был поступок!

– *Мне известно от ваших земляков и не только, что к вам отечески относился Кайсын Кулиев. Вы его переводили?*

– Бросьте! Отечески Кайсыну было к кому относиться и без меня! Он, скажем так, от широты собственной натуры относился ко мне достаточно благосклонно. Кайсын Шуваевич долго не советовал мне переходить в статус литпрофессионала, считая, что надо обязательно где-то работать. А когда я уже лет пять поработал на ТВ, он сказал, что пора определяться – ТВ или поэзия. И я согласился на приглашение поработать в книжном издательстве. Все-таки поближе к литературе. С 1982 по 1996 был редактором художественной и детской литературы на русском языке в издательстве «Эльбрус». Кайсына я переводил очень мало – уже под конец его жизни он попросил меня перевести несколько стихотворений лирических, посвященных его последней жене. Я перевел. Кайсын сказал, что получилось слишком красиво. Потом он заболел тяжело и мы к этому не возвращались. А потом, не получив от него фактически одобрения, я не стал печатать те переводы. После его смерти Элизат, вдова Кайсына, моя соседка, неоднократно хотела их опубликовать, но я сказал, что Кайсын не давал на то разрешения, потому – нет. Да, в 1984 году я участвовал в VII Всесоюзном совещании молодых писателей. Это было легендарное совещание. Татьяна Толстая, Михаил Веллер, Игорь Иртенев и другие. Будущие классики. «Участвовал» – громко сказано, конечно. Появился на открытии, на закрытии и заскочил на семинар, когда обсуждали меня. Так же точно я «принимал участие» и в последующих съездах Союза писателей, когда меня в эту контору приняли. Там я тоже был едва ли не

самым молодым – при среднем возрасте участников 60 лет, я в свои 30 был просто «малчик». Однако... по итогам Сопещания молодых писателей я вдруг обнаружил себя в опубликованном списке десяти лучших молодых переводчиков страны, а моя оригинальная книжка оказалась рекомендована издательству «Современник».

– Вот вам и «малчик». Мне сдается, что вы и сейчас остались таким же. В разговоре неоднократно называете себя то раздолбаем, то долбоящером, то повторяете, что «кто я вообще такой, чтобы давать интервью»... И я вижу и чувствую, что нет здесь никакого кокетства, позерства, что вы и правда себя не цените, что ли... То есть не имеете истинного представления о себе. Или внешние, социально значимые атрибуты успеха не столь важны? Аркадий, вы мужчина с низкой социальной ответственностью? Ужас.

– Я по натуре спринтер. Я способен на рывок, но раскладывать силы и планировать тактику на длинную дистанцию – не мое абсолютно. И когда на рывке я достигаю какой-то цели, мне сразу становится неинтересно. Скажем, сначала, в детстве – ранней юности, мне хотелось, чтобы меня печатали. Стали. Кайф пропал. Потом мне хотелось, чтобы меня печатали московские журналы и издательства, тем более, что считалось, будто из самотека хрен попадешь. Я был из самого что ни на есть самотека. Сначала мне заворачивали все оптом, а потом вдруг так же оптом стали печатать. Интерес пропал. Далее, это было модно, хотелось публиковаться в разных странах – пошло как-то сразу, и когда мою подборку напечатал знаменитый нью-йоркский «Новый Журнал», основанный еще Марком Алдановым, я сразу понял, что печататься мне больше не интересно совсем нигде. Тем более что стихотворцы уже прочно числились в городских сумасшедших. В первые годы моего членства в СП писатели в Пицунде говорили Тане, моей жене, что я заносчивый и ни с кем не общаюсь. А я просто стеснялся! Они сплошь классики, а я пацан, минимум в два раза моложе каждого из них. Наверное, многое из того чувства сохранилось, и это тоже как-то влияет на то, что не могу всерьез говорить о себе. Воспринимать себя угрюмо и значимо...

– Теперь я, кажется, понимаю, почему вы с такой неохотой отнеслись к предложению сделать беседу с вами.

– В моем характере, наряду с кучами дерьма, есть некое жемчужное зерно: я иронически отношусь к собственной персоне. Никогда не переоценивал свое место во времени и пространстве. Это не скромность – это трезвость. Мир, впрочем, я тоже никогда не переоценивал.

– Долгая жизнь на Кавказе... Как повлияла на вас? Стали себя чувствовать кавказским мужчиной?

– Безусловно, Кавказ влияет на личность. Убежден, что это положительное влияние. Году, кажется, в 98-м мой сын делал рекламные ролики для предвыборной кампании партии знаменитого офтальмолога

Федорова. Вся работа делалась в Москве, в Останкино. Вернувшись, Владька сказал: «Не хочу работать в Москве – мне не нравятся там отношения между людьми». Мой хороший товарищ Саид Баширов, родом из Грозного, долго работал на ТВЦ. Сейчас он вернулся в Грозный. Так вот, однажды с ним случилось несчастье и он надолго оказался в больнице. Как рассказывал Саид, больше всего его поразило даже не то, что никто из коллег его не навестил, а то, что, когда спустя несколько месяцев, он появился на работе, коллеги по кабинету поздоровались так, будто виделись вчера – не поворачивая голов, бросили небрежно: «Привет, Саид»... Уверен, что Саид рассказал об этом именно мне, зная, что только кавказец поймет дикость такого отношения. Меня много лет связывали очень хорошие человеческие и прочные профессиональные отношения с командой старого, «настоящего» НТВ. Я им не уставал вдалбливать: ребята, мать вашу, если вы не в авральном режиме работаете, когда в комнату входит посторонний человек – приподнимайте задницы, чтобы человек понял, что его заметили и приветствуют, что он для вас не пустое место! И я их вытенировал! Всякий раз, когда я появлялся в группе «городов», все редакторы демонстративно вскакивали с мест и бросались обниматься. И еще я до сих пор не могу привыкнуть, когда в кафе или ресторане каждый платит за себя, а уж когда парень и девушка так оплачивают свое романтическое свидание – это ж лучше сдохнуть на месте парня! Чувствую ли я себя настоящим кавказским мужчиной? К сожалению, нет. Я изрядный раздолбай, а настоящий кавказский мужчина таким не бывает. О, давайте лучше расскажу о праздновании юбилея Кайсына! Заодно и прихвастну малехо.

– *Хвастайтесь!*

– В 1977 году грандиозные торжества по поводу 60-летия Кайсына Кулиева завершались банкетом в ресторане «Берег». Вход был строжайше по приглашениям. Мышь не прошмыгнет. Съехались все литзнаменитости страны. Я охренел от счастья, получив приглашение вместе с женой. Мне было 22 года – как тут не охренеть?! На самом банкете пришлось охренеть еще не раз! Сначала Кайсын Шуваевич, обойдя огромный стол, подошел к нам с Таней: «Аркадий, твою поздравительную телеграмму мне передали как раз во время награждения в Кремле, обнимаю тебя, мой дорогой!». Потом он обернулся к Тане: «Красавица, послушай старого балкарца! У Аркадия в жизни будет очень много женщин, но ты относись к этому спокойно – это ему необходимо для литературы! (Кайсын смешно выговаривал «латаратура»). Ты все равно будешь самой главной женщиной в его судьбе – я это чувствую, можешь мне верить!». Потом в застолье Таня от волнения постоянно роняла ножи и вилки и, опережая меня, лауреат Ленинской премии, элегантный ленинградский поэт Михаил Александрович Дудин, еще не ставший для меня просто дядей Мишей, позвякивая Звездой Героя Соцтруда, всякий раз

нырял за ними под стол. Тогда же Дудин нарисовал на Танином приглашении билет потрясающе легкий, летящий шарж на Кайсына. Этот билет, кажется, сейчас где-то в Испании,

Аркадий Семенович и Владислав Аркадьевич Кайдановы

где живет Таня с моим сыном... Если не пропал. Мне казалось, что 60 лет – это возраст Мафусаила! И только сейчас понимаю, каким молодым был тогда Кайсын!

– Аркадий, ваша семья... Родители в Израиле. Жена Таня с сыном Владом и внуками в Испании...

– Когда-то давно я лично для себя понял, что человек одинок всегда. Вне зависимости от наличия и количества близлежащих. Существует иллюзия неодинокства. Она помогает жить, но это всего лишь иллюзия. В кошмарном сне не мог представить, что моя семья окажется в трех разных странах. Но так сложилось. Можно сказать, что это трагедия, а можно и воздержаться от этого утверждения, находя какие-то плюсы и в таком раскладе. Я – воздержусь. Слава богу, что есть интернет и мессенджеры – так и общаемся. И вроде бы все не так уж страшно. Лично я могу жить только в России. А в России – только в Нальчике. Хотя Москву географически знаю, наверное, лучше, чем Нальчик. Ну, еще долужковскую Москву, конечно. Наверное, я неисправимый совок, хотя меня всегда почему-то считали антисоветчиком. Но не могу исключить, что мне просто лень заморачиваться сменой городов и стран.

– Вокруг Кайданова в фейсбуке всегда роятся женщины, и я их понимаю. Дело не в яркой картинке около текста, это быстро становится не важным. Дело в том, что вы, Аркадий, настолько отдельные, настолько честны, даже когда «неправы» – неправы в интонации, резки и можете невольно обидеть, настолько безоглядны, настолько ни к кому не принадлежите, ни к какому хору, настолько чувствуете пошлость, ложь, фальшь и глупость... что даже когда выдаете нечто на грани скабрёзности и чуть изменяет вкус, бывает и такое, то прощаешь вам все.

– Да, я очень не люблю находиться в толпе – физически и морально. Ты заряжаешься энергией толпы, и хоть сто раз назови это энергией масс – это тупая, злобная и агрессивная энергия. Я пару раз попадал в те замесы и навсегда понял: скандирки, внимание лидерам и «долой всё» – это эстетически не мое. Бывало, мои московские друзья – прогрессивные, иногда андеграундные писатели упрекали, типа, нафига ты

печатаешься во враждующих между собой журналах и еженедельниках? В один и тот же месяц я мог быть опубликован в журналах «Огонек», «Москва», «Юность», «Дружба народов», в Литгазете и ЛитРоссии. Я всегда отвечал: а что изменилось бы в содержании того или иного стихотворения, если бы оно было напечатано не в «Огоньке», а в «Москве», или наоборот? И в ресторане ЦДЛ я мог с одинаковым удовольствием сидеть с Риммой Казаковой, Инной Кашежевой, Витей Коркией, Володей Друком, Даней Чконией, Робом Виноненом, Толей Парпарой, Яковом Козловским, Феликсом Чуевым... Да мало ли. Это не от всеядности вовсе. Просто я всегда старался ставить себя на место другого.

Ненавидел (и ненавижу) идеологическую и тусовочную зашоренность, особенно – сдобренную агрессией.

– *Для вас важна правда или то, кому она принадлежит?*

– Я не очень много знаю о правде, но точно уверен, что истина не проживает на полюсах. Исходя из этого знания, наработанным собственноручной жизнью, я и отношусь ко всем ее общественным проявлениям. А касаясь партийности, никогда в жизни не входил ни в какую партию – даже не представляю себя в таком качестве. Если же Вы о моих постах в фейсбуке, то, во-первых, сказывается опыт телеведущего – он обязан более-менее оппонировать всегда, шоу маст и так далее, а, во-вторых, у Игоря Шкляревского в давнем стихотворении было: «Где сто сердец – там сердца нет»... Поэтому я – в стороне, ибо лет пять назад врачи обнаружили-таки у меня сердце. И чтобы уж совсем не взбираться на котурны, в реальной жизни я, может, сто раз подумал бы: встретить или нет в ту или иную зарубу, а в фейсбуке – легко! В фейсбуке каждый – Илья Муромец, Брюс Ли и Александр Матросов в одном лице. Совершил свой дежурный подвиг, почесал пузо и пошел за хлебом или просто перевернулся на другой бок с чувством выполненного долга.

– *Что-то мне подсказывает, что при любом раскладе вы писали бы то, что считаете для себя правильным. Что вопрос самоуважения для вас не последний, вопреки внешней легковесности в риторике. И, наконец, про вашу фантомную боль, про телевидение!*

– 1977–1982 годы – мой первый «заход» на ТВ. Лучшие годы моей жизни! Я делал и сам вел молодежную передачу, которую тогда смотрели все! Почти все советские звезды и популярнейшие артисты соцлагеря перебивали у меня в программе! Потому что больше смотреть было и нечего – существовали всего два канала. Тогда же сделал и свои первые

документалки, тогда же меня приглашали в Молодежку ЦТ. Стал одним из самых молодых в стране членом Союза журналистов. Но я был уже, типа, писатель, типа, даже, поэт! Но ТВ такой наркотик – бросить окончательно нереально! Иногда делал что-то для него. В 86-м году – док «Часовым ты поставлен у ворот, или Сделать фильм

про футболиста». Это о многолетнем дублере Яшина в сборной СССР и московском «Динамо» нальчанине Владимире Беляеве. Владька, мой сын, тогда тренировался в его детской группе вратарей. Уникальный случай, когда два вратаря из одной команды играли в сборной! А в «Динамо» они играли в очередь – Яшин, для которого эта съемка оказалась последней в жизни, говорил, что еще неизвестно, кто из них был лучше в то время. О, чуть не упустил! В мае 82-го я сделал фильм «Янтарное имя – Гинтаре». О прекрасной литовской певице Гинтаре Яутакайте. Это оказалась совсем отдельная история в моей жизни. И еще принципиально важным был для меня фильм «Но однажды явилась звезда» – о моем друге, колоритнейшем человеке, художнике Мухамеде Кипове. Вернулся на ТВ в 1996-м. Еще на десять лет.

– Про ТВ сегодня... Охота камнями покидаться? Кстати, у вас даже в электронном адресе есть две буквы – ТВ.

– Об электронном адресе – я оставил его с доисторических времен работы на ТВ. Привыкаю к людям, вещам и, оказывается, даже к электронным адресам. Как женился в 19 лет – так и лень менять жену, да и зачем? Тех, с кем у тебя общие воспоминания, и так все меньше с каждым годом. Сейчас я должен поругать нынешнее ТВ, да? А смысл? Кто еще не плюнул в сторону телевизора? Если общий уровень профессионализма в стране упал, почему ТВ должно быть исключением? Раньше и сантехники были получше, разве не так? Но заявить, что руководители больших каналов плохие профессионалы – значит, ничего не понимать в профессии. И Эрнст, и Добродеев – профи экстра-класса. Они приняли правила игры, да. Правила, должен сказать, поганенькие, но сегодня они именно такие, какие есть. Уверен ли я, что на месте Эрнста и Добродеева, встал бы в красивую пятую позицию и отказался бы играть по этим правилам? Не уверен. Слишком заманчивы материальные компенсаторы нравственных травм. А раз не уверен, то какое я имею право осуждать этих людей? Говоря же о телевизионном «офисном планктоне», редакторах – эти мальчишки и девочки просто бесправные гастарбайтеры, эдакая понаехавшая «лимита», существующая на птичьих правах и за

копеечную зарплату. Они ведь даже не в штате каналов – на договоре, который не стоит ничего. Да, их общий уровень зачастую удручающ, но им и так несладко – я последний брошу в них камень. В общем, ТВ – моя фантомная боль. Вы правы. Но я ее уже почти не чувствую. Кажется, соврал. Нет, пожалуй, не соврал все-таки.

– *Аркадий, я недавно увидела один текст. Там женщина вспоминает, что в девяностых рожала в Нальчике и удивилась несвойственному для Кавказа факту – много оставленных в роддоме детей...*

– О количестве оставленных в роддоме детей судить не могу – у меня нет под рукой статистики, я не в теме. Но Кабарда уже почти полтыщи лет в составе России – все хорошее и плохое у нее с Россией общее. Рано или поздно и хорошее, и, увы, плохое докатывается и до Кабардино-Балкарии.

– *Вы пишете стихи... Писали уж точно. Я их читала. Я знаю теперь, что за одно из них вас, как вы выразились, «не ругал» Давид Самойлов...*

*Проходя пограничную зоной
между жадною смертью и сном,
не имея весомых резонансов
в убеждении шатком своем,
на каком основании длится
этот немилосердный покой,
управляющий, словно возница,
настроением, мыслью, строкой?*

– Да, это кусочек старого стихотворения. Было их штук пять, за которые мне и сегодня не стыдно. Одно даже понравилось Виктору Астафьеву, стилистически мы совсем вроде чужды друг другу... А Астафьев включил эти стихи в антологию «Час России».

– *А вы говорите, «малчик»... Если и так, то с нежной душой, уж простите. Я помню ваш лирический текст про любовь. Про поиск в самых разных женщинах той единственной, которая недостижима. Как любой идеал. Вы счастливы?*

– Да, наверное, все-таки счастлив. Потому что понял и сумел принять главное: жизнь и женщин надо любить весело!

– *Это ДАР. При этом можете считать себя раздолбаем, или быть им). Спасибо за беседу!*

– Спасибо Вам, Алла, за выносливость.

Беседу вела Алла ЛЕСКОВА¹

---

¹ Наша искренняя признательность автору интервью и сотрудникам редакции журнала «Горец» (<https://gorets-media.ru/>).

Аркадий КАЙДАНОВ

Аркадий Семёнович Кайданов (род. 6 марта 1955, Нальчик) – поэт, тележурналист, телеведущий. Автор 14 поэтических книг, изданных во многих странах мира. Широко публикуется на страницах самых популярных литературных и общественно-политических изданий. Лауреат премии «Золотой телёнок» (1991). Лауреат и призёр Всесоюзных и всероссийских телевизионных фестивалей. Член Союза журналистов СССР с 1979 г. Член Союза писателей СССР с 1987 г. Автор и режиссёр документальных телефильмов.

***

От злобной толкучки, от яростных торжищ,
где только ленивый не жаждет навара,
я дланью небесной спасен и отторжен,
по счастью, того не имея товара,
что надобен в полувоенном пространстве,
кроваво сочащемся страхом и болью,
где в брошенном к трапу наивном: «Останься!» –
есть пренебреженье чужою судьбою.

Я в колкой гортани зачатки созвучий
хранил, хороня от недоброго уха,
считая, что мной досконально изучен
прием вычленения чистого звука
из мусора кухонь и подворотен,
кичливых проспектов, опасных окраин,
надеясь, что тем и пребуду угоден,
чему я единственный в мире хозяин.

Но мне ли судить, обвиняя в провале
своей невостребованной затеи,
уснувших вповалку на грязном вокзале,
толпящихся возле лотка лотереи,
клюющих на коловращенье наперстков,
на смену ораторов у микрофона,
на игрища сдавленных у перекрестков
поборников сильной руки или трона?

Повязанный общностью существования
со всяким ко мне равнодушным прохожим,
приняв его мертвое неузнавание
ознобом не ставшей дубленой кожи,
я впрок извлекаю чистейшие звуки
из скорбного вздоха и бедного мата
и знаю, что не пересилю разлуки
с землей этой, проклятой, но не проклятой.

1992 г.

***

Волглый полог тумана приподнят
не вполне однозначно, слегка,
так, пытаюсь припомнить, – не помнят,
так, стараясь подняться, рука
на мгновенье вздымает пространство
сбитых жаром ночным простыней,
чтобы лишь подчеркнуть постоянство
темноты, загустевшей над ней.

Проходя пограничную зоной
между жадною смертью и сном,
не имея весомых резонансов
в убеждении шатком своем,
на каком основании длится
этот немилосердный покой,
управляющий, словно возница,
настроением, мыслью, строкой?

СТРИЖ

Дней череда заверчена в спираль.
Там глохнут звуки и теряют лица
особые приметы, там февраль
пытается небезуспешно слиться
с опрятным маем, с шалым сентябрем,
не менее поросшими быльем.

Там августа невыключенный свет
размытости ноябрьской пригоден,

а марта кратковременный сюжет
развитие имеет при погоде
иной, присущей летним вечерам,
оставленным на откуп комарам.

Взрезая воздух ножевым крылом,
прикосновений памяти взыскуя,
случайный стриж на фоне голубом
так резок, как желанье поцелуя
в запасниках неприхотливых лет,
откуда к нам и проникает свет.

***

Сначала был туман. Потом окрест-
ность щедро сахарил колючий иней.
Пытались птицы заявить протест,
но голосами слабыми, больными.

А к немощи внимание при ны-
нешних общественных печалях,
как, впрочем, и при временах иных...
Так что напрасно глупые кричали.

Скрипя зубами бёрега, прибреж-
ная волна вставала дыбом,
и, ярких не успев надеть одежд,
шашлычные давились первым дымом.

Провинциальным чмошником, проси-
телем вдали стояло лето.
Отсутствие тепла переноси-
лось без проблем, так же, как строчка эта.

***

Так дождь семенит или жарят картошку на кухне, —
а это лишь раннее соло метлы под балконом,
пока возмужавшие тучи, как почки, набухли,
готовясь найти утверждение в праве законном
поступки и планы к своим приспособить причудам,
востребовав, если не чувств, то хотя бы вниманья
к тому, как, нежданно явившись бог знает откуда,
они громогласные преподнесут излиянья.

Однако тому совершаться пока что не время –
еще вознесенная пыль беспощадно живуча,
и, выискав место в искусно прописанной теме,
готовится грохнуть в литавры угрюмая туча,
готовится сад захлебнуться восторгом оваций,
в трубе водосточной густеет надрыв саксофона,
но что-то мешает, мешает душе подчиняться
законам насилья, косящим под силу закона.

СТАРЫЙ АДРЕС

Ступать ноге туда не то чтобы
запрещено, а просто нет резона,
как жарить ядовитые грибы,
как выходить на улицу с балкона,
как при фужерах из ладоней пить,
как спичкою дразнить лежалый порох,
как при цейтноте время проводить
в пустых и бесконечных разговорах.

В подземном слепом переходе
под неоспоримой зимой,
вольно предоставить погоде
собой наслаждаться самой,
вольно и себе предоставить,
с чего неизвестно, вздохнуть,
продрогшие плечи расправить,
перчаткою снег отряхнуть,
и выщелкнув сигарету,
ее предвкушая уже,
минуту неглавную эту
зачем-то приблизить к душе.

***

Давно не пил с друзьями,
а пил черт знает с кем,
быть может, даже с вами,
не ведая, зачем.

И если так случалось,
не ставьте мне в вину
угрюмую усталость,
державшую в плену.

Ведь если нам молчалось
не трудно и не зло,
то что-то состоялось,
сбылось, произошло.

***

В разные времена
и при любой погоде
находилась родня
во всяком чужом народе.

Я их узнавал по глазам,
по пальцам нервным и тонким,
по непролитым слезам,
по голосам незвонким.

Был их негромок шаг
и непонятым слово,
но вздрагивала душа
и оживала снова.

***

Кто тот безумец, что кричит вослед
всем поездам: «Меня не забывают!»,
следя пролетных окон быстрый свет,
разбрызганный на дождевом асфальте?

Вокруг шумит незрячая толпа,
ощерившись углами чемоданов.
Ворона с персонального столба
глядит на малолетних хулиганов.

Носильщиков веселая орда
рекомендует прочим побережья.
С небес течет нечистая вода
на прихотливый гомон просторечья.

А он одно заладил и кричит
«Не забывают!» тающим вагонам.
И Бог его заботливо хранит,
согласно своим собственным законам.

***

Взошедший на чужой порог, увы,
не многое я разглядел с порога:
сад незнакомый, темная дорога,
кустарник душный выше головы.

Кричала в полумгле железной выпь,
ей с озера лягушки отвечали.
Ознобно передергивал плечами
зеленый бог взъерошенной травы.

Шла по воде стремительная зыбь,
как будто кто-то дул на блюдце с чаем.
Присевший дом молчал, обуреваем,
предчувствием порывистой грозы.

Хозяин вышел тридцать лет назад
в сопровожденье давешних растений,
и тридцать лет оставленные тени
в углах усадьбы гнутся и шуршат.

И нескончаем скорбный разговор
полыни с чабрецом, ромашки с мятой
в присутствии дыхания и взгляда
того, кто обессмертил этот двор.

Я разглядел не многое, увы,
где сосны высоки, как строй эклоги,
где безрассудно сходятся дороги
хулы и славы, правды и молвы.

***

Сверчком запечным скука тайная
с ума пустою ночью сводит,
покуда женщина случайная
все медлит, медлит, не уходит,

и обволакивает панцирем,
и о ненужном вспоминает,
и нервными сухими пальцами
окурок крашенный сминает.

А неприкаянная музыка
по темным комнатам слоняется –

найти потатчика, союзника
она надеется, пытается.

Серебряные и горючие,
непостижимой концентрации,
кружат по комнатам созвучия,
как белые цветы акации.

Такою чистой и застенчивой
лишь ночью музыка случается,
и от ее свечения женщина
тоньшает, блекнет, растворяется.

АКТРИСА

Разбередить желание вины,
и в досягаемости узнавания
пытаться оценить со стороны
изящную законченность страдания.

А в нем и жест, и взгляд, и тяжесть век
подчинены единой сверхзадаче,
и сигаретный дым имеет вес,
поскольку в мизансцене много значит.

И бледность щек, и жилка на виске,
и твердых пальцев суетная беглость...
И все всерьез, но как-то налегке,
вплоть до слезы, лелеющей умелость

катиться вниз округло и светло
в просчитанное точное мгновенье –
когда бы это не произошло,
неполным бы осталось впечатленье.

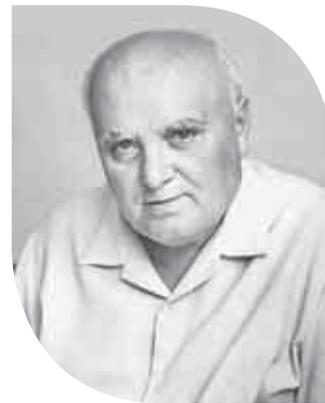
Какой неопиcуемый соблазн –
воздать себе за безысходность муки
и все букеты зрителей собрать
в беспомощно опущенные руки.

Как достоверна линия спины
среди простых аксессуаров быта,
как сладостно мерцание вины,
заигранной, почти что позабытой.

*Аскерби ШОРТАНОВ*ГОРЦЫ¹*Книга 4**Глава восьмая*

1

Обмен пленными должен был состояться в долине реки Мачак. Стороны готовились не покладая рук. Пойма в этом месте, ровная и прямая, хорошо просматривалась с обеих сторон. Русские, не ожидая подвоха, выполнили все условия договора. Сказано было выставить один батальон – выставили. Горцы выставили столько же. Только русский батальон стоял в открытой части поймы, а Шамиль спрятал хвост своего войска там, где начинался лес. Не стал скрывать и свою охрану из трех сотен мюридов. У каждого из них на груди была нашивка из белого полотна в виде полумесяца. Не спрятал имам и свои орудия. По условиям, русские выставили шесть пушек, Шамиль – двенадцать. Пушки установили неподалеку от шатра Шамиля, на небольшом плато. Сам же имам расположил свой шатер на единственном возвышении в этой долине. Отсюда ему было видно все, что происходило в долине Мачака.

Едва он появился из своего шатра, пальнули разом все шесть пушек со стороны русских, отдавая ему салют. В ответ громыхнули двенадцать орудий горцев.

Начался обмен. По правде, Шамиль был раздосадован. За освобождение грузинских пленниц он рассчитывал получить от русских гораздо больше. Главным условием было, конечно же, вернуть ему сына, который вот уже шестнадцатый год находился в России в роли аманата. Кроме того, он требовал освободить его родичей, томящихся в русском плену, – всего сто одиннадцать человек. А сверху имам потребовал миллион рублей. Да, он не получил всего, что хотелось бы, но главного он все же добился.

Один из речных рукавов был высохший, и здесь, в сухом русле, установили стол. На стол выложили протокол с именами и титулами тех, кого собирались обменивать. Со стороны русских сидели два офицера, со стороны горцев – Кебит и еще один мюрид. Сухое русло было границей, и никто не мог переступить эту линию.

К шатру Шамиля подвели группу людей с завязанными глазами, большинство – женщины.

– Снимите повязки, – приказал Шамиль.

¹ Продолжение. Начало в №№ 1, 2017 г., 2, 3, 4, 2019 г.

Пленных привели попрощаться с имамом. Впереди группы стояла Анна Ильинична, и она учтиво поклонилась Шамилю, другие последовали ее примеру. Шамиль, в свою очередь, проявил уважение к женщинам, встал и поклонился им.

Стоявшие перед ним женщины были одна краше другой. Но Шамиль не замечал никого, кроме Анны. Даже лохмотья не могли скрыть, что она благородных кровей. Имам хорошо знал, что эта женщина была фрейлиной самой императрицы, вхожей в императорский двор, кроме того, она была родом из царской семьи Грузии. Именно поэтому Шамиль запросил столь высокую цену за ее свободу.

– Простите, если мы вас чем обидели, – сказал Шамиль. – Мы не желали вам зла, волей Аллаха попали вы в наши руки. Мы не враги вам, вы и сами знаете, с кем мы ведем войну...

Он постоял с минуту, будто обдумывая, что делать дальше. Затем выпростал белую руку из широкого рукава и, взмахнув ею, сказал громко, едва ли не крича:

– Этот божий мир сотворен для вас, прекрасных. Чтобы жили вы в смирении, кротости и покое. – Он обвел рукой просторную долину, обвел ее взглядом и продолжал: – Не мы разрушили этот мир, и не вы. Это сделали те, кто пришел на нашу землю, желая отнять наши горы, наши реки и долины, нашу веру. Это они, ваши братья по вере и по оружию.

Женщины слушали молча, не смея поднять глаза.

– Не обессудьте, если не все получилось так, как бы мне хотелось, – продолжал Шамиль. – Я сделал все что мог, чтобы облегчить ваши страдания в плену... А ведь семейство Орбелиани, к которому принадлежите вы, – он повернулся к Варваре Ильиничне, и в голосе его звучала плохо скрываемая досада, – всю жизнь с нами воюет. Мне довелось в плену держать отца вашего мужа. И все равно вы никак не уйметесь. А вот ваш муж, – теперь он обращался к Анне, – стоял в трех верстах от Цинандали, когда мои парни вас умыкали. Как это вам – стоять рядом, да еще с войском, и смотреть, как чужаки похищают твою жену и детей. Срам! Не по-мужски это. Теперь, говорят, пришел сюда со своей армией и ждет, пока я вас отдам... Ступайте, живите долго. И не попадайтесь больше моим молодцам.

Грузинские дамы стояли, все так же потупив глаза и не смея возразить имаму.

– Двадцать два ваших человека находились у нас, столько же возвращаем, ни у кого волос с головы не упал, разве что поседели некоторые...

Шамиль сделал знак своим людям, и они повели пленников вниз по склону холма. Впереди шел наиб Эльмурза. Пленников нужно было доставить в условленное место, к сухому рукаву Мачака.

Люди спускались с холма гуськом. Шли они молча, все еще не смея поверить, что свободны. Вот и высохшее русло, заросшее посередине

полосой зеленой травы. Едва грузинских пленников подвели к этой черте, из-за стола вскочил Хаджио, который был занят подсчетом денег. Он считал себя большим шутником, вот и сейчас не удержался:

– Грош нам цена! Хоть бы одну грузинскую княжну смогли очаровать!

Здесь считали деньги. Русские подвезли пять арб с монетами. Шамилю предлагали бумажные деньги, но он отказался. После раздумий спросил: «А какие есть в России деньги, из которых можно отлить пули?»

Ему нужен был свинец, но денег из него, как оказалось, не чеканят. Делать нечего, пришлось брать монетой, всего больше пятидесяти тысяч рублей серебром. Но вот незадача – во всем Дагестане и Чечне не нашлось человека, который мог бы пересчитать такое количество денег. Наконец набрали среди торгового сословия четверых во главе с Хаджио и усадили за счет. За ними зорко наблюдали обступившие их представители двух сторон – горцы и солдаты в равных количествах.

Пересчитанные деньги ссыпали в корзины, бережно выложенные изнутри войлоком, затем ставили на арбу, стенки которой также были обиты войлоком, и даже колеса для мягкости и тишины хода были обтянуты войлочными полосками.

– Чем пересчитывать выкуп за вас, лучше бы мне получить эту уйму денег на вашей свадьбе, как плату за заключение брака, – все шутил, приплясывая вокруг корзин с деньгами, неугомонный Хаджио.

«Уйму денег» прислало российское правительство в обмен на пленных. Правда, хорошо вложились и дворяне из Тифлиса, Москвы и Петербурга, которых весьма взволновала судьба благородных грузинских дам.

Пленников остановили возле стола. Как только наполнялась деньгами очередная арба, Кебит отсчитывал определенное количество людей и передавал их наблюдавшему русскому. Две княжны приберегались им на самый конец. Наиб хорошо знал им цену и дал понять русскому наблюдателю, что женщины не перейдут реку, пока не будут получены все деньги сполна и не выполнены условия сделки.

Наконец, монеты сосчитаны и переданы, но Анна и Варвара все еще не отпущены. Вдалеке показались трое всадников. Тот, что посередине, был сын Шамиля – Джамалдин. Теперь все зависело от него.

В сопровождении двух русских офицеров ехал статный юноша двадцати двух лет, одетый в форму уланского полка цесаревича Михаила Николаевича с погонями поручика. За всадниками ехала бричка, запряженная двойкой прекрасных жеребцов и доверху набитая книгами Джамалдина на русском и французском языках и тюками с его личными вещами.

– Все пропало. Прощай академия и все планы на карьеру, – грустно произнес Джамалдин. Недавно ему сообщили о решении направить его в военную академию, а теперь вот – все кончено.

– Да не расстраивайся раньше времени, Джама, – сказал один из офицеров, – задобришь отца, глядишь – все наладится.

– Кто знает... Я уж забыл все родное. Настолько привык ко всему русскому, что даже не знаю, смогу ли принять что-либо иное.

– Ничего, Джама, справишься, – подбодрил его второй спутник. – Самое главное – твой отец.

– Я понимаю, да. А что мне нужно делать, когда подойду к нему?

– Не знаю, как у вас, а у нас принято отцу руку целовать.

Шамиль продолжал наблюдать за происходящим со своей возвышенности. Солнце начинало припекать, и над головой имама держали натянутую на жердях плотную ткань.

Он заметил вдали трех всадников, подумал о сыне, но не хотел верить, что его приведут вот так запросто. Шамиль ожидал, что его сына вернут с пышным празднеством, с громом пушек, с музыкой и салютами, в сопровождении генералов.

Лазутчики Шамиля разузнали, что наместник Кавказа Муравьев неотлучно находился на месте военных действий в Карсе, глава его штаба Барятинский здесь, или должен подъехать. Во всяком случае, Шамиль его не видел, и его разбирала досада, что генерал никак себя не проявляет. Может, считает ниже своего достоинства подойти к нему? А ведь они знают не первый год.

Шамиль привык иметь дело с равными себе, начиная с царя и заканчивая генералами, и никак не ниже чином. Конечно, он понимал, что происходящее сегодня не делается без ведома императора. И деньги привезены по его приказу, и сына возвращают, и грузинских вельможных дам выкупают его же, императора, волей. И все же имама коробило, что его не удостоил своим посещением Барятинский или другой генерал.

Всадники спешили у изножья возвышенности. Вглядевшись, Шамиль почувствовал острый укол в сердце, казалось, каждая жилка в его теле болезненно сжалась, лишая сил и воли. Офицеры приблизились к нему и отдали честь, но он, казалось, ничего не заметил. В таких случаях он слегка наклонял голову в знак приветствия, но сейчас не сделал и этого.

– Как добрались? – спросил он коротко.

– Дорога не из легких, почтенный имам, что и говорить, – с готовностью пожаловался светловолосый молодой офицер. – Видал я разные дороги, но такой трудной не припомню. Пока шаг сделаешь, так и изойдешь потом, что человек, что лошадь. До чего же узкая теснина, а тропы какие каменистые.

– Потому я и молился за вас, – кивнул Шамиль. – Трое царей объединились и не могут свалить одного русского царя, до того он силен. А этот сильный царь не может меня победить, потому что меня защищают

те самые каменистые дороги, узкие теснины, пропасти и тайные тропы. Не будь их, юноша, нас бы давно стерли с лица земли...

– Мы привезли вашего сына, почтенный имам, – сказал смуглолицый офицер на чистом аварском языке. – Вот ваш сын.

Он тронул Джамалдина за плечо и слегка подтолкнул его к отцу. Но молодой человек стоял растерянный и не решался сделать шаг. Шамиль тоже смотрел на него немигающим взглядом, и в прищуренных глазах его не было ни искорки тепла.

Джамалдин был сыном имама от первой жены Патимат. Шамиль сильно любил ее. Говорили даже, что во время Даргинского сражения от мюридов не ушел бы живым ни один инородец, не оставь их тогда имам одних на поле. Ему сообщили, что жена при смерти, и он поспешил домой...

Когда молодые люди поднимались на холм, Шамиль всматривался в их лица, пытаясь понять, который из них его сын. А может, ему пытаются подсунуть совсем другого юношу? Что ни говори, а шестнадцать лет могут изменить человека до неузнаваемости. Джамалдину было всего пять лет, когда его увезли в Россию. А за это время самый отчаянный горец может стать гяуром.

Джамалдин, следуя совету друзей, наклонился к руке отца, собираясь поцеловать ее. Но тот убрал руку. Растерявшись, Джамалдин постоял с минуту, потом встал на колени, чтобы поцеловать край платья имама, но он и этого не дозволил.

– Переодеть, – отдал он приказ.

Мюриды, словно этого и ждали, обступили и увели Джамалдина.

Вдалеке раздались раскаты грома, вмиг заволокло небосвод черными тучами, так плотно, что непонятно было, небо почернело или густой лес. Ветер, родившийся где-то за Черкесскими горами, набрал силу, взмыл и засвистел, заворчал.

Непогода была и в душе имама. Теперь он был точно уверен, что ему прислали не его сына. Джамалдина, скорее всего, надежно спрятали где-то в глубине России. Но знал имаму одну приметку, что помогла бы ему узнать истину, и на нее была последняя надежда.

В душевном смятении он не заметил, как подошел к нему Евдокимов. На нем были полковничьи погоны.

– Уважаемый Шамиль, меня прислал к вам князь Барятинский. Он спрашивается о вашем здравии и просит передать, что теперь ваш черед...

– Погоны быстро меняешь, – перебил Шамиль, бросив на него колючий взгляд. – Да голова поспекает ли за плечами? – Полковника передернуло, но он не ответил на укол. – Мы с тобой слишком часто встречаться стали, а ничего хорошего в том нет.

– Так-то оно этак, имам, но всему должен быть конец.

– Согласен. – Голос Шамиля был бесстрастен и даже печален.

– Однако не за этим меня прислали. Мы вернули вам сына. Это большая радость. Но правду говорят у вас, горцев: радость и горе в одной связке идут. Наш светлейший император Николай, который столько лет вел с тобой войну, скончался.

Шамиль слегка привстал:

– Да будет светлым его ахрат.

– Благодарю, имам. Теперь на престол взошел сын Николая – Александр Второй.

– Он приезжал сюда вместе с отцом.

– Новый император пожелал вам здравия и прислал в дар свой портрет...

Двое офицеров, сопровождавших Евдокимова, сняли полотно с рамы, и перед Шамилем поставили большой портрет Александра Второго. С русской стороны отсалютовали канонадой пушек, громыхнул полковой оркестр, следом раздалось многоголосое солдатское «урр-ррааа!»

– Даритель сего портрета желает мира этой земле и просит во имя жизни наших детей прекратить войну...

Шамиль перебил его:

– Прекратим, когда вы вернетесь туда, откуда пришли! Вы любезны нам как соседи, но не нужны как хозяева. Видно, кинжалы так и останутся меж нами.

Молодые мюриды вернулись, шумные и радостные, ведя с собой переодетого в горское платье Джамалдина. Его подвели к отцу. Шамиль резко взял его за ворот горской рубашки, дернул так, что пуговицы посыпались, и впился глазами в обнажившееся плечо юноши. На плече чернела родинка.

Шамиль вздрогнул. Душу его захлестнула нежность, и он, не стесняясь горцев, притянул к себе сына и крепко обнял:

– Сын мой... Джамалдин...

2

По дороге, идущей вверх вдоль реки, медленно брели пять арб, запряженных волами. О тяжести груза можно было догадаться по тому, как животные стонали от натуги. В передней арбе стоял Чечен, размахивая длинной хворостиной и громко напевая веселую песенку. Повозку обступили с десятков верховых, горцев и русских. Все они, кто как мог, подпевали Чечену. Могучие волы были разукрашены, как для праздника: между рогами привязаны цветы, колесные спицы перетянуты витой соломой. И даже три чабанские собаки удостоились украшений в виде завязанных в шерсти пестрых лоскутов.

Сопровождавшие обоз люди были крайне возбуждены, горланили песни, стреляли в воздух. Все говорило о том, что здесь происходит что-то необычайное.

А происходило то, что с хутора Крутоярский везли жернова для новой мельницы, что строил Чечен в новом горском поселении Умар-юрт. Жильцы хутора были переселенцами из Рязанской губернии. Им ли было не знать, как хлопотно селиться и налаживать жизнь на новом месте. И на хуторском сходе решили не продавать жернова новым соседям, а подарить.

Первым обосновался в этих местах горец Умар, который выпросил у казаков во временное пользование клочок земли. Вскоре к нему стали подселяться другие горцы, которые уходили от Шамиля и спускались в долину. Постепенно здесь вырос аул, который так и назвался – Умар-юрт, а со временем «казенные» власти выделили аульчанам землю. И теперь соседствовали три поселения – казачья станица, русский хутор и горский аул.

Обычай украшать повозки и тягловую скотину колосьями пшеницы сохранился со времен язычества, и в праздник урожая здесь непременно обвивали колеса повозок, рога животных жгутами из колосьев, завивали венки из стеблей злаков, называя их «бородой Георгия». Вряд ли кто-нибудь помнил, откуда пошел такой обычай, или задумывался над смыслом происходящего. Есть обычай – его надо исполнять, свято веря, что делаешь богоугодное дело.

На разукрашенной арбе стоял во весь рост Чечен и без усталости распевал свою песню. Интересная была судьба у этого человека. И отца его, и деда звали так же, как его самого – Чечен. Его дед убил кого-то и ушел в горы Дагестана, там и обосновался, потеряв и имя свое, и фамилию, и род. Его стали звать Чечен – по названию земли, с которой он пришел. Ни детей его, ни внуков не стали звать иначе. Будучи еще молодым, Чечен вошел в окружение Хаджи-Мурата, хоть и был гораздо моложе его. Хаджи-Мурат относился к Чечену с уважением, ценил его за смекалку и бесстрашие. Вместе им довелось побывать не в одной переделке. Приходилось даже на стороне русских воевать. В битве за Ахульго Чечен был среди тех, кто умыкнул жену Ахмедхана, который вечно стоял на пути Хаджи-Мурата. Он любил рассказывать об этом случае, когда в поисках ханши прочесали весь дом, но нигде ее следов не нашли. Решили, что она уехала к своим родным, узнав заранее о набеге. И когда уже собирались покинуть дом, Чечен обратил внимание на чрезмерно пышную подушку на кровати. Ткнул ее – из подушки вылезла жена хана. Так и умыкнули ее, всю в пуху и перьях, потом взяли за нее выкуп у хана, три тысячи рублей серебром, – с удовольствием завершал свой рассказ Чечен.

Так и носило Чечена по свету, пока в один прекрасный день он не понял: нельзя всю жизнь прожить набегам да разбоем. Вложил он, как говорят, шашку в ножны и сделался мирным аульчанином. Семью завел, мельничку поставил. Но далеко ли до беды – подбили его

мюриды с ними идти. Продал Чечен свою мельницу и все, что нажил, купил лошадь, снаряжение и снова пошел на войну. Только не успел он единожды шашку обнажить, как вышибла его из седла гяурская пуля. С пробитой головой привезли его в аул, собрали лекарей и стали ему пулю из головы извлекать. Ковырялись, ковырялись в ране – а рана была глубокая, и один из лекарей вскрикнул: «Осторожнее, я мозги вижу!» А раненый в ответ: «Как ты можешь видеть мозги, которых нет! Будь у меня мозги, я бы не распродал все свое добро, чтобы купить оружие и уйти к Шамилю воевать с русскими!».

Пулю все-таки удалось извлечь, вскоре и голова зажила. Только с той поры дал себе клятву Чечен – ни за какие посулы не знаться больше с мюридами и им подобными. Так и сделал. Перебрался в Умар-юрт – здесь не стреляли, аул этот считался мирным. Вот только мельницы здесь не было, и людям приходилось туго. А Чечену только того и надо – построил на местной речке мельницу. Жернова вот сегодня везли с хутора Крутояр – в подарок достались от соседей. Еще бы ему не петь, не ликовать!

А в Умар-юрте Чечена ждали с нетерпением. Звучали барабаны и зурны, люди танцевали. Наподобие казачьей станицы, аул заложили стройными рядами домов, с просторной улицей посередине. И сейчас на этой улице было многолюдно. На берегу бурливой речки Ак-Су Чечен остановил арбу. Жернова выгрузили. Продели железные ломы в отверстия каменных колес и стали катать их по дну речки. Никто не знал, откуда пошел такой обычай – непременно купать жернов до укладки, но соблюдали его все. Впереди жерновов, ближе к берегу, шли по воде двое мужчин и ладонями брызгали на камни воду. Люди на берегу радостно галдели и выкрикивали благопожелания. Так и катили жернова вниз по реке до самой мельницы Чечена. Здесь их выкатили на сушу и сделали семь кругов вокруг мельницы. И лишь потом, под всеобщее ликование и выстрелы в воздух стали устанавливать. Вокруг негде было ступить от столпотворения аульчан, живших по обоим берегам речки Ак-Су. Мельницу, куда закатили жернова, люди обсыпали горстями зерна – пшеницы, проса, ячменя, кукурузы, стараясь бросить его выше крыши, что было всегда под этой крышей изобилие. Землю перед входом уже утоптали ноги танцующих. Ликованию в тот день не было конца.

Это была общая радость. Люди с двух берегов Ак-Су до этого мололи зерно ручными мельничками, которых в общем пользовании было две-три на весь аул. Мололи по очереди, передавая из дома в дом. Муки хватало семьям на два-три дня, не более, потом опять приходилось дожидаться очереди или ехать на хутора к русским или казакам. Теперь аульчанам не было нужды ехать далеко, чтобы смолоть свой хлеб.

С этой радужной мыслью заснули той ночью жители Умар-юрта, и даже не снилось им, какая беда их дожидалась на пороге.

Заря едва занималась, когда аульчане заметили, что их обступили люди Шамиля. В предрассветных сумерках виднелись стоящие в десяти шагах друг от друга мюриды в бурках до земли, с длинными кинжалами. За пешими стояли группами всадники, готовые ринуться в бой. На ближнем к аулу безлесном холме восседал, как водится, Шамиль в походном кресле, вроде тех, что возят с собой генералы. За его спиной различалась фигура Саадула с секирой на плече. Оба были хмуры и безмолвны. У изножья холма выстроились приближенные имама, триста наездников. Русские называли их «шамилевой гвардией», а на деле звались они муртазаками.

Наибы и муртазаки хорошо знали, для чего они здесь. Но в последнее время случалось, что Шамиль менял свои решения или повторял их несколько раз – видно, из-за каких-то сомнений. Вот и сейчас они стояли недвижно, ожидая, что же решит имам.

– Ни одной души здесь не останется, – мерным, холодным тоном начал Шамиль. – Никто не уйдет живым, даже не улетит! Этот аул возник против воли Аллаха, как чирей на лице земли. Эти проклятые люди снюхались с гяурами, едят с нашими врагами из одного подола. А те, кто против нашей священной войны, тот против Аллаха! Разрешаю унести все, что сможете поднять, а что останется – сожгите! Вперед, не ведайте пощады!

Наибы и муртазаки только этого и ждали. Они рванулись с места, торопясь опередить один другого и первым прийти к заветной добыче. Шамиль смотрел им вслед. Но перед глазами у него стояла Фатимат, в ушах стоял ее голос и горькие слова, которые она бросила на прощание: «Мы нашли другое прибежище. Рядом с русскими». Он вышагивал по лысому холму, и вновь и вновь звучали в голове ее слова. Возможно, тогда она и не придавала им значения. Но Шамиль смотрел далеко. Не для того он двадцать лет вел войну с русскими, чтобы горцы смирились и перемешались с ними. Ведь они, русские, явились сюда не только за землей. Они хотят отобрать у горцев все, начиная от одежды, заканчивая людьми. Они хотят, чтобы не осталось на этой земле ничего горского, а стало все русским.

Шамиль не мог согласиться с тем, что его народ зажат между двух огней, и Кавказ, на котором сошлись границы трех держав, не может более оставаться свободным, и ему придется выбирать, к какой державе примкнуть, дабы сохранить себя. Он считал иначе: горцы должны быть вольными, не нужно им чужое покровительство. Турки, персы – они мусульмане, но пусть и они не запускают руки в их котел. Да, Шамиль устал думать обо всем этом. И воевать он устал. Но ради благого дела

он не мог покинуть седло до тех пор, пока не дотянется рукой до желанной цели.

Ему и в голову не приходило, что горцы могут когда-нибудь устать от войны. И самого главного Шамиль не понимал: нельзя все время находиться между молотом и наковальней, нужно выбрать одну сторону – либо молота, либо наковальни. Он уже знал, что Россию ему не победить. Но ведь должна она когда-то устать? Не век же ей вести войны в теснинах и скалах? Вот имам и рассчитывал, что русские устанут и, в конце концов, сами утихомятятся. А тех горцев, что уставали раньше времени, сдавались и нарекали себя «мирным аулом», Шамиль презирал и не знал к ним никакой пощады.

Он стал несдержан в последнее время, сразу выходил из себя, его начинало трясти от злости, да так, что он даже не слышал слов, к нему обращенных. Люди заметили это, да он и сам замечал в себе перемены к худшему, но поделать с собой ничего не мог.

Стоявший над аулом плач не распался на голоса, он слился с единый гул всеобщего горя и страха. Посреди этого, словно вздрагивая от испуга, звучали одиночные выстрелы, собачий вой смешивался с женскими криками и плачем и рвал душу. Испуганное мычанье и бляенье скота дополняло общий хор. Пылали сакли, подожженные с четырех углов.

Во двор Умара нагрянули всадники, ведомые Кебитом. В руке у Кебита сыпал искрами пропитанный нефтью факел. Умар метался в бессилии по двору. Он бросился навстречу непрошеным гостям:

– Во имя святости вашего имама, прекратите это, пожалейте людей!

– Ты же подогреваешь гяуров, вот мы и принесли тебе огонь! – Кебит спрыгнул с коня и, размахивая факелом, направился к амбару с собранным урожаем.

– У вашего имама нет ничего святого?

– Не тебе, хлебающему из одной чаши с русскими, об этом говорить! – Кебит ногой вышиб дверь в амбар, Умар бросился за ним.

– Что ты делаешь, выродок! Виданное ли дело – сжигать дарованный Аллахом хлеб! – Он бросился навзничь на зерно и раскинул руки, надеясь спасти свое добро. Кебит взмахнул шашкой, удар пришелся по лицу и лбу лежащего, и струя крови обагрила зерно. Умар только и успел произнести:

– Да падет на тебя гнев Аллаха...

До полудня смешали с землей, спалили и разграбили все, что построили и накопили жители Умар-юрта за несколько лет. Тех, кто не желал уходить из аула добром, выгоняли, а то и вытаскивали волоком. Воля Шамиля была непреклонна: вернуть непокорных заблудших горцев в горные аулы, откуда они сбежали. Это была ужасающая картина.

Строптивых тащили со связанными руками на веревках вслед за арбами. Особо буйных привязывали к седлам за руки и шею, чтобы

не вздумали противиться. Несмолкаемый плач, вой, крики, пыль над ущельем. Когда пыль слегка рассеивалась, в тени арб можно было разглядеть изможденных собак с высунутыми языками.

В небе кружил орел, распластав огромные крылья, и словно дивился тому, что творилось на земле. Возможно, ему казалось, что вся эта живая масса внизу гонима какой-то страшной силой, неподвластной людям. Шамиль заметил парящую птицу и задрал голову, сделав ладонь козырьком:

– А еще говорят – царь. Вот кто настоящий царь, владыка в небе, свободен на земле. – Он погладил кошку, сидящую у него на коленях. – Что может быть слаще свободы?

Понимал ли он, что сейчас его слова не совпадают с делами. Он был убежден, что Аллах создал человека таким, а значит, в Его воле взять на себя отпущение части грехов в судный день. У Шамиля была удобная привычка: когда он творил добро, он относил это только к своим заслугам, а если же творилось зло его руками, он изо всех сил искал того, с кем разделить грех. И зачастую он призывал в сообщники самого Аллаха.

Вот и сейчас в руках его была книга «Джалал» с толкованиями сур из Корана, в которых можно найти оправдание каждому деянию. Шамиль прочел нужные строки и повторил их вслух: «Нет большего греха, чем деяние, унижающее твой род и его устои». Удовлетворенный, он прикрыл веки и принялся снова гладить по белой шейке мурлычущее создание. Но тут его слух резанул истошный женский голос, выкрикивающий страшные проклятия и до боли ему знакомый.

– Да чтоб ему сгинуть, что же он нам покоя не дает! Что мы ему сделали, да проклянет его Аллах! Вы, дураки, называете его своим имамом и считаете святым! Да он самый большой грешник на свете, он весь состоит из грехов! – Изо всех сил кричала женщина, привязанная к арбе. – Он человек без чести и совести, нет для него ничего святого! Он прелюбодействует с чужими женами! Нет от него житья, чтоб его пуля сразила!

Арба поравнялась с холмом, на котором восседал Шамиль. Женщина стала кричать с новой силой:

– Чтобы все проклятия мира пали на твою голову, Шамиль, за кровь бедного Умара! О Аллах, услышь меня, обрушь свой гнев на того, кто рушит нашу жизнь и приносит нам столько горя. Не святой он, не имам, а земная тварь, сплошь из грехов и святотатства!

– Закрой рот! – Кебит замахнулся на нее камчой. – Не то отправишься вслед за мужем!

– Будь ты проклят! И имам ваш будь проклят, и все вы, все будьте прокляты!

Это была Фатимат.

***

Лишь к вечеру подоспели к Умар-юрту солдаты. Им можно было уже и не приходить – аул был спален дотла, и спасать от Шамиля и его головорезов было уже нечего и некого. Лишь одна живая душа оказалась здесь – корова, выбежавшая прямо на солдат из чудом сохранившихся кукурузных стеблей. «Бешеная корова!» – закричал кто-то, и несколько ружей вскинулись разом.

– Сами вы бешеные! – крикнул бывалый солдат. – Глядите, вымя от молока распирает, вот и просит подоить ее!

На шее коровы была веревка, на которой болтался старый башмак-гоншарык.

– Это еще зачем? – удивился кто-то.

– От сглаза, – пояснил тот солдат, что советовал подоить корову.

Не задерживаясь в разоренном Умар-юрте, русский батальон пустился в погоню за Шамилем, чтобы отбить угнанных горцев. Шамиль знал, что за ним след в след идут русские, и потому торопился, гнал людей и лошадей без передышки. В самом хвосте обоза разместил конную часть – на случай, если их все-таки догонят.

В первый день настигнуть горское войско не удалось. Но на рассвете второго дня Шамиль увидел приближающийся отряд русских. Нужно было принимать бой. Шамиль не любил вести войну на равнине. Но сейчас выхода не было, и он выбрал для встречи с противником место, где дорога начинала идти вверх. Здесь по обе стороны был лес, и это тоже было ему на руку. Имам не сомневался, что одолеет преследователей. Но на этот раз он ошибся.

Русские сразу обнаружили части Шамиля, спрятанные в лесной чаще. Быстро развернув свои обозы четырехугольным вагенбургом, солдаты залегли в укрытия и стали вести огонь по горцам. Несколько раз Шамиль пытался атаковать вагенбург, но безуспешно.

Бой все разгорался, незаметно время близилось к полудню. Горцы отстреливались неистово, но вдруг стихли выстрелы с их стороны, как по команде.

– Саадул, что происходит?! – вскинулся Шамиль.

– Время намаза, имам.

– Какой намаз в таком огне! – закричал имам.

– Имам, разве можно пропускать намаз?!

– Можно, можно! – Шамиль вконец вышел из себя.

– Нельзя, нельзя! – подбежал к нему хаджи, дважды посетивший Мекку, потрясая какой-то книжицей. – Вот в этой книге Ибн-Гажар пишет, что нет такой причины, по которой можно пропустить намаз хотя бы единожды.

– Знаешь, хаджи, обрушь я град пушечных ядер на твоего Ибн-Гажара, он бы и не вспомнил о намазе! – Шамиль бесновался, всем на

удивление. – Саадул, немедля поднимайте всех в бой, никаких намазов, пусть дерутся, пока кости не оголятся!

Саадул, а с ним и десяток муртазаков кинулись исполнять волю имама. Молящиеся жались к земле, по кустам, пригибаясь под свистом пуль и снарядов, они не вставали на ноги, даже когда это предписывалось ходом намаза. Муртазаки стали стаскивать их с намазлыков. Некоторые попробовали возмутиться:

– Вы же мусульмане, что творите!

Вскоре горцы поняли, что для Шамиля сейчас важнее не священная вера, а священная война с гяурами. Они ринулись в бой с новой силой, но снова их отбросили от вагенбурга. Только и было успеха, что сумели захватить с собой с десяток вояк из горской милиции, воевавших на стороне русских. Шамиль сверкнул на них очами, полными гнева и презрения:

– Раздеть всех, раздеть догола!

С плененных сорвали одежду, даже исподнего не оставили. Они стояли перед земляками, сгорая от стыда и прикрывая руками срамное место.

– Поглядим теперь, как они вернутся в свои аулы, – сказал Шамиль. – Гоните их по домам!

Глава девятая

1

Максим Шило давно уже не числился в полку – свои двадцать пять лет он отслужил, и его списали. Только вот уходить из армии он никак не хотел. Да и некуда было ему податься. Он и жизни-то другой не знал, кроме службы. Не было у него на всем белом свете ни единой родной души. Отца своего он не знал, а мать родила его прямо в поле во время жатвы, да и умерла. Сослуживцы не раз пеняли ему беззлобно: «Да разве это женщина – родила такого кроху и тут же дух испустила. Не получилось бы из нее матери путной, правильно сделала, что померла». Даже дружок Фома – и тот подтрунивал: «Ты, Ксимушка, видать, не в добрый час родился, – взял и мать свою убил при первом вздохе. Да еще коротышкой уродился, гляди, все растут, а в тебе роста с вершок». – «Тополь вон высоко растет, потому как бесполезное дерево, вот как ты, – без обиды отвечал Максим. – Так-то вот, Фомушка, ты бы лучше язык придержал да мотню застегнул».

Без солдата Шило, казалось, и полк не полк. Пусть он не был приписан никуда, и жалованья не получал, а ему, казалось, этого и не нужно. Голодным никогда не оставался, братушки-солдатушки делились с ним куском хлеба. Да что родной полк – другие полки, бывало, спорили, у кого Максиму Шило быть на иждивении. Один раз его даже украли ни-

жегородские, когда он в Кабардинском полку находился. Хорошо знали его в Шенгенском, Ширванском, Тифлисском, Апшеронском полках. И всюду его любили и привечали. Потому как нрав у него был добрый и веселый, с ним никогда не бывало скучно. Шутки, прибаутки так и сыпались из него. А историй он сказывал бесчисленное множество, что-то выдумывал, что-то было на самом деле, и никто не мог разобрать, где правда, а где кривда.

Особенно любил он вспоминать про Марийку из Червленной. О чем бы ни рассказывал – где-нибудь да проскользнет заветное имя. Марийка была его сном и явью, его ночью и днем. И рассказывал он о ней все годы подряд, и со временем образ ее менялся, как менялся с годами он сам. Поначалу она появлялась в историях Максима его возлюбленной невестой. Но вот ему перевалило за тридцатник, и стал он начинать свои рассказы иначе: «В годы моей юности, когда я влюблен был в Марийку из Червленной, приключилась со мной такая забавная история...» Вся его жизнь делилась на две части: тот день, когда Марийка сказала ему: «На стволе твоего ружья ворона сидит», – и все, что было после того дня.

В ранней юности, когда бахвальства ради он хотел поклясться, то клялся своей лошадыо: «Клянусь моей лысолобой лошадкой». А уж потом появилась в его жизни Марийка, и лошадка отошла в сторонку. Теперь клятва была одна: «Клянусь душой моей Марийки». Примером и мериллом всему была она, Марийка.

Мария бы обрадовалась.

Марийке это не понравилось бы.

Мария это любила.

Марийка осерчала бы.

Вот Марийка посмеялась бы!

Теперь Марийка являлась ему в разных образах, во всех, как он себе ее представлял когда-то. Потом ее облик сменялся лицами сослуживцев и друзей – Фомы, Прохора и других. Потом и они исчезали, и на память приходили события прожитой жизни, как из далекого сна.

Почему-то неотвязно появлялся перед глазами зеленый кузнечик, убитый им когда-то. На привале сидел он как-то и ел солдатскую кашу, и тут прямо в миску к нему прыгнул кузнечик. Максим бережно поддел его ложкой и вытряхнул – лети, мол, живи. Но не успел ложку поднести ко рту – тот же кузнечик прыгнул в кашу. И снова Шило поддел его ложкой и отпустил: «Ты, конечно, тоже божья тварь, но не порти ты мне кашу, улетай, покуда цел». Но кузнечик не послушался совета и снова оказался в миске. Тут уже Максим не выдержал: «Дважды я тебя спасал, а ты и на третий раз попался. Выходит, мне тебя бог послал». Раздавил его ложкой прямо в миске и съел вместе с кашей. А теперь вот – едва глаза прикроет – стоит этот кузнечик перед глазами, житья не дает.

Тяжело раненный Максим Шило впадал в дрему и тут же просыпался, вздрогнув. Может, потому и снится ему каша, и кузнечик этот назойливый, что есть хочется.

Рядом просвистел снаряд. Максим с трудом поднял голову. Раздался голос Прохора Куянцева:

– Вот ведь, сукины дети, никак не уймутся. – Он поглядел в сторону, откуда раздавались выстрелы. – Аккурат каждый час по одному снаряду пускают.

И правда, ежечасно со стороны лысого холма долетало к ним одно пушечное ядро, неважно, велся бой или нет. Горцам помнился день приезда Николая на Кавказ, когда пущенное из адыгского укрепления ядро упало прямо на стол императора. Сейчас горцы стреляют с того же холма. Эта возвышенность несколько раз переходила от русских к горцам, от горцев к русским, и вот теперь горцы обосновались там крепко и неустанно обстреливали форт.

– Стреляют как по привычке просто, – выругался пожилой солдат, сидевший рядом с Прохором. – Слава те господи, научили их с пушками управляться, – попытался он пошутить, – стреляют совсем по-русски.

– А это не горцы стреляют, – возразил Прохор.

– А кто же, по-твоему, Прошка?

– Из наших, беглых. Фамилия такая, польская, что ли... сапожная какая-то фамилия... Хром... Хромовицкий, вот кто.

– А что это он в перебежчики подался?

– Да шут его знает. Чего-то ему не понравилось... Много на свете нынче путаницы, поди разбери. Одним словом, к горцам перебежал.

– Ух, попадись он мне, на куски порезал бы! – в сердцах сказал пожилой солдат.

– Судить легко... Как Воронцов говорит, на каждого барона свой норы имеется.

Тяжело застонал Максим Шило.

– Кажись, в себя приходит, – сказал пожилой сослуживец, взглянув на раненого. – Молодцом держится твой дружок, Проша.

– Как он? – спросил подошедший Роцин.

– Вроде очнулся, ваше высокоблагородие.

Роцин присел возле солдата на корточки. Максим открыл глаза и с надеждой взглянул на него. Сунул слабую руку за ворот расстегнутой рубахи, вытащил потертый, пахнувший солдатским потом кисетик и протянул офицеру:

– Ваше благородие... прошу вас, когда помру, попросите, чтобы не забыли вот это мне в могилку высыпать.

– Да что ты, Максим, поправишься скоро.

– Нет, конец мне. Пусть это мне на грудь вытрясут.

Такие кисеты с горсточкой родной земли носили при себе казаки, на случай, если найдут свою смерть на чужбине.

– Не тревожься, Максимка, ты не в таких переделках побывал, даст бог, поднимешься, – попытался Роцин утешить солдата, хотя сам не верил своим словам.

– Не, отвоевался я...

– Брось, брат, ты еще попляшешь с Марийкой из Червленной.

– Нет никакой Марийки... И не было... Выдумал я ее... скуки ради... Максим Шило медленно закрыл глаза.

2

Больше месяца продолжалась осада. Атаки горцев следовали одна за другой, но взять форт штурмом им не удавалось. И хитрая стратегия Эмина пока не давала результатов.

Горцы сильны в неожиданных набегах, в быстрых атаках. Долгие войны не для них. Их запала хватает на несколько дней, самое большее – на неделю. А потом им надоедает противостояние, и они понемногу расходятся, всяк в свое ущелье.

А хитрость Эмина состояла в том, чтобы не давать передышки солдатам, закрепившимся в форте. Эту тактику он перенял у Шамиля. Все имеющиеся силы он обрушивал на противника, а если прорвать оборону не удавалось, то осаждал крепость в надежде, что не сегодня-завтра они сдадутся. Отряды горцев он менял каждые пять дней, так что силы всегда были свежими. Пять дней нападали и осаждали форт воины из одного ущелья, следующие пять дней – из другого. Горцам было обещано, что прорвавшие оборону получат три дня на разграбление форта. Ободренные этим, горцы сами предпринимали вылазки – это часто приносило успех. Правда, не на сей раз.

Каждая смена обязана была прибывать со своим провиантом для лошадей и людей. Для лошадей – запас овса, для людей – сушеное мясо, копченый сыр, просяные лепешки и чуреки, которые долго не портились. Для бойцов принято было резать крупную скотину, и обязанность находить и забивать ее выпадала предводителю войска.

Так прошел месяц, а форт все не сдавался. Эмин был вне себя от ярости и взметал пыль до небес. Особенно взбесился он после того, как по форту перестали стрелять из пушек. Он вызвал к себе Хромовицкого, командовавшего батареями горцев.

– В чем дело, почему перестали запускать снаряды? – грозно спросил Эмин, указывая в сторону форта.

– А зачем? – пожал плечами Хромовицкий с показным равнодушием. – Нет в этом больше нужды, им недолго осталось, мрут как мухи.

– Ты себя этим обманывай! – взвился от злости Эмин. Он-то хорошо знал, как пушечные залпы с равными промежутками времени выводят из себя и обезоруживают врага, лишают его сил и воли. – Ждете, пока сами сдадутся? Или пороху не хватает?

Эмин намекал на то, что недавно английский корабль подвез им достаточно снарядов и пороха.

– Думаю, сдадутся.

– А я не думаю! У меня нет времени сидеть и выжидать, пока они с поклоном придут! Мне еще другие форты брать. Давайте, бейте, пока не добьете!

– Если бить, то всеми силами. А то что же – по ядру в час запускать, смысл какой?

– Ты мне тут не юли! Я приказываю бить по форту из пушек!

– Я не могу.

– Что?! Почему не можешь?

– В форте мой близкий друг, Михаил Рошин. Как я могу стрелять по моему другу, брату? – признался, наконец, Хромовицкий. – Не смогу я, Эмин, не надо меня заставлять.

– Недаром я тебе не доверял! – Стремительной походкой хищника Эмин вплотную подошел к Хромовицкому и ткнул пальцем ему в грудь. – И теперь не доверяю! Ты своих предал, и меня предашь!

– Прекрати, Эмин! – Он с силой отбросил руку Эмина. – Я к горцам перешел из других соображений, а не для того, чтобы тебе служить!

Эмина перекосило, он затрясся, и казалось, яркий взгляд серых глаз на красивом лице разом потух:

– Именем того, кто мне вручил это, клянусь, – он накрыл ладонью орден султана на груди, – что я тебя уничтожу!

– Попробуй! – Хромовицкий резким движением выхватил из-за пояса Эмина обрез английской работы и наставил на него: – Мокрого места от тебя не оставлю!

Между ссорящимися бросился Берзедж:

– Что вы творите, постыдитесь, господа!

– Не равняй меня с собой, Эмин! Меня унизили незаслуженно, и я здесь, чтобы отплатить за мое унижение. Я не предавал ни отечество свое, ни людей. Но и прощать я не хочу никому из обидчиков, начиная с царя. Я мщу за бесчестие, свое и своей сестры, за молодых офицеров, сосланных в Сибирь, на тех, кого повесили на Сенатской площади первого декабря. Даже за всех за вас, горцев, и за Шамиля вашего!

Его горячая речь пришлись по нраву окружившим их горцам. Даже бейголи Эмина смотрели с симпатией на офицера, не умеющего прощать унижение.

– Да, идет война, но и война имеет свои законы! – продолжал Хромовицкий. – Я вот столько лет воюю с горцами, которые мне ничего не

сделали. Но я связан долгом и присягой. А ты, Эмин, ты за что войну ведешь? За какие такие цели ты горцев в бой зовешь? И чем ты отличаешься от царя? Не хочешь вспомнить, как ты несчастного Тлостанбека Балатоко живым закопал? Или забыл?

– Придержи язык подобру-поздорову! – опять разъярился Эмин, хватаясь за рукоять оружия. И снова Берзедж встал между ними, за ним и другие горцы.

– И ты остынь, Петро, – прикрикнул он на Хромовицкого.

Кто знает, чем закончилась бы эта стычка, если бы в эту минуту ворота форта не распахнулись и оттуда не вышли – нет, не вышли, а выползли – некие существа, напоминающие лошадей. До того животные были истощены, что кожа прилипла к костям, и ребра торчали наружу. Лошади брели, пошатываясь, припадая на колени и снова вставая. Горцы вмиг расхватили их. Наблюдавшие из форта солдаты были рады этому.

– Хоть живы останутся, – сказал кто-то.

– Да, черкесы за лошадьми лучше смотрят, чем за собой.

– Черкес легче свою жену отдаст, чем лошадь.

– Чуть грех на душу не взяли, – сказал, скручивая самокрутку из сухого кизяка – табака давно не было, – Осип. – Бедная животина ни сказать не может, ни пожаловаться, чуть не сгнула вместе с нами.

Горцы за оградой форта вели речь о том же – о лошадях.

– Все-таки жалостливые люди эти русские, – сказал молодой парень, накинув на шею обессиленной лошади башлык и отводя ее в сторону. – Сами готовы с голоду помереть, а лошадей спасают. Кто бы мог подумать...

«Сами» и в самом деле помирали. Стояла середина лета. Тяжелый влажный воздух шел с моря и растекался вязкими волнами, так, что трудно было дышать. Несмотря на сушь, слой прошлогодней листвы хранил влагу и источал удушливые пары, которые редкий бриз подхватывал и относил прямо в пристанище измученных людей. Но самое страшное – это комары. Никогда еще солдаты не видели таких полчищ кровососов. Хоть с головой укройся, хоть завернись во что хочешь – все одно враг рода человеческого находил щель, чтобы насосаться крови.

Вот уж месяц, как началась осада, и с первого дня Эмин перекрыл речушку, что текла с изножья гор через лес, протекала через весь форт и далее впадала в море. Это был единственный источник, питавший форт. Опять же следуя тактике Шамиля, Эмин за один день сделал запруду, прорыл отвод и пустил воду по новому руслу. В тот же день Роцин приказал вырыть колодец, но, где бы ни копали, везде была сушь. Лишь однажды собрались на небе грозовые тучи, и полил дождь. Не осталось в форте посуды, которую не наполнили бы водой. Роцин приказал

поставить все емкости в подвал, ключ от него положил в карман. Такая предусмотрительность, как потом оказалось, была очень кстати. Настал день, когда он самолично выдавал воду ложками. А в последнюю неделю и раздавать уже стало нечего.

Эмин велел выставить неподалеку от ворот форта арбу с большими бочками с водой. Горцы, не жалея, плескались, обливали себя, весело смеясь, разливали по земле, дразня солдат, наблюдавших с вала за крепостной стеной. Сам Эмин восседал на одной из бочек и покрикивал:

– Эй, солдат, иди, воды дам!

С тоской наблюдали за ним умирающие от жажды солдаты, беззвучно шевеля иссохшими губами. Как они могли вытерпеть такое издевательство – одному богу известно. Эмин же продолжал:

– Эй, урус солдат, хочешь воды?

Тут же молодой горец окатывал себя ведром студеной воды и тоже кричал:

– Эй, урус! Шапсиг-мапсиг, урус-фарус, давай пошел, вода купай!

В ответ один из солдат выстрелил и раздробил бедро весельчаку.

– Для одного раза довольно, – усмехнулся он и положил ружье.

Горцы, однако, подошли еще ближе к форту. Эмин теперь спрыгнул с бочки, набрал ведро воды и медленно переливал ее из ведра в ведро. Потом картинно отпивал воду большими глотками и поглаживал себя по животу. Но и этого ему показалось мало. Он снял рубаху и облился с ног до головы.

На валу перед воротами начался переполох. У солдат, которые вот уже неделю не видели ни глотка воды, кончилось терпение. Они решили броситься на Эмина и отобрать воду, а не получится – так хоть напиться. Но путь им преградил у ворот иеромонах Ироним с большим железным крестом.

– Вернитесь, несчастные! – кричал он. – Вы присягу царю давали! Назад!

Эмин только этого и ждал, чтобы найти хоть одну лазейку для прорыва. Если солдаты уйдут с вала, он бросит на оголившийся участок все свои силы и с ходу займет форт.

Ироним ударил одного из солдат крестом, и тот рухнул на вал, обливаясь кровью. Дело грозило принять плохой оборот, но тут подоспел Роцин с обнаженным артиллерийским клинком:

– Только троньтесь, порежу!

Солдаты остановились, в растерянности глядя на командира. А тот стоял, не опуская поднятой руки, и глаза его от ярости потемнели. В лице, казалось, не осталось ни кровинки, подрагивали острые кончики его русых усов, и даже клинок в руке дрожал, словно выискивая, в кого бы вонзиться. Никогда солдаты не видели Роцина таким.

– Лучше бы мне умереть, чем увидеть такое! – глухо проговорил он. – Лучше умереть с честью, чтобы враг видел, с кем дело имеет, и пуще нас боялся. Был бы жив Максим, которого вы схоронили там... он рассказал бы, каково пришлось нам, когда Шамиль вот так же осадил нас в Дагестане, в крепости Бурна. Рассказал бы Максимка, как у нас даже пуль не осталось, и мы пуговицами своими стрелял вместо пуль. Рассказал бы вам, что мы съели всех собак и кошек в форте, мочу свою пили вместо воды... – Тут голос Рощина сорвался, он запнулся и, постояв так с минуту, почувствовал, как покидают его силы. Медленно осел на землю, оперся руками и лбом на свой клинок, и по его подрагивающим плечам видно было, что он плачет.

– Прости нас, отец родной, – произнес Осип, – не выдержали мы, слабину дали. Прости нас.

– А, это ты, Осип, – усталым, хриплым голосом отозвался Рощин, поднимая голову.

– Я, ваше высокоблагородие. По глупости мы, говорю...

Подошел обеспокоенный Прохор Куянецев и протянул Рощину подзорную трубу:

– Михаил Федорович, взгляните. Кажется, у нас гости.

Рощин увидел людей в ферсовых шапках, подтягивающихся к форту и рассредоточивающихся в лесной опушке. Он стал их считать, сам не зная, для чего.

– Это турки, Прохор, сомнения нет.

– Вот и я думаю. А что они здесь делают? У нас вроде нет с ними войны.

– Да, Прохор, войны нет пока... – Рощин глубоко задумался, потом повторил: – Войны нет... – Он повернул подзорную трубу в сторону моря. На волнах покачивался корабль, из его труб валил черный дым, стлался по безветренной водной глади и растворялся в морской дали. – Ну-ка, глянь, – он протянул трубу Прохору: – Не видно флага? Если флага нет, это английский корабль.

– А этим что здесь надо? Сдается мне, ваше благородие, назревает что-то плохое, пока мы тут сидим взаперти.

– Это война, Прохор, – произнес Рощин.

3

Рощин пристально следил за тем, что происходило на пристани. За ночь приплыли два английских крейсера. В обозримой близости от форта, на лесной просеке, толпились человек пятьсот в странных, непохожих формах. Одна из европейских газет писала, что формируются военные части из венгров и поляков, чтобы прийти на помощь сражающимся за свою свободу горцам. И по всему, сейчас Рощин видел именно их. Шли

активные приготовления к наступлению на форт вместе с горцами. Разношерстное войско стояло с оружием наизготовку.

Все сроки вышли, и форт нужно было брать немедленно. Эмин отдал приказ семи адыгским народам выставить по тысяче вооруженных наездников. Войско собралось в окрестностях Геленджика за одну ночь. Когда забрезжил рассвет, наблюдатели с вала заметили, что к форту со всех сторон подползают подводы, груженные сеном. Они ползли отовсюду – из леса, из оврагов. Только не видно было, кто управляет ими. Это тоже была одна из уловок Шамиля, при помощи которых он брал крепости и форты. Горцы наступали, прячась за стогом сена. Пули застревали в сене, и даже пушечные ядра не причиняли им урона, разве что разметывали и поджигали сухую траву.

Горцы приближались, держа наготове лестницы и крюки для штурма крепостных стен. Они, может, и не были столь искусны в ведении войны, но в наступлении, когда нужно было прорываться вперед и брать преграды штурмом, они не знали страха и усталости. Это и тревожило Рощина. Он боялся, что форт не устоит перед таким натиском, и все же в сердце теплилась надежда. Хотя он и сам не понимал, на что и на кого надеется.

Он насчитал семь групп с разными знаменами. Это были семь адыгских племен, каждый со своим флагом. На верхушке безлесного холма реял флаг Эмина. Недалеко от него Рощин разглядел Зана, пристроившегося на копне сена. Он удивился: ведь эти двое терпеть друг друга не могут, а тут объединились. Эмин известен как жесткий, неуступчивый вояка, а Зан – полная противоположность, он мягкий и добродушный, да и вообще, он из тех, кого горцы называют «седлом для упитанного коня». Ненадежный он человек, в любую минуту может перевернуться на другую сторону.

Рощин расхаживал по валу, постукивая кожаным хлыстом по голенищу сапога. Он то всматривался в приближающихся врагов, то с надеждой переводил взгляд на своих солдат. А те были сегодня на удивление спокойны, словно ничего и не происходит. Они сидели на валу группами, весело переговариваясь, где-то резались в карты, где-то на спор кидали ножи – чей нож семь раз кряду воткнется в землю, того и победа. Рощин смотрел на безмятежно веселящихся бойцов, и сердце его невольно сжималось. Кого-то из них сегодня уже не будет в живых, но они будто и не думают об этом.

Двое солдат волоком тащили огромный котел, доверху наполненный жареными каштанами. За ними вышагивала дородная повариха Марфа. Кто-то пустил слух, что каштан утоляет жажду. До этого в стенах форта не осталось ни одного корешка, дающего влагу – ни крапивы, ни горечавки, ни лопуха. Потом солдаты научились смазывать губы

порохом, а затем сосать свинцовые пули – так волей-неволей они наполняли рот слюной.

– Ну-ка, налетай, – бодро выкрикивала Марфа и тут же подшучивала над солдатами: – Кто первым подоспеет – тому ляжку, второму – крылышко!

– Эй, Марфа, – тут же откликнулся Осип, – ты точно не сидела в уголке, когда раздавали ляжки! Эх, зажала бы ты разок этого Эмина, да так, чтобы кости у него затрещали! – Осип давно заглядывался на разбитную, аппетитную повариху, и все это знали.

– Да что нам Эмин, нам самого Шамиля подавай! Уж я бы из него всю душу вытряхнула, он бы костей не собрал!

Солдаты зашлись от хохота. А Марфа все не унималась:

– Вот вы сто лет с ним справиться не можете, а мне на вашего Шамиля одного раза довольно!

– Ну, не скажи, Марфуша, у него, говорят, триста жен в гареме, значит, не такой уж слабак! – Осип тоже не упустил случая сострить перед веселой бабенкой.

– А что мне его триста жен? Они все вместе одной моей ляжки не стоят. Что, Осип, неправда? – И она игриво подбоченилась, покачивая могучими бедрами.

К фасу, на котором был наблюдательный пункт Рощина, подъехали двое всадников. У одного в руке был белый флаг, у другого – сигнальный горн.

– Мы с поручением от Эмина, – сказал тот, кто ехал впереди, задрал голову к валу, на котором стоял Рощин. Тот сразу его узнал – это был Хромовицкий.

– Я не намерен разговаривать с тем, кто изменил присяге, – резко ответил Рощин.

– Может, я и изменил тому, кому вы все поклоняетесь, но отчизне я не изменял.

– Не бывает отчизны без государя.

– Для меня бывает.

– Я не располагаю временем слушать вас. Говорите, с чем прислал вас Эмин.

– Он готов без штурма принять от вас форт, если вы сдадитесь. Вам с вашими подопечными дозволено будет с миром покинуть крепость, никто вас не тронет. Но арсенал, что находится в стенах форта, и пушки останутся здесь.

– Чего еще изволит ваш Эмин?

– Это не мой Эмин, Михаил Федорович.

– Прошу не произносить моего имени.

– Как вам будет угодно.

– Что еще?

– Вы сами видите, английские корабли подвезли легионеров – поляков и мадьяр, горцам на подмогу, их очень много.

– Сколько?

– Вы знаете, что я не могу вам сказать.

– Хорошо, что еще?

Хромовицкий помолчал с минуту и поднял на Рощина тяжелый, полный скорби взгляд:

– Не сдавайтесь, полковник.

– Что ж, передайте Эмину, что он найдет мой труп на этом валу, но форта ему не видать.

Над лесистой полосой, опоясывающей берег моря, всходило солнце. Его длинные лучи весело играли на верхушках, капли росы сверкали, как драгоценные камни. Утро вступало в свои права. Сидевшие на валу солдаты наблюдали за тем, что происходит за стенами форта, но почему-то им не верилось, что все произойдет так быстро. Вновь пришли в движение замершие было копны сена на арбах, двинулись вперед вооруженные легионеры в форме мадьярской и польской армий, раздались залпы корабельных орудий с моря. Им в ответ загрохотали снаряды с крепостной стены. Затрубили горны, застучали барабаны, грянул оркестр, которого здесь никогда не слыхивали. Все смешалось в едином грохоте. Горцы, не признававшие никакого порядка в сражении, шли на форт напролом. Словно не желая отстать от всеобщего хаоса, проснулся над морем злой зюйд-вест где-то далеко от берега и ринулся вслед за разношерстным войском. Штормовой ветер ломал деревья, гнул до земли гибкую вишню, посаженную императором Николаем в память о визите в форт. Стоявший рядом с ней могучий дуб тоже клонил свои ветви, но ветер был перед ним бессилен. Взгляд Рощина невольно упал на эти два дерева – на слабую вишенку, гнущуюся до земли, и мощный ствол дуба, который даже не шелохнулся, только шумел ветвями. Но это был лишь миг, когда Рощин отвлекся, но тут же вернулся к реальности. Он увидел, как из лазарета ползком выбирались раненые.

– Ваше благородие... велите дать мне ружье, – просил старый солдат, раненый в обе ноги, на брюхе заползая на вал.

С шашкой наголо выскочил из лазарета легко раненный юнкер, совсем еще юнец, едва пушок пробился над губой:

– Они не увидят наших спин! Вперед!

– Не дождутся, басурмане! – кричали другие раненые, передвигавшиеся с трудом.

Во дворе форта в больших железных бочках варили мазут. Рощин велел поторапливаться. Бой разгорался с каждой минутой.

Теперь, казалось, не было в этом людском месиве своих и чужих, все перемешались, никто уже не думал о своей шкуре, позабыв страх и вконец озверев от запаха пороха и крови.

На стены форта поднялись теперь и женщины, офицерские и солдатские жены, они лили ковшами кипящий мазут на взбирающихся по приставным лестницам горцев. Солдаты все еще были в силах сбрасывать лезущих наверх горцев копьями. Словно чувствуя, что у наступающих стали сдавать силы, палили пушки с флотилии, призывая сражающихся к новым атакам.

Над всем этим адским шумом взвивался истошный ослиный вопль. Бедному животному отбило ногу, и оно металось среди людей, крича от боли. Потом осел упал вблизи стены, но замолкать, видно, не собирался.

– Душу рвет, – сказал Осип, – нету сил больше слушать.

– Так пристрели его, – посоветовал лежавший рядом солдат, – избавь от мучений.

Осип подполз поближе, прицелился и, зажмурившись, выстрелил в голову животному.

– Прости господи мои и его грехи, – перекрестился он. Собираясь вернуться на прежнюю позицию, он заметил, что горцы пробили брешь в стене и вышли на крышу порохового погреба. Еще один рывок – и они начнут брать укрепления форта одно за другим. Недолго думая, Осип сорвал с себя рубаху, намотал ее на дуло ружья, окунул в мазут. Тут же поджег фитиль и двинулся к погребу, возле которого суетилась большая масса горцев. Здесь хранилось двести пудов пороха, двадцать пять тысяч пуль. Осип крикнул:

– Не поминайте лихом, братцы! – И исчез в проеме погреба.

И в тот же миг раздался взрыв такой силы, какого не приходилось видеть и слышать ни горцам, ни самим русским...

Перевод с кабардинского Ларисы Маремкуловой

Хасан ШАБАЕВ

АСИЯТ

Главы из повести¹

XI

Ислам всё это помнил и ждал подходящего момента, чтобы насмерть схватиться с Махмудовым. Абидаг не одобряла намерений сына. Конечно, Ислам сейчас на виду у односельчан, но всё же у него на душе неспокойно. В последнее время он редко появлялся на центральной улице села, ходил по закоулкам, чтобы меньше попадаться на глаза людям. Ислам, который так любил играть с соседскими мальчишками, теперь даже не разговаривал с детьми. Мало того, узнав о том, что жена Зухра в положении, никоим образом не реагировал и на это.

Ислам искал повода схватиться с Махмудовым, рассчитаться с ним, но тот умел ловко подстраиваться к любой обстановке. Вот и с немцами нашел общий язык, прислуживает им. А потому его голыми руками не возьмешь. В свою очередь, Махмудов днем и ночью строил планы, каким образом ликвидировать Ислама, прежде чем тот сделает то же самое – в этом он не сомневался. Старый волк чувствовал опасность всем своим нутром. При встрече с Исламом он старался быть обходительным, любезно с ним здоровался, подчас лебезил. Махмудов умел делать так, чтобы никто не догадывался о его истинных намерениях. Не ведал Ислам, какие черные мысли таились в голове у Махмудова. Догадайся он – без колебания застрелил бы Мустафу.

Однажды в разговоре с Махмудовым Ислам как бы невзначай обронил:

– Мы совершили глупость по молодости, а ты, слава богу, человек зрелый, много повидавший, неужели поверил в долгую жизнь оккупационных властей? По-моему, советская власть тебе ничего худого не сделала.

– Жить хочется, – ответил Мустафа, сделав вид, что особого значения не придал сказанному Исламом, и добавил: – Насколько я знаю, советская власть и тебя ничем не обидела. Отец твой ходил в коммунистах, пользовался привилегиями большевиков, сыновья получили образование. А кто я? Маленькая должность, которой меня наделили, душевного покоя не принесла. Мне всю жизнь грозили арестом, тюрьмой, смертью...

¹ Окончание. Начало в № 1, 2019 г.

– То же самое делал и ты по отношению к другим. Или не помнишь, может, память у тебя слаба?

– Без приказа свыше я ничего не делал. Если бы ослушался, полетела бы собственная голова.

– Красиво ты сочиняешь, Мустафа. Но позволь спросить: кто же тебя заставил сжить со свету Казия?

У Махмудова мелко задрожали желваки, глаза гневно сверкали. С каким удовольствием он сейчас всадил бы пулю в лоб Исламу... Собрал все силы, Мустафа сдержал прилив ярости, снял каракулевую ушанку и ногтями левой руки почесал гладко выбритую голову.

– Казий – не моя жертва, – тихо проговорил он, – здесь моей вины нет. Его загубил собственный язык. Ты же сам знаешь, что он вечно ругал советскую власть. Там, наверху, об этом тоже знали.

– Казий был не против советской власти, а против таких, как ты, которые только и делали, что извращали её политику.

– Нет, ты ошибаешься, молодой человек, это мы, такие, как я, в смертельной схватке с врагами отстояли советскую власть.

– Понимаю, понимаю, – негромко сказал Ислам, – ты и сегодня ведешь кровавый бой с врагами советской власти, во имя этого готов пожертвовать своей жизнью.

Тут Мустафа, как будто его подбросила натянутая пружина, рывком поднялся со стула и уперся своей грудью в грудь Ислама.

– Твое счастье, что ты сын моего лучшего друга! – Мустафа положил правую руку на кожаную кобуру нагана. – Сию же минуту иди и поклонись могиле отца, и помни: Махмудов оскорбительного тона никогда и никому не прощал... – Потом, несколько отдышавшись, продолжал: – Ислам, нам с тобой не пристало ссориться, это только во вред нашему делу, тому, что мы оба делаем вместе. Надо быть благоразумными. Немцы здесь обосновались окончательно, это уже видно по всему, так зачем же нам зря рисковать головой?

Мирно беседуя с Исламом, Махмудов в то же время в голове строил планы его ликвидации. «Советская власть ничего плохого тебе не сделала, за что же ты предал ее?» – имел неосторожность однажды в разговоре сказать Ислам. Мустафа, хотя и сделал вид, что пропустил мимо ушей эту фразу, но запомнил её слово в слово. «Этого факта достаточно, – размышлял он, – чтобы за него взялось гестапо, а оттуда уже не вырвется. Ислам наверняка связан с партизанами. Две недели назад бесследно исчезли два немецких офицера. Уверен, что это его рук дело. Отец Ислама, Асланбек, преданный партии коммунист, братья воюют против Гитлера, сестра, Асият, дай ей волю, уничтожит нас всех с корнями. Надо будет подумать и о том, как её обезвредить...»

Махмудов слегка улыбнулся сам себе: видимо, уже предвкушал победу над Исламом. «Этот большевистский отпрыск пожалеет о том, что родился на свет. Об этом позаботится Мустафа...»

***

Над селом стояла неясная гнетущая тишина. Если в первые дни немцы суетились, бегали, гортанным лаем орали на людей, подталкивали, сгоняя их на сход, то теперь всё иначе. Даже перестали вызывать Асият на допросы. Однако тревога не покидала жителей села. Может, наконец образумился Ислам? По правде говоря, у него не было причины держать камень за пазухой на советскую власть, тем более на своих односельчан.

Вчера вечером немецкий офицер вызвал к себе Ислама и задал несколько очень странных вопросов. «Это неспроста, – подумал Ислам, – не иначе как Махмудов начал копать под меня». От тревожной неизвестности Ислам совсем сник, весь съёжился, стал маленьким и плечи как будто сузились. Он стал бояться собственной тени, временами дрожали руки, нервно подергивалась голова.

– Хороший ты парень, надежный, – начал разговор с Исламом немецкий офицер, – на тебя можно положиться, интуиция меня ещё ни разу не подвела. У меня нет секретов от тебя. А в нынешние времена это немаловажно. Так я понимаю.

Немец чисто говорил на русском языке, держал себя свободно в беседе с Исламом, подчеркивая своё превосходство. До войны гитлеровец бывал в районе Эльбруса, месяцами находился в альплагерях. Сейчас он об этом рассказывал с легкой улыбкой. «Тогда я был гостем, а сейчас – хозяин, – похвастался немец и, между прочим, спросил Ислама: – Тебе не кажется, что партизаны чаще стали беспокоить нас? Я склонен думать, что кто-то информирует их о всех наших делах. Кстати, не твоя ли сестричка с лебединой шеей?»

У Ислама чуть сердце из груди не выскочило. И без того осунувшееся лицо его прямо на глазах стало мертвенно бледным. В эту минуту он напряг всё свое самообладание, чтобы немец не заметил его растерянности. Но пронизательный офицер уловил его состояние. Ислам, онемев, невидящими глазами уставился в одну точку побеленной известью стены.

– Ты слышишь меня, Ислам?

– Да, слышу, господин офицер.

– Что ж тогда молчишь?

– Я думаю.

«Осёл ты, осёл, – говорил Ислам самому себе, – слишком большая честь тебе умереть от рук врагов, ты достоин лишь собачьей смерти». В голове у него путалось множество различных планов. Первое, что пришло на ум: сейчас же, здесь пристрелить эту гадюку и податься в лес к партизанам. А может, попытаться заставить его сказать, откуда у него такие сведения. «Я у себя дома, кругом свои, чего мне бояться?» – успокаивал он себя. Но как бы Ислам ни храбрился, сила – на стороне

немца, это он знал. Он также знал, что в случае чего этот фашист в один день уничтожит весь его род.

– Моя сестра давно уже не выходит за порог дома, – сказал уже твердым голосом Ислам, выпятив грудь и подняв голову. – Мать тяжело больна и Асият ни на минуту не может от неё отойти, днем и ночью сидит у её постели. Так что у неё никакой связи с лесными волками быть не может – ведь по телефону же не поговоришь с ними.

Мать Ислама и вправду недомогала, о чем знал и немецкий офицер, но ни слова не произнес. Ислам увидел, что немец разозлился не на шутку, и у него по спине побежали мурашки.

– Тому, кто ищет смерть, я могу помочь! – вдруг крикнул офицер и так стукнул кулаком по столу, что и чернильница, и бумажки разлетелись в стороны.

«Какой бес вселился в него? – подумал Ислам. – Похоже, он показал своё истинное лицо».

Ислам окончательно понял, что с немцем шутки плохи. Сейчас он думал только о себе. Мать, сестра, жена – все куда-то ушли из его памяти, будто их и не было вовсе. В данной ситуации главное – не потерять самообладания, не наговорить лишнего.

– Господин офицер, – робко заговорил Ислам, – я в абсолютном неведении насчет того, что происходит вокруг. Клянусь вам именем великого Аллаха, что я о партизанах ничего не знаю. Единственное, что я слышал...

Тут у немца загорелись глаза, он повернулся лицом к Исламу, весь превратившись во внимание, ожидая услышать от него что-то важное.

– Месяц тому назад, – начал Ислам, – Махмудов меня предупредил: «Будь осторожен, партизаны охотятся за тобой». Откуда это известно Махмудову? Он – один из первых большевиков нашего селения. Многие годы Мустафа ходил в руководителях. Не верю, что он честно служит оккупационным властям. Он хитер как лиса.

Гитлеровец громко засмеялся, обнажив золотые зубы, затем вынул из кармана чистый белый платочек и вытер губы.

– Ты плохо знаешь Махмудова, – немец слегка улыбнулся. – Он наш верный человек. Ещё до войны Махмудов отправил в мир иной не одного коммуниста. Молчишь? Не знаешь, потому и молчишь. Сегодня он один из ревностных пропагандистов идей великой Германии среди масс. А нам очень нужны такие люди. Люди, подобные Махмудову, за идею даже свою родную мать продадут.

Ислам был ошеломлен услышанным. Несколько минут стоял молча и неподвижно, на лбу выступил холодный пот, ему казалось, что отнимаются ноги и он вот-вот рухнет на пол. Но нет, надо держаться: проиграть сейчас словесную дуэль было равносильно смерти.

– Махмудов, вскормленный советской властью, с жиру бесится, – наконец, сказал Ислам. – Этот матерый волк немало бед принес своим односельчанам, всегда жаждал крови. Если Махмудов сегодня предал советскую власть, то где гарантия, что завтра он не сделает наоборот? Вы верите в его преданность Германии, господин офицер? Когда в село въезжал отряд красных всадников, Махмудов на вороном коне ехал впереди. Был одним из активных участников коллективизации, силой заставлял людей вступать в колхоз. А сколько людей он отправил в Сибирь и в Среднюю Азию, объявив их кулаками? У этих «кулаков» во дворе было всего по две коровы да по нескольку овец. Всё это происходило на моих глазах. Казий, мой дед по материнской линии, с первых дней не принял советскую власть, о чём говорил открыто, во всеуслышание. Это известно всем. А кто его угробил? Мустафа Махмудов, который сегодня из кожи лезет вон, чтобы доказать свою верность германским властям. С такими, как Махмудов, нам не по пути. Их надо убрать с нашей дороги!

– Молодец, – похвалил немец Ислама, похлопывая его по плечу. – Выходит, Махмудов ведет с нами двойную игру. Что ж, посмотрим, чья возьмет. А ты, Ислам, сегодня же постарайся встретиться с Махмудовым и спроси его, кто он, тот партизан, который охотится за тобой? Когда и где с ним встречался? Потом обо всём подробно расскажешь мне.

Такой поворот дела не доставил Исламу большого удовлетворения. Надо найти свидетелей против Махмудова. А если их не окажется? Что тогда? Всё же Ислам решился схватиться с Махмудовым не на жизнь, а на смерть. Прежде всего нужно получить сведения о партизанах. Конечно, кое-что ему известно, но этого недостаточно. Нелишне разузнать свежие факты. К кому бы обратиться за помощью? На кого можно положиться? А что если поговорить с Асият? Ислам не верил, что она согласится. Она скорее предаст родного брата, чем партизана. Но всё же решился поговорить с сестрой.

***

– Бедный мой брат, – ответила Асият на просьбу Ислама, – какой же ты безумец! Неужели всегда таким был? Подумать только, подавай ему сведения о партизанах. Нет, этого я не сделаю, хоть жгите меня, хоть режьте меня на куски.

– Асият, ты хочешь, чтобы я жил? – жалобно спросил Ислам.

– Нет! – отрезала сестра.

– Побойся бога, дочь моя, – взмолилась Абидат, – о Аллах, за что же мне такое наказание? Брат и сестра стали врагами. Этому трудно поверить. Ваша ссора не должна выйти за порог родного дома. Стыда не оберешься.

– Мама, мы не маленькие, сами разберемся, – сказала Асият и, подвинув табуретку поближе к печке у входа в комнату, села. – Я – комсомолка, а он – фашистский прихвостень. Мы друг от друга далеки, как небо и земля. Зачем он мне нужен такой? Пусть идет своей дорогой. Только очень уж хотелось бы посмотреть, куда она его выведет. А меня пусть оставит в покое, я не считаю его братом.

– Лучше умереть, чем видеть своих родных детей врагами, – всплакнула Абидат. – Боже, какое тяжкое испытание выпало на мою голову. Какой позор! Какой позор! Что скажут люди?

– Мама, хватит повторять одно и то же! – прервал её Ислам. – И почему вы все так ненавидите меня? Смотрите на меня, как на волка.

– Ты и есть волк, – Асият зло посмотрела на брата, широко раскрыв глаза, обеими руками взявшись за бока. Она близко подошла к Исламу, чтобы он слышал ее прерывистое дыхание. – Бог свидетель, не хочу тебя видеть, – добавила Асият.

– Выгоняешь меня из отчего дома? – упрекнул Ислам сестру.

– У тебя нет ни отца, ни матери, ни дома, ни Родины. Надеюсь, ты меня понял?

– Да, ты сказала яснее ясного. Сейчас ты жалишь больно, но, смотри, как бы не пожалела потом, отрежут твой змеиный язычок, – пригрозил Ислам.

– Не пугай, я не из пугливых, хоть и сестра твоя. Уходи, уже поздно, – поторопила Асият брата.

Пожелав матери спокойной ночи, Ислам направился к выходу. Абидат не ответила сыну, лишь молча проводила его глазами.

***

Беседа Ислама с немецким офицером, видимо, предрешила судьбу Махмудова. Через несколько дней он исчез. Рыл яму другим, а попал туда сам, поговаривали люди. За содеянное зло всегда приходится расплачиваться. И Махмудов не ушел от возмездия.

Ислам ликовал: уничтожил Махмудова. Но очень скоро его торжество обернулось обратной стороной. Ислам глубоко задумался. Собственно, чего же он добился? Немцы расстреляли Махмудова. А раз так, то он вечно будет числиться в списках до конца преданных советской власти большевиков, погибших от рук фашистских палачей. А что ждет его, Ислама? Уйдет с немцами, ну а дальше? Кому он нужен? Никто и не узнает, где лежат его кости...

После изгнания фашистских оккупантов в селе состоялся большой сход. Командир партизанского отряда, старейший коммунист Жанакаит, выступая перед собравшимися, рассказал и о том, какую большую помощь оказывала партизанам Асият. «Если бы не она, – сказал командир, – мы сегодня недосчитались бы многих односельчан. Всех тех,

кого немцы собирались арестовать, мы ночами уводили в лес. Только благодаря ей нам удалось освободить арестованных немцами людей. Имена таких комсомольцев, как Асият, вечно будут жить в памяти народа...»

Вскоре Асият избрали председателем сельского совета. Но ей недолго пришлось работать в этой должности. На неё постоянно писали доносы, что брат – изменник, ушёл с немцами, и потому она недостойна занимать такой пост.

Освобождение от обязанности председателя сельсовета Асият приняла как должное, не была в обиде. «Люди считают правильно, – думала она, – ведь брат ушел с врагами...»

***

Мысленно я вернулся из далекого путешествия и почувствовал необыкновенную легкость во всём теле, выправил плечи, разогнул спину, во всю длину протянул ноги. Откашлявшись сухим кашлем, прочистил горло. Я сгорал от стыда за то, что так долго не разговаривал с Асият, гладил её по волосам, ладонью проводил по лбу, словно это может оправдать столь долгое моё молчание. Почувствовав сердцем, что она не держит на меня зла, я несколько успокоился. Она высвободила из-под одеяла исхудавшие руки и длинными бескровными пальцами коснулась тыльной стороны моей ладони. На её лице был отпечаток грусти и печали, в глубоко запавших мутных глазах блестели слезы. Весь её облик говорил о том, что она уже не жилец на этом свете, что хотела бы попрощаться со всеми родственниками.

Все, кто знал Асият, жалели её. Не дай бог, чтобы кто-то сказал: туда ей и дорога. Тогда человек умирает дважды. Этого она боялась пуще смерти. Конечно, все люди смертны, все будут там, кто раньше, кто позже. Но что хорошего в жизни видела бедная Асият? Ничего. Просто прожила свои годы, отпущенные всевышним. Она никогда не знала душевного покоя, не была избалована роскошной жизнью, не обрела семейного счастья. И всё же Асият любила жизнь, она была крепка духом. Верила, что каждый счастлив по-своему, этим бог никого не обделил. Поэтому и не нужно плакать, сетовать на судьбу, значит, такова была твоя доля. Как бы ни хотелось жить, но Асият теперь уже видит себя на том свете, молит бога, чтобы там было ей хорошо. По утрам и вечерам чисто моет руки, ноги: готовит себя к потусторонней жизни. Смерть приходит, не спрашивая разрешения.

Её начало знобить, дрожали руки и ноги. Она спрятала руки под одеяло. Я поправил подушку. Через некоторое время у Асият сердито сдвинулись брови. Крепкими, с темно-коричневым оттенком зубами она закусилась сморщенные сухие губы. Сейчас они напоминали землю, иссушенную палящими лучами солнца. Мне показалось, что в её глазах

потух последний огонек жизни. Мне стало страшно. Я растерялся, не зная, что делать. Потом потрогал её руки и ноги. Они были холодными. Я стал их растирать, погладил её впавшие щеки. Затем, выбежав в сени, зачерпнул кружку воды из стоящего на табуретке ведра и попытался напоить её. Вода безвольно потекла по краям губ, по щекам.

Асият, видимо, поняла мой испуг и слегка улыбнулась, пошевелила ногами, руки положила поверх одеяла – дала знать, что в жилах ещё течет кровь.

– Что с тобой? – спросил я у Асият, встав перед её кроватью на колени.

– Не бойся, мой мальчик, не бойся, я ещё не собираюсь умереть, – сказала она слабым голосом. – Мне просто холодно, не могу унять дрожь внутри. В шкафу пальто моё висит, принеси и укрой меня.

Она говорила с трудом. Асият до самого подбородка подтянула одеяло и закрыла глаза. Прежде чем исполнить её просьбу, я под одеялом нащупал её ноги и попробовал растереть, затем поднял свою рубашку и прижал её ноги к животу, чтобы хоть чуточку согреть их.

Но это не помогло. От её ледяных ног мне самому стало холодно. Я видел, что Асият приятно моё старание помочь ей. Она время от времени, широко раскрыв глаза, спокойно смотрела на меня.

И в эту минуту мне вспомнилось то, от чего по сердцу прошла острая пронизывающая боль. Перед моими глазами встала последняя ночь бабушки, и у меня подкосились колени, я даже не смог, как просила Асият, смочить тряпку в горячей воде и положить ей на ноги.

***

Выселение из родных мест непосильной ношей легло на хрупкие старческие плечи бабушки, она слегла. «У меня сразу отнялись руки, ноги, – говорила она, – будто молнией их поразило». Бабушка ещё была шустрая, подвижная, а тут сдала, силы покинули ее.

Одно время меня донимала малярия. Ежедневно, в один и тот же час, когда солнце начинало опускаться с зенита, меня охватывала холодная дрожь. Тогда набрасывали на меня одеяла, пальто, шубы, в общем, всё, что попадало под руки. Но мне всё казалось, что я ничем не укрыт. Обычно я лежал на животе, а когда переворачивался на спину, на потолке мне виделись черти, бегающие наперегонки, сражающиеся на саблях всадники. От страха у меня сердце в груди трепетало. В такие минуты бабушка плакала, прижав меня к груди и обливая слезами. Дряхлая старушка Бубайда, что жила по соседству, в какой-то мутной жидкости мочила веник и, что-то шепча себе под нос, обрызгивала меня.

Однажды малярия схватила меня за полночь. В такое время ждать помощи было не от кого, не было рядом и Бубайды. А бабушке самой

нездоровилось, у неё похолодели ноги. Она, как всегда, прижала меня к груди, но тепла от неё не было никакого. Бабушка как могла успокаивала: «Не бойся, сынок, ты будешь жить долго, даст бог, вернемся на родину, встретишься со всеми родственниками, расскажешь им и про сегодняшнюю ночь, попьешь чистой холодной воды из Черного источника...»

Вдруг бабушка встрепенулась, ей послышался с улицы знакомый голос. Она напрягла свою память, но сначала не смогла определить, кому принадлежал голос.

«Ах да! – спохватилась бабушка. – Это Асланбек меня кличет». Его давно уже не было на свете, а бабушка разговаривала с ним, как с живым: «Где ты столько времени пропадад, в каких краях побывал и как ты меня нашел?». При этом она часто облизывала языком потрескавшиеся от высокой температуры губы.

«Моя Абидат, я очень боюсь за тебя, боюсь, что останется твой прах в чужой земле. Это меня пугает больше всего. Но ты держись, от судьбы не уйдешь, что написано на роду, того не миновать. Земля киргизская – это мусульманская земля...»

«Теперь и умереть мне не страшно, в трудную минуту ты оказался рядом со мной, э-киши (так горянки обращались к мужьям)».

«Что делать, кызы, недаром в народе говорят: жил добрый человек, а умер собачьей смертью, бывает и такое. На то божья воля. Чем я тебе могу помочь, бедняжка ты моя? А на Эльдара не обижайся, он ведь ещё дитя. Если даже слышит твою мольбу, он не может встать, его самого подкосила эта проклятая болезнь. Боится даже голову высунуть из-под одеяла».

«Э-е киши, иди отдохай, надо покориться судьбе. Мы скоро встретимся».

Абидат, опираясь обеими руками о матрац, попыталась приподняться, но не хватило сил, она снова опрокинулась на спину. Я чувствовал каждое её движение, как сквозь сон слышал шелест её губ. Но не попытался встать и помочь бабушке. Какой же я подлец! Этого я не прошу себе никогда.

– Моя красавица, моя ненаглядная Асият, прошу тебя, дай глоток воды, – умоляла дочь Абидат.

– Воды нет, где я тебе возьму, – Асият сама с трудом повернулась на другой бок.

– Кусочек льда, хоть раз лизнуть языком, – снова попросила мать.

– Да где же его взять?

Абидат на некоторое время умолкла. Она верила, что свежий глоток воды мгновенно исцелил бы её. Она хотела доползти до ведра с водой, но, за какой бы предмет ни ухватилась, руки её соскальзывали, не держали.

– Асият, солнышко мое, прошу тебя именем покойного отца, да вернутся твои братья живыми и здоровыми с войны, дай глоточек воды, у меня внутри горит огонь, – снова запричитала бабушка. – Хоть комочек снега, богом прошу. О Аллах, какое это страшное наказание. Неужели жалко для меня комочка снега. Что делать, что делать! Единственное моё желание, чтобы ты, моя Асият, никогда в жизни не страдала, как я сейчас. Асият, моя кровинушка, богом тебя прошу, дай хоть комочек снега полизать.

Спрятав голову под одеяло, Асият залилась горькими слезами. Прежде каждое слово Асият отзывалось у меня острой болью в сердце, а тут мне впервые стало её жаль. Увидев Асият в таком беспомощном состоянии, бабушка перестала стонать, уже и воды не просила. Она пыталась приподняться на локтях, сказать дочери хоть одно утешительное слово, но даже на это у неё не хватило сил. Как бабушка глубоко переживала за дочь, было видно по всему.

Вдруг Асият резким движением сбросила с себя одеяло и поднялась. Держась руками за стенку, спинки кровати, подошла к матери и, встав на колени, прижавшись щекой к ее морщинистому лицу, громко зарыдала. Бабушка дрожащими руками погладила ее по волосам и сказала:

– Не терзай себя, красавица моя, я ещё жива, не надо меня заживо хоронить. Хотя... – Тут бабушка осеклась, дальше свою мысль не продолжила. Мне показалось, что она хотела сказать: «Я для тебя небольшая потеря».

– Лучше бы я ослепла, чем ты, – сказала Асият, целуя мать то в щеки, то в лоб. – Какое счастье быть незрячим и не видеть всех этих ужасов. Ничего больше в жизни не хотела бы.

– Не надо, дитя моё, завидовать нечему, жить во мраке ночи – удовольствие небольшое. О Аллах, когда же ты возьмешь мою душу?

Бабушка, видимо, осознала и свою вину в том, что жизнь для её дочери уже потеряла всякий смысл. Абидат, тяжело дыша, собрав все силы, прижала к груди голову дочери. Хотела приласкать её, но ничего не получилось у бабушки, она не смогла выдавить из себя ни единого слова.

...Асият, оправившись от шокового состояния этих мучительно трудных минут, медленно поднялась, взяла измятый алюминиевый чайник и налила в деревянную чашку заваренный мятой вчерашний чай. Она поднесла чашку к губам матери и напоила её.

– Да вселит Аллах твою душу в рай, – сказала бабушка, блаженно отпив драгоценной жидкости. – Я почувствовала запах Кавказских гор. Отец твой очень любил чай из мяты.

О последних минутах жизни Абидат, кроме меня, никто ничего не знает. Я единственный свидетель её мучений. Асият, наверно, помнила

это и старалась во всем угождать мне, ничего для меня не жалела, готова была отдать последнее. Не могу сказать, что она меня любила больше, чем других племянников. И все-таки за ту ночь я больше виню себя, чем Асият. Может, потому я и скрывал нашу тайну. Сказать по правде, нет прощения ни ей, ни мне. И я, сколько буду на свете жить, столько и буду терзаться за свой поступок. Меня вечно будет преследовать молящий о помощи взгляд бабушки.

Я часто думаю: если и вправду мертвые встречаются на том свете, с какой совестью Асият подойдет к бабушке? Что она ей скажет, как будет оправдываться?

***

После всех этих горьких воспоминаний мне захотелось пристальнее посмотреть в глаза Асият. Я ещё не знал, что вижу её в последний раз. Она в свою очередь окидывала меня то злобным, ненавидящим взглядом, то взглядом человека, страдающего тяжелым недугом. В эти минуты я её и презирал, и жалел.

Я видел, как у Асият синели губы.

Я встал, подошел к ее кровати вплотную и, сделав на лице недовольную гримасу, чтобы она поняла, в упор посмотрел в зрачки её глаз с намерением напомнить ей последнюю ночь бабушки. Видимо, она поняла, что у меня на уме, и чуть приподняла голову. Встретившись с моим взглядом, она в ужасе широко раскрыла глаза. Затем, обеими руками закрыв лицо, закричала: «Нет, нет, не говори. Прошу тебя, не говори!»

Это были её последние слова.

*Тахир ТОЛГУРОВ,
доктор филологических наук*

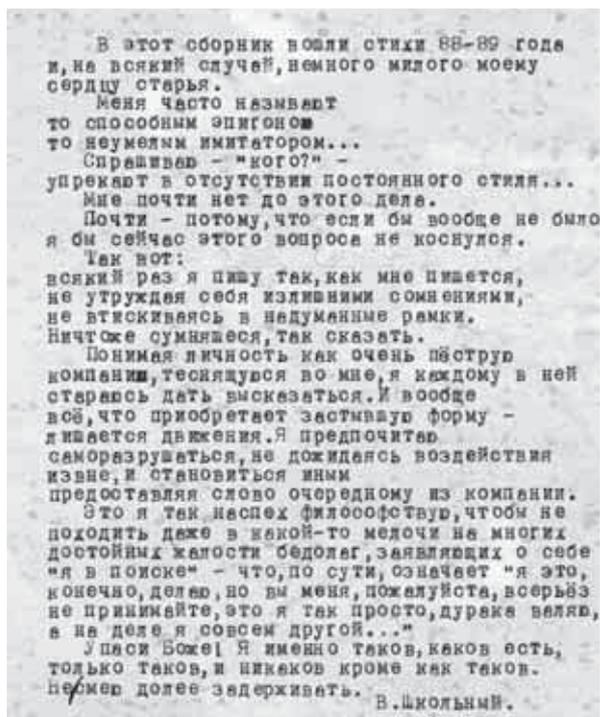
«ВСЕ БУДЕТ НЕ ТАК...»

Василий Школьный ушёл из жизни относительно недавно – в 2017 году. Совершенно незаметно и неожиданно для творческого сообщества республики, литературных кругов и окололитературной «тусовки» – по сути, единственной и весьма малочисленной группы населения, признававшей его поэтический дар. Для всех других имя Василия Школьного практически ничего не говорит – несколько появлений в республиканских газетах, пара-тройка стихотворений в коллективных сборниках, увидевших свет благодаря энтузиазму специалистов-одиночек с незашоренным мышлением. Отчасти вина в этом лежала на нём самом – пожалуй, ни одному редактору и ни разу он не предложил тексты по собственной инициативе, ограничиваясь случайными возможностями, открытыми для него людьми, которых Школьный считал своими приятелями. Нельзя винить литературоведов и писателей Кабардино-Балкарии за то, что они незнакомы с произведениями человека, игнорировавшего обычные пути выхода на читателя. Но сегодня – лучше поздно, чем никогда – пора, наверное, задаться вопросом: кем он был, и что потеряла литература республики в его лице?

При всей своей общительности, подчёркнутой коммуникабельности, Василий Школьный был закрыт для окружающих. Единственное, что можно совершенно точно сказать о нём – этническая определённость его таланта полностью соответствовала характеру его мироощущения. Подобно многим русским поэтам, он находился в особых отношениях с окружающим миром; в особых и далеко не дружественных, характеризующихся емким и специфическим словом – «неприкаянность». Его отличало особое умение отказываться от моральных, финансовых и прочих преференций – пусть даже вполне заслуженных. Ощущая духовную потребность к совершению того или иного шага, Василий Школьный так же чётко чувствовал невозможность воспользоваться результатами сделанного. Эта черта его характера была системной, прослеживалась во всём: обладая огромной физической силой и будучи знатоком восточных единоборств, он мог оказаться совершенно беззащитным в обыденном конфликте, его удивительное поэтическое чутьё никак не гарантировало его от общения на равных с откровенными графоманами, его интерес к живописи и музыке воплотился в оставшихся неизвестными опытах – полудюжине очень необычных полотен и в десятке песен, услышанных буквально двумя или тремя знакомыми. Невероятный артистический дар Василия выразился лишь в устойчивом

общении с театральной и псевдо-театральной богемой...

Что касается поэтического творчества, Школьный не умел навязывать окружающим собственное мнение и, при отсутствии выраженного интереса к его текстам, просто замыкался в себе. Посещая различные литературные объединения и клубы «по интересам», он, чаще всего, не был озабочен пиаром, предпочитая декламации собственных стихов обсуждение чужих опусов. Редко кто слышал авторское исполнение произведений поэта – не торопливое и подчёркнуто монотонное, в порядке «живой очереди» при встрече с братьями по перу – а свободное, увлечённое чтение со всеми подразумеваемыми нюансами и интонациями, во время которого Школьный бледнел и начинал звенеть, как струна любимой гитары. Вот это нахождение «вне зоны доступа» явилось причиной, по которой расхожей оценкой его поэзии стали постоянные отсылки к наследию «Серебряного века», к готике и постмодерну. «Гении», ни разу не вслушавшиеся в строки Школьного, не прочитавшие ни одной из них, спокойно и вальяжно классифицировали его произведения как эпигонские, подражательные... Что ж, пусть время расставит всё по своим местам. В нашей системе координат автор, похожий на многих больших художников, но сохраняющий при этом своё неповторимое лицо, как минимум, не уступает своим предтечам. В нашей системе координат Василий Школьный был и остаётся большим художником – настолько масштабным, что от определения «великий» его отделяет лишь уровень социального признания, а оно, как известно, от природной одарённости не зависит – почти или всегда. Сегодня редакция «Литературной Кабардино-Балкарии» представляет на суд своего читателя строки ушедшего от нас Поэта – на данный момент самую обширную подборку его стихов, когда-либо размещённую на страницах официального издания. Мы надеемся, что потери, подобные уходу Василия Школьного, сопровождающиеся полным забвением их творчества – больше не повторятся. Мы смеем на это надеяться.

*Предисловие к сборнику стихов
Василия Школьного, подготовленного
к печати его родными и близкими*

***

...Может быть, я ошибся? Всё будет не так,
как вчера... как всегда... Может, я – не ошибка?
Может, ты – не истерзанный выцветший флаг,
над сожжённой башнею вьющийся зыбко?

Может быть, я ошибся. Сегодняшний день
всё расскажет. А может быть даже – попросит
разодеть, как в шелка, в облака и сирень
вереницу твоих нерастраченных вёсен?

Я ходил на рассудок, как Русь – на врага,
как на плаху бунтарь, как бедняк на работу...
Может быть, я ошибся? Стоять на ногах –
не на крыльях лежать... ни паденья, ни взлёта?

Может быть, я безумен... на лунном ноже
день закатом кровит, и сомнение гложет
воспалённую память... Всё было уже.
И ещё может быть. Только сбывться не может.

1990 г.

***

Любовь к переменам – хлеб зрелищ в империи скуки.
От нечего делать прекрасен прыжок в пустоту,
И воздух хватают слепые и жадные руки,
Находят в никчёмности – смысл, в новизне – красоту...
Не дрогнут, когда мы с усмешкою плюнем в колодцы.
Неистово рушат, творить так и не научась.
И лепим мы Бога из глины, что им поддаётся,
И славим... а первый же дождь превратит его в грязь.
Мы строим воздушные замки – и падаем с башен,
Сжигаем мосты – и гнетёт нас навязчивый дым,
Ведь всё, что схватили – осталось до боли не нашим,
А всё, что оставили – схвачено кем-то чужим...

1987 г.

ЗВЕЗДОЧЁТ

Растворяется вечер
В отражении глаз,
Нам похвастаться нечем —
Но и грусть не для нас.

Посмотри, как раскинут
Серебристый покров!
Месяц лезвием вынут
Из далёких миров,

И верхушками сосен
Пригвождён к вышине,
А усталая осень —
Догорает во сне...

Словно в зеркало, в небо
Впились тысячи глаз,
Просят зрелищ и хлеба,
И грустят не о нас.

Ну а мы с тобой знаем,
Что неведомо им,
Что укрыто за краем...
И о них погрустим.

О последних и первых,
О хороших и злых,
О потерях безмерных,
О надеждах пустых.

Да и нас с тобой скоро
Ждёт не сказочный сад,
А река, по которой
Не вернуться назад...

В это зеркало судеб
Подойди, погляди...
Ты ещё не безумен?
Всё уже впереди.

1989 г.

ПАСЬЯНС

В трудный час я решил разложить
Старый, добрый пасьянс –
Может быть, выпадет шанс жить,
Может быть, просто – шанс?

Карты легли, и нашлась нить.
Был мне ответ лих:
Выпало – жить, жить, жить...
Шансов же – никаких.

1991 г.

НАБЕГ

Что ж вы, стены деревянные
Не укрыли, не спасли?
Зашатались, словно пьяные,
Наклонились до земли...

Догорит бревно упавшее,
Допивая поздний снег.
Отболит железо ржавчиной,
И рассыплется навек.

Гой вы, буйные головушки!
В честной смерти был ли прок?
Что лежите, кем целованы
В зеленцу опавших щёк?

От весенней многопрудности
Прорастёте ковылём,
И, хлебнув вороньей мудрости,
Заблестите под дождём.

А тому – печаль извечная,
Он и в радости не рад.
Где ты, рать широкоплечая?
Чёрт не страшен, Бог не свят...

Что имели, что оставили?
Для кого, святая рать?

Было время – жили, славили.
Вышло время – умирать.

Ускакала тварь несытая,
Впереди и даль, и ширь.
Опадают листья мытые
На сожжённый монастырь.

Словно осень избавляется
от назойливого сна...

Похоронный звон качается –
только степь черным черна.

1989 г.

АНГЕЛ

Громом желанным
дрогнуло эхо –
пала змея.

Раненый ангел,
сбросив доспехи,
сел у ручья.

Пил отраженье,
в каждом движении
чувствуя яд.

Быстро и ало
кровь набегала
в звонкий закат.

В немощем горе
зло и крылато
в небо глядел,

Слыша, как вторя
звону заката –
колокол пел.

1991 г.

ОТРИЦАНИЕ

Есть в бесконечности законченность,
и поворот в неотвратимости,
и злая боль в неуязвимости,
и крик набата в колокольчиках.

Есть в настороженном беспечное,
и заурядное в отмеченном,
но не добыть и грош на паперти
из пустоты, навеки запертой.

Так канут звёзды в дыры чёрные,
не наполняя светом трепетным,
так душат розу травы сорные...
но в двух путях не сыщешь третьего.

Нет омертвелога в стремительном,
и нет в заветном беспризорности.
И нет покоя – победителю,
а побеждённому – покорности.

1990 г.

ЛЮБОВЬ НЕБЫТИЯ

Когда-нибудь, мой враг, вы ведали печаль?
Не ту, что возлежит со скукою в обнимку,
Мелькая иногда сквозь приторную дымку
Осточертелых лиц... и я её – встречал...

Вы ведали? Не ту, когда вблизи причал,
Моря и острова безжалостно открыты,
И столько позади, а впереди – лишь сытый
Или голодный, но – незыблемый очаг...

Вам ведома печаль любви небытия?
Она струится в ночь, неслышная змея,
И ловко обовьёт, и ласково ужалит...

Наш друг её пригрел. Достали из петли.
Печалась, на погост смердеть отволокли.
Но на лице его – не видел я печали!

1989 г.

***

«...Будь проклят осторожный!»

Л. Стафф

Ты устал. Ты уже не смакуешь глотки огорчений,
и без третьего блюда любви твой обед ядовит.
Стиснув зубы, ты стонешь хвалу чистоте отречений
от всего, чего не было, нет... и смеёшься навзрыд.

Ты опять повторяешь, как старые фильмы – по просьбам,
безупречные фразы о смысле простого труда.
Отчего же на кухне, украдкой монету подбросив,
ты измерил количество смысла назавтра, чудак?

Расскажи – мне, ей-богу, всегда интересно послушать
разложение яви по полочкам, гробикам, снам,
где тела, устарев, убедительно лгут своим душам,
ну а души – кому-то ещё неизвестному нам...

Отчего ты не бросишь забытые крылья перчаток
неуёмным размахом в глаза ошалелой Судьбе?
У восставшего путь терноват и изысканно краток,
но, как крик новорожденных – свят и уверен в себе.

Ты – могила побед, ты – отряд не рождённых героев,
ты – улитка, пустившая корни в осенний листок.
На дворе холодает. Скажи, страшно вато порою,
отметавшись по ветру, попасть под прохожий сапог?

Слышишь – Время, угрюмый и честный блюстителъ погоста,
бьёт часами в ворота, лаская взведённый курок?..
Ты опять увернулся от вечности. Тающим воском
расползаешься в новые формы. А будет ли прок?

1990 г.

ВЛАСТИТЕЛЬ

Я призван лгать. Причины – есть.
Они в тебе, и в ней, и в них –
любовь и слава, страх и месть...
Я лгу, храня вас от других,

Подобных, но – несущих вам
чужую веру, кровь и дух.
Я мерю путь по черепам,
бросая меч на их орду.

Галдит молва – в урочный час
приходит Зверь... Причём тут бес?!
Всё зло – во мне. Всё дело – в вас,
я лгу лишь вам, а вы – себе!

От вашей лжи – такая мгла,
и в этой мгле – такие сны...
Смолкает бой – и вот я слаб
в плену нелепой тишины.

Кто мне подобен – все правы,
и новых истин не сыскать.
Порой хочу я стать как вы –
лакать и жрать, любить и спать.

И я не лгу, когда кричу –
Проклятые! От ваших глаз
Так руки просятся к мечу...
Увы. Куда же я без вас?

1987 г.

РЫЦАРСТВО

Рыцарство – это не хобби и не профессия,
А так себе, образ жизни, ещё не оборванной
Какой-нибудь непосильною сверхагрессией,
Ждущей с ухмылкой публику эту вздорную.

А оно, как на грех, ну такое неискоренимое –
Машет мечом неотъемлемым – или не отнятым?
Прямо, направо, налево, всё больше – мимо...
Но уж если залепит – лабай отходную.

Так вот везде и слоняются эти бездельники,
Сея лживость наличия справедливости
В мире стоячих стен и висячих ружей.

Так вот они, болезные, всё и мечутся,
Обороняючи от людей человечество...
Не понимая, что сами ничем не хуже.

1990 г.

ТЕСЕЙ И МИНОТАВР

Эге... Пришли. Свечей не густо.
И пахнет, вроде... И ещё –
Эгей! Сюда бы мне Прокруста...
Вдвоём бы сверили расчёт.

Тупик. Строитель, ты зануда!
Теснее, братцы! Не вразброд!
Ну, где ты там быкуешь, чудо?
Самим тебе попрыгать в рот?!

Рогатый, злющий, плотоядный...
Щипал бы травку – так ведь шиш!
Не столкнувался с Ариадной –
Теперь со мной поговоришь...

А вообще – дурдом... Налево!
Идём по нитке, пацаны.
Закончим дело – и на Лесбос.
Вот здесь мне эти... кабаны.

Хотя – какой... Притиснув бабу –
Наутро тискаешь клинок.
Опять ЧП. И нужен слабым
На всё затычкой – полубог.

Вот на Олимпе – всё в порядке...
Нажрутся – шастают на... нас.
А где-то что-то выйдет гадко –
Геракл! Тесей! Тревога!! Фас!!!

Круши, души... Ломать – не строить.
Неразгребаемый бардак.
Осточертело быть героем,
Уйду – расхлёбывайте!.. Так,

Тс-с! Вот он. Тихо. Затаитесь.
Шагну поближе, погляжу.
Вздремнул, болезный. Мощный витязь!
Но рожа – я вам доложу...

Уснул? Или таким манером
Зовёт в капкан для дураков?
Прокруст был прав, и чувство меры
Нас отличает от быков, –

Какой капкан... Струится влага,
Бежит с ресниц – без берегов.
Глаза – коровьи... Бедолага.
Проблем у парня – до рогов.

Ну личность... Плечи, хвост и рыло.
И человеческий, вроде, стон.
Кабы со мной такое было?!
Издых бы сам... но я – не он.

Он видит сон – я даже знаю
О чём. Как будто он – герой!
И по земле ползёт до края
За ним красавиц нежный рой,

В пути он гневом закипает
Узрев чудовищ... Бьёт их вдрызг!
И, утомлённый, засыпает
Под бабий визг среди винных брызг...

Глупец. Нам сны о том даются,
Что не далось, и кем не быть.
Пусть спит. Всем – в копыя. Развернуться.
Смыкаем круг. Нет, нет... не бить.

Пусть отдохнёт перед убоем.
Ведь я ж не изверг и не тать,
И кабы не был бы героем –
На чарку смог бы уболтать...

Но мне всех дел – дыша угаром
Осклизлых стен, лелеять нить,
И ждать. И первым же ударом
Его мечты похоронить.

2007 г.

СУМЕРКИ

Зря заката не слушали,
Зря домой не бежали...
Что бахвалиться душами,
Коль тела задрожали?

Не туманом дымящимся
Одевая дорогу –
Сероглазым изяществом
Сумрак вышел к порогу.

Всё осталось – мы видели,
Всё, как прежде – мы знаем...
Краски сумерки выпили,
Мир в глазах ускользает.

Память шепчет безумное:
Может быть, всё иначе?
Это мы стали сумраком,
Что для нас предназначен?

В стылом облачном мареве,
Взбаламученном ветром,
Вспыхнет призрачным заревом
Птичий крик без ответа...

Мы как будто не умерли –
Просто жить перестали
В торжествующих сумерках
Цвета сломленной стали.

Петли взвизгнут язвительно –
Ночь возьмёт своё право.
И свечам-избавителям –
Вековечная слава!

Страх осыплется инеем,
Распрямляются спины
За бокалом рубиновым
У седого камина...

Но тоскою кромешною
Снова ёжятся в кокон,
Чуя око нездешнее
В перекрестии окон.

2008 г.

***

И.

Ты – неведомо где.
С кем – и знать не хочу.
Я за прожитый день
Только рифмой плачу,
Только звоном струны
На обломках преград...
Ты – вошла в мои сны.
Я – явился в твой ад.
Можешь жить, как жила,
Ударяясь о лёд,
Но гореть – так дотла,
Разбиваться – так влёт,
Рисковать – так уж всем,
Мир несносен без драк,
Умирать насовсем
Мы умеем и так...
Ты сказала – «вернусь»?
Не спеши опоздать.
Я на зов – обернусь.
Но боюсь не узнать...

1986 г.

АКВАРЕЛЬ

Шальная тьма,
нестроен строй и нет дороги.
Глоток ума,
что поднесёт тебе убогий
Обет молчания
заставит дать навеки...
Дыша печалью,
ветер подгоняет реки.

Ещё крича,
последний лист упал на скальпель.
Горит свеча,
глаза ужалил отблеск капель.
Да, это кровь –
что ей все истины и бредни?
Не суесловь,
ведь осень может быть последней.

1987 г.

***

Мы долгому дождю доверчиво внимали,
и ночь была густа, и мысли невпопад.
И теплилось в глазах сокровище печали,
и где-то за углом дремал продрогший ад.

Дождь вкрадчиво шептал отмытою листвою
о вечности ночей спасительную ложь...
Я не люблю рассвет – в нём суетность покоя.
Я так люблю тебя, как ночи любят дождь.

1993 г.

Людмила ШАУЦУКОВА

Шауцукова Людмила Хажсетовна, работает заведующей кафедрой гуманитарных дисциплин Северо-Кавказского государственного института искусств и является первой кабардинкой, имеющей научную степень по культурологии. Заслуженный работник образования КБР, имеет грамоту профсоюзов России и Министерства культуры РФ за плодотворную работу, руководитель более 100 дипломных проектов, в ее научном арсенале более 70 научных публикаций. Известна также как автор и ведущий телевизионных проектов, статей в СМИ по проблемам искусства и культуры.

Ее первый роман «Черкесская рапсодия», фрагмент которого мы предлагаем читателю, объединяет в своей специфике различные жанры литературы и посвящен непростым судьбам наших современников.

ДАДА

Отрывок из романа «Черкесская рапсодия»

И вот он дома. И опять повезло – ни задержки, ни опоздания, даже раньше, чем рассчитывал. По дороге домой из Минеральных Вод, куда его доставил самолет, вспомнил семейную историю. Старший брат отца ушел служить в тридцать восьмом и должен был демобилизоваться в сорок первом, но ввиду явной или скрытой угрозы нападения на СССР был задержан ещё на два месяца. А тут случилась война, в гущу которой он и попал в самые первые дни. Слава Богу, в отличие от новобранцев, был хорошо обучен и не стал в первые месяцы войны пушечным мясом, как тысячи необученных и плохо вооруженных солдат, которых бросали в гитлеровскую мясорубку.

Но и он много чего пережил: плен, из которого смог бежать, фронтовые окопы, залитые дождем и талым снегом, допросы особистов. Хорошо, что среди группы, в которой он бежал, разобрал заднюю стену сарая, куда немцы заперли их на ночь, организовав «котел» и захватив тысячи наших, оказался толковый лейтенант, научивший всех, как обойти каверзы допроса. И вот, в сорок третьем, было принято решение о создании Кавказской дивизии, и дядю командировали домой. Отпуск – сутки, затем нужно явиться на новое место службы. К этому времени он пять лет не был дома. Писать не стал, чтобы не ждали напрасно – мало ли как сложится, на войне ситуация может поменяться в одну минуту. До

Минвод добрался на военном самолете, дальше – вот удача – попутка, грузовик, следующий до Орджоникидзе.

Высадили в четырнадцати километрах от селения. Дальше – пешком. Всю ночь шёл дядя и к рассвету достиг родного дома. Его узнала собака, заскулила радостно, яростно замахала в приветствии хвостом. И вот первенец, который ребенком ушел из дома, а вернулся усталым боевым ветераном, стучит в дверь:

– Дада, нана, это я, откройте.

В ответ сначала тишина, вскрик матери и твердый голос дады:

– Если сбежал, немедленно возвращайся в часть!

Дело в том, что в это время участились побегии с фронта, и дед даже знал некоторых, которые отсиживались в высохших стеблях колхозной кукурузы. И тут дядя, который прошел столько лишений, ни разу не проронив слезинку, неоднократно хоронил друзей, что было всё же лучше, чем гнить безвестно в чистом поле, сел на крыльцо родного дома, куда годовалым уже научился взбираться, и в голос заплакал.

Вот такой был дед у Залима. Он же дал ему имя, значащее в переводе «неустрашимый». Все знали: из всех внуков дада больше всего любит Залима, и эта любовь была взаимной, мать шутила, что если случится пожар или наводнение, свекор спасет внука, а до остальных ему и дела нет. Начиная буквально со второго года жизни, дада беседовал с внуком, как со взрослым, а когда ему исполнилось три-четыре года, эти беседы стали любимым занятием и малого, и старого. В шесть лет Залим услышал от деда историю женитьбы своих пра-пра-пра...

– Что ты знаешь о своем народе, мой мальчик? – говорил он малолетнему внуку. – История народа, сынок, – это история его лучших людей. А некоторыми из них может гордиться и наша семья. Много-много-много лет назад, когда, как говорится в наших сказках, небо было ещё низко над горизонтом, а земля ещё не схватилась полностью...

– Знаю, здесь жили нарты-богатыри, – продолжал мальчик.

– Нет, это я так, для зачина, для красного словца, – продолжал дед. – Может быть, сто, а может, триста лет назад жил мой прапрадед и был он молод и хорош собой. И вот понравилась ему девушка, Ляца. И Ляце Бетал (так его звали) очень даже нравился.

– Они что, объяснились друг с другом?

– Что ты! По закону они не могли даже оставаться наедине.

– А записочку написать?

– Нет, сынок. Тогда грамоты никто не знал.

– А как они поняли, дада, что нравятся друг другу?

– Что ты, мой мальчик, разве для этого нужны слова? Когда ты вырастешь и встретишь такую, как твоя нана, ты поймешь это без всяких слов.

Дед надолго замолчал.

– Ну, дада, как дальше? Украл он её темной ночью из родительского дома на горячем скакуне?

– В том-то и дело, что этого делать было ну никак нельзя. У Ляцы была старшая сестра – Лялюца. А был строгий закон: если младшая выйдет замуж раньше старшей – и сестру опозорит, и на себя навлечет гнев Аллаха. В общем, ждали влюбленные, когда Лялюца приобретет суженого. Девушка она была мало что красивая, но ещё и гармонистка. Знаешь, как у нас говорят: не уродилась дочь личиком и статью – дай ей в руки гармонь. Уж незамеченной не останется, не будет век одной куковать.

– А почему её никто не увёз на коне под буркой?

– А потому, что была она очень разборчивой, даже спесивой, много о себе понимала. Поэтому какие хорошие джигиты, те покрутятся рядом и отойдут, кому захочется стерпеть отказ? А с дураками она и разговаривать не стала бы. Так и прозвали её – «шыдахэмыжэ», что означает: «красивая лошадь, но еле плетется». И возраст торопит, а достойных женихов нет. Разве что кто-нибудь из соседнего аула, кто норов её не знает, на красоту польстится. А может, бедняжка, она и сама была не рада своей славе такой, да поздно. Легче кинжалом отрубить руку, чем отрубить молву о себе.

В общем, с нетерпением ждали наши влюбленные, когда старшая сестра определится, чтобы соединить свои судьбы. А тут случай подвернулся удобный. У Бетала родная тётя, сестра отца, проживала, будучи замужем за достойным человеком и имея взрослых детей, через два аула по той же реке, откуда брали воду твои предки. Ведь раньше все селились на берегу реки, мой мальчик. И когда пришла пора женить своего сына, которого звали Исмель, тётушка очень захотела, чтоб невестка была из её родного аула, ведь на родине и трава зеленей, и небо голубей, и девушки все воспитаны и прекрасны.

Таким образом, Исмель приехал к своей родне честь честью, на хорошем коне, папаха из лучшей мерлушки, серая черкеска ловко обтягивает стройное тело. А знаешь, как должен быть сложен настоящий черкес?

– Нет, дада.

– Так вот, росту он должен быть не громадного, но и не низенького, широк в плечах, тонок в талии. Если он ложился на бок, между его талией и землей должна была суметь проползти кошка. А в седле он должен был сидеть как влитой, и издали было видно, джигит едет, или так, ахмак.

– А как это видели?

– Ахмак сидел в седле так, как будто его вилами на коня посадили, он не сливался с конем, как истинный черкес. Потому что настоящий всадник с конем одно целое, и на коне мужчина чувствует себя стократ лучше, чем на ногах.

– Дада, а у тебя была лошадь?

– Да, мой мальчик. У меня их было несколько, но самая любимая – первая, которую мне мой дед подарил еще жеребенком, и я её растил сам примерно с твоего возраста. Тогда сахар был редким лакомством. Так вот, когда мне как-то перепал кусок сахара, я не смог его сам съесть, я отнес его своему жеребенку, вот так я его растил. И он это всё понимал. А когда мой конь вырос, мне даже не пришлось объезжать его серьезно. Во время гражданской войны его забрал сам генерал Шкуро, лично вывел из конюшни, и я от бессилия скрипел зубами, потому что не смог бы справиться с дюжиной казаков. Вот они сидели на седлах, как ахмаки, но их было много. А мой бруль, это порода такая, ржал всё время, пока его уводили со двора. Потом я болел неделю... Дед опять надолго замолчал.

– Ну, рассказывай дальше.

– Ну, значит, приехал Исмель вроде и родню проведать, и на местных девушек поглядеть, о чём тайно поделился с Беталом. А попал очень удачно: вечером в ауле была свадьба, на которой должна была собраться вся молодежь брачного возраста, и все красивые девушки обязательно принимали участие в джэгу. Это такой танцевальный вечер, где танцы не самое важное, главное – показать себя.

– А как это?

– Очень просто. Парни показывают свою удаль, молодечество, девушки – стать и красоту, скромность и благонравие, ведь эти танцы наблюдают все, и не только будущие женихи и невесты, но и их родители, родня всякая, то есть все, кто на свадьбе, кроме самых старших.

И решил Бетал на этом джэгу показать Исмелю Лялюцу, она ведь хороша собой, из хорошей семьи, на гармошке играет, и потом, два брата женятся на двух сестрах, разве не хорошо? Но про свои мысли – молчок, это неприлично, нехорошо строить планы, исходя из своих желаний, тем более, ни слова о Ляце. Идут они на джэгу, а тут Исмель говорит:

– А вдруг мне понравится девушка, а я ей не приглянусь?

Бетал, конечно, заверяет брата, что это невозможно, и любая, кто понравится Исмелю, будет счастлива, а уж он, Бетал, со своей стороны, сделает всё возможное и невозможное для его счастья. Так они пришли, стоят в кругу, хлопают в ладони танцующим, а по нашим обычаям в кругу должна была танцевать только одна пара. Это сейчас пошла дурная мода, когда танцевать выходят несколько пар.

– И что, дада, понравилась гостю Лялюца?

– В том-то и дело, что оба понравились друг другу. Но на беду, мать послала Ляцу передать старшей сестре шаль, поскольку вечер был прохладный, а там, где в джэгу принимала участие старшая сестра, младшей

не должно быть в помине. Пока старшая не вышла замуж, младшую не наряжают, не пускают на танцы, это важно. И в тот момент, когда Ляца передавала сестре шаль, Исмель увидел её и потерял голову.

– А почему Бетал не сказал, что это его невеста?

– Да разве можно! Черкес никогда и ни о чём не может говорить, что это его собственность, разве что о коне, который, скорее, его друг, его брат.

– И говорит Исмель брату: в этой девушке его жизнь, пусть Бетал поможет увезти её сегодня, сейчас, и никакие уговоры и увещевания, что, мол, у неё старшая сестра, ничего не значат. Он стал хъэщыкъ, то есть буйно влюбленный.

– А что Бетал?

– А что ему остается? Решил помочь брату. На второй день встретил Ляцу у родника, когда та пошла за водой. И попросил её пойти ночевать якобы к тётё одинокой, что жила на краю села, а на самом деле выйти к условленному месту.

– И она согласилась?

– А любовь есть полное доверие, мой мальчик. Поэтому на нашем языке «я тебя люблю» переводится как «я тебя хорошо вижу». Ляца любит Бетала, значит, она готова доверить ему свою судьбу, свою жизнь. Значит, думает она, у него есть резон торопить её с браком, и она никогда не унизит его недоверием, не станет спрашивать, что это за резон, она скорее себе язык откусит.

– Дада, Ляца ведь не вещь, чтобы дарить её.

– Но он дал слово, и он страдает не меньше её. Время такое, мой мальчик: дал слово – держи, иначе грош тебе цена. И она, воспитанная в черкесских традициях, поняла бы его рано или поздно.

Наступает вечер, Ляца выходит к условленному месту, всадники подхватывают её и мчат в соседний аул, к ещё одной родне. По обычаю, невесту сразу не везли к себе домой, чтобы дать время домочадцам подготовиться к её приему. А у канов, то есть той семьи, которая радостно приняла новобрачных, в одном дворе жили пять братьев со своими женами и детьми. Привезли, значит, Ляцу, приняли её снохи радостно и приветливо, стали поздравлять и нахваливать Исмеля, и несчастная узнала, для кого Бетал умыкнул её, да и упала без сознания. Кое-как привели её в чувство, и призналась она, рыдая, во всем – и в своей любви к Беталу, и в том, что давно они решили быть вместе на всю жизнь, и только ждали, когда старшая сестра выйдет замуж. Дошло всё до Исмеля. Так вот он каков, его брат! Но и он не менее благороден, и он не хочет разлучать влюбленных! А что делать, девушку уже не воротить, вернуть – значит опозорить Ляцу.

– И что, дада, потом случилось?

– А нашлась одна умная сноха, которая подсказала: пусть немедленно едут обратно и привозят Лялюцу для Исмея, а Ляца так и останется невестой Бетала. Так и сделали. Потихоньку постучали Лялюце в окошко, попросили выйти на минутку, а она, умница, всё почуяла, но сделала вид, что ничего не понимает. Только на крыльцо – хватать её, и к тем же канам. Так и сыграли сразу две свадьбы.

– Здорово!

– Здорово то, мой мальчик, что до конца жизни Лялюца не узнала тайны своего замужества. Ни пять снох, ни их мужья не проговорились. Умели в старину люди держать язык за зубами.

– Дада, а как ты на нана женился? Ты её тоже на джэгу присмотрел?

– О, это интересная история.

Я видел её и раньше, но именно в танце я её увидел настоящую. Знаешь, мой мальчик, ведь в танце кафа невозможно солгать, выдать себя за другого, слукавить, притвориться. Поэтому наши предки придавали такое значение танцу. Вот танцует пара. Он смотрит на неё орлом, кружится вокруг неё. Она же не может смотреть на него прямо, её рассеянный, несосредоточенный взгляд направлен примерно между наборным поясом и газырями партнера. Кафа – это танец скрытой страсти, это когда внутри бушует пожар, однако ни мимикой, ни движением его нельзя показать.

Но у девушки, особенно если она хочет понравиться парню, есть право на один единственный взгляд, может быть, искоса, но в этот взгляд она вкладывает всю аккумулярованную, накопленную месяцами энергию. Вот этот взгляд блеснул, как молния, как клинок сабли, в мгновение ока вытащенный из ножен и мелькнувший подобно нуру (чудесный неземной свет), и все: пропал джигит, его сердце ранено навсегда. Вот так посмотрела на меня твоя нана...

Потом, будучи взрослым, Залим обдумывал слова деда и всё больше убеждался, что джэгу – это не просто этническое игрище, предназначенное для того, чтобы молодежь или люди постарше продемонстрировали свое умение двигаться под музыку в танцевальном кругу. Адыгэ джэгу являлся у черкесов мостом, перекинутым из обыденной жизни к воздушным замкам свободного духа. Этнический танец построен на сверхпластике, сакральных формах, в которых нашла свое отражение вся астральная, медитативная культура народа.

Отсюда – феноменальная концентрация «жизненной энергии» в движениях женщины и мужчины. Когда он демонстрирует свою силу и ловкость, а она – красоту. Адыгэ джэгу у черкесов подвержен строгому этикетному порядку. Танец не допускает развязности, вульгарности движений, неуважительности к партнеру даже в легкой степени. Залим видел, что со временем концепция священнодействия джэгу сдает позиции, наблюдая нарушение как буквы, так и духа Адыгэ джэгу.

Однако сам всегда помнил – через призму танца на него смотрят тысячелетия, во время которых слагались и укреплялись его этнические корни, его сила и дух, его представления о мире и себе в этом мире, его хабзэ («адыгэ хабзэ» – совокупность традиционных норм и правил обхождения и поведения (этикет)).

С дедом было связано много удивительных историй. В шестьдесят втором году, сразу после денежной реформы, дада собрался в продуктовый магазин за покупками. У него была отличная память, и ему не нужно было ничего записывать, и так все помнил: три килограмма сахара, два – длинных трубчатых макарон, взрослым – халву к чаю, детям – конфеты «зефир», растительное масло в бутылке и прочее, и прочее. В магазин он любил ездить на запряжённой осликом повозке, принарядившись по всем правилам деревенского шика: китель и брюки-галифе, хромовые сапоги, высокая папаха.

В сельском продмаге торговала шустрая и ловкая продавщица, которая всячески пыталась, и достаточно удачно, ликвидировать продуктовую «усушку и утруску», поэтому сахар у неё всегда был влажным, а сдача всегда меньше, чем полагается. Дед важно и степенно называл, что ему нужно, продавщица ставила взвешенный товар на прилавок и ловко щёлкала костяшками счетов, и, конечно, обдурила покупателя на двадцать копеек, по-старому, на два рубля – откуда дед знает, как там реформа с ценами пошутила. Но пока она считала на счётах, дед произвел в уме все арифметические действия, поблагодарил за обслуживание и пошел к двери, но, остановившись у выхода, сказал:

– А двадцать копеек, дочка, тебе на здоровье!

Как-то дада узнал, что соседский сын поколотил свою жену. Он покрутил головой, и сказал:

– Он не черкес. У него плохая кровь, он хамшари (бездомный бродяга, попрошайка). Я всегда подозревал, что эта семья пришлая, не наша. – И добавил: – Ещё Казанок (адыгский мыслитель, философ) сказал: настоящий мужчина нежен и мягок с женщиной, трусливый и подлый вымещает на ней свои неудачи.

У Залима был школьный приятель, который иногда приходил к нему во двор поиграть. Дед дотошно выпросил у мальчика всё: какого он роду-племени, как звали деда и бабушку, где живет, что даже Залиму стало неловко. После ухода мальчика дада сказал задумчиво:

– Я слышал мальчиком, что его прадед убил кого-то из-за угла.

– Дада, это хороший мальчик, он не виноват, что какой-то там его предок что-то там натворил!

– Не знаю, не знаю. Но у нас говорят: дурная кровь сохраняется в семи поколениях.

Дед свято верил, что земля – живая, что она всё чувствует, всё видит и слышит. Поэтому он запрещал выливать кипяток на землю, пусть сна-

чала остынет. Когда стали запускать космические корабли и различные ракеты, переживал, что в небе «сделают дыру». Залим смеялся: дада, там же атмосфера, там невозможно дыру сделать, и только потом, через много лет, прочитав научную статью об озоновых дырах, убедился в правоте далекого от науки деда.

Часто дада брал его в поле, в лес, на сенокос, говорил о родной земле как о лучшем даре небес и главной причине тотальной гибели черкесов, ставших заложниками того кусочка планеты, которым хотели обладать все. Увидев, что кто-то запачкал или затоптал бьющий из-под земли родничок, обязательно останавливал повозку, убирал мусор и любовно расчищал края родничка. Особенная любовь деда – лес. Их рассказов деда следовало, что лес являлся неотъемлемым элементом той природной среды, под воздействием которой исторически формировались культура и самосознание черкесов, что отразилось в сказках, легендах, преданиях народа.

Лес являлся одним из защитников свободы и независимости народа, нередко становясь последним убежищем тех, кто боролся за свою свободу, или пытался избежать какого бы то ни было угнетения или притеснения со стороны отдельных людей и завоевателей. Однако в лесу не было окультуренных плодовых деревьев и кустарников, отвечающих всем вкусовым и эколого-эстетическим запросам человека, при обилии дикорастущих яблонь, груш, сливовых и других деревьев лес не давал всех достоинств сада.

Отсюда – желание черкесов привнести в столь им любимый лес элементы и детали плодово-ягодного сада, не нарушая природной гармонии леса. Таким образом, возникает новая форма культурного ландшафта, которую впоследствии специалисты назовут «лес-сад». Будучи в лесу, дада продолжал вековые традиции своего народа: обязательно прививал веточки плодовых деревьев, предусмотрительно захваченных из дома, деревьям лесным, диким: грушевый черенок – на дикую грушу, яблоневый – на дикую яблоньку, сливу – на лесную алычу. Пусть усталый путник полакомится плодами его труда, и какое подлое дело совершают те, кто вырубает леса без необходимости.

Залим услышал от деда, как бережно относились совсем недавно черкесы к растениям и животным, и даже охотник не смел убивать ради забавы ни одно животное.

– Я в детстве слышал часто от своих дедушки и бабушки, родителей и просто старших, – говорил дед, – что рвать траву, ломать ветки деревьев, срывать полевые цветы – все равно, что рвать усы и бороду своего старого деда.

И это отношение к живой природе у Залима закрепилось точно так же, каким оно было у деда.

Но самые долгие беседы с внуком дада посвящал вопросам мужской чести и достоинства. У черкесов каждый выпитывал с молоком матери, что честь выше жизни. Поэтому поистине несчастлив тот, кто был замечен или обвинен в бесчестном поступке. Дед знал много так называемых «очистительных песен», складываемых теми (или по их просьбе джегуако, черкесскими поэтами), кто был оклеветан, несправедливо обвинен в бесчестном поступке. Народная мораль безоговорочно принимала очистительные песни и безоговорочно верила им, так как в такой песне соврать или слукавить невозможно.

Исследователи этих песен говорят, что часто были случаи, когда приговорённый несправедливо к смерти мог в ожидании собственной казни сочинить и спеть песню, из которой следовало условие его невиновности, и его тут же ожидало прощение. От деда услышал и запомнил Залим старинные песни «Сетования Боры могучего», «Сетования Куалы Созарихи», «Сетования Нартуга», «Сетования Гудаберда, Азепша сына» и многие другие.

Говорили о счастье, и из рассказов деда следовало, что счастье является у черкесов безусловной нравственной ценностью, и высшее благо, которым может обладать человек, обозначается понятием «напэ», в которое входят значения долга, чести, совести, достоинства.

Самое страшное, что может потерять человек, это «напэ», то есть лицо, личность, свой моральный статус. При этом несчастным становится не только сам потерявший, но и его близкие. Несчастлива жена труса из «Плача о Капоко Етече»:

*Трусу рубашку, о горе, мне кроить пришлось,
Золотую черкеску большую когда ты носил,
В золотых стремях когда ты стоял,
Как на сто всадников, на тебя я надеялась,
Твои усы – Бжинукайский лес.
В сражение же когда ты вступил,
С воробьиным сердцем оказался.*

В основе же любви у черкешенки обязательно лежит уважение к достоинствам супруга, его рыцарским и воинским качествам, его уму и добродетелям, её любовь, прежде всего, не эмоциональное переживание, но деятельная способность. Поэтому так несчастна героиня известной песни-плача Химсад-гуаша. По преданию, дочь верховного князя Кабарды Кучука Дажанхотова, красавица Химсад, будучи отдана в жены молодому князю из рода Татлостановых, в первую брачную ночь трагически стала вдовой, затем, против ее воли, Химсад выдали замуж за ногайского хана Беслана Тугана:

*Гуаша я, Гуаша несчастная,
Все Гуаши меня жалеют.
Татлостановых снохой когда я была,
До порога мой путь полдневный был,
Нелюбимому мужу когда меня отдали,
Мужицкого мерина обгонять стала,
С самшитовых моих башмаков высоких
Горя вестник меня сойти заставляет, о горе.*

В песнях, которые вполголоса напевал дед внуку, внимающему каждому его слову, взгляду, скрытой эмоции, образ женщины образовывал прочную связь с такими понятиями, как красота, чистота, целомудрие, её культ был неотделим от культа прекрасного: она красиво говорит, танцует, ходит, сидит, одевается, красноречие женщины, изящество её поз и движений, красота её костюма воспеваются в песне как несомненные составляющие счастья.

*Её серебряный нагрудник атласом сверкает,
Из атласа желтого её рукава,
Луна, что на небе – её лицо.
Белолицая красавица величаво ступает,
На подушке сидишь – голубка,
Выпрямишься – львица.
У светлорукой у нашей, чей подол платья в золоте,
Шея подобна косульей,
Шёлк нежный – её кожа,
Брови её – ласточки крылья,
Тебя родившую мать Бог да вознаградит.*

О! Какие люди были в старину! Они пренебрегали опасностью, презирали спокойную, комфортную жизнь, были гораздо выше сытости и безопасности. Более того, если уорк (сословие дворян-воинов) доживал до седых волос, он их стыдился, потому что жизнь воина – это яркий полет звезды, которая успевает оставить потомство, гордящееся им в поколениях, и с честью погибает в бою, успев за короткую жизнь совершить немало подвигов, в его честь слагают песни.

Дада рассказывал о черкесских князьях, которые должны были по статусу быть эталонами мужества и чести, между тем в учебниках истории они представляли кровавыми тиранами.

– Да, и такие были, – говорил дед. – Но было много и таких, как князь Конов, которого в народе прозвали «емылыдж», то есть неукротимый. Обычно в наезды отправлялись после того, как растает снег, и группой,

в крайнем случае – втроем. Князь Конов брал только одного спутника, чтобы тот смог в случае чего отвезти его тело на родину, дабы покоиться в родной земле. И никакие природные условия его не могли запугать. Верный конь, постель прямо на земле, завернувшись в бурку и положив седло под голову, еда – что добудешь в пути, когда закончится небольшая дорожная провизия, схватка с врагом, равным по силе, и так несколько месяцев – вот жизнь истинного черкеса, а не прозябание в тепле и уюте рядом со своими домочадцами. В лютые февральские морозы вернулся князь из похода со своим верным спутником, слава Аллаху, оба живы и не ранены, но измучены до предела, и кони еле бредут, но, почувствовав близость родного аула, изо всех сил не хотят подводить своего седока. И тут, к несчастью, спутник говорит князю чуть менее равнодушно, чем того требует выдержка черкеса:

– Огни Куркужина (родного аула).

Князь, как вкопанный, остановил своего коня, потом поднял его на самое высокое, самое ветреное место. Спутнику не оставалось ничего, кроме как последовать за князем. Так, на юру, они и простояли, пока горизонт не заалел рассветом, а лошадиные морды не покрылись ледяным панцирем. Да чтобы убоился князь Конов лютой стужи! Чтобы струсил он перед многочисленным врагом!

– Знаешь, мой мальчик, как погибли твои любимые нарты-богатыри? Они победили всех на земле, равных им по силе и смелости уже не было в подлунном мире. И тогда они бросили вызов богам. И боги их погубили...

У деда было своеобразное отношение к религии, и, хотя он и соблюдал все требования ислама – молился в намазе пять раз в день, держал уразу и отдавал бедным десятую часть своего дохода, как того требовал адат, фанатичным мусульманином его нельзя было назвать. Говорили, что перед войной в республику приехала целая комиссия из Москвы, чтобы проверить работу местных властей по атеистическому воспитанию. Дед тогда был председателем колхоза и сам на своей двуколке возил представительного мужчину, столичного гостя – атеиста. Выезжали в колхозные бригады, бывали на полевых станах, на животноводческих фермах, но как только наступало время намаза, дед останавливал повозку, стелил на земле молельный коврик и общался с Богом, а гость терпеливо дожидался его и ничем своего недовольства не показал даже в отчете.

Дада умер, когда Залим находился в пионерлагере после шестого класса. За неделю до кончины он навестил внука, одетый, хоть и в жару, по всем правилам черкесской элегантности, что включало и барашковую папаху, и бессменные шерстяные галифе, и хромовые сапоги со скрипом, принес ему фрукты и сладости. Хотя, как обычно, старик подтрунивал

немного над ним. Залим, несколько стесняющийся экзотического вида деда, увидел, что тот чем-то взволнован и озабочен. Потом оказалось, что по пути в пионерлагерь дед прошел мимо озера, где отдыхали и загорали многочисленные тогда гости курортного города.

Увиденное шокировало старого черкеса: где это видано, чтобы голые мужчины и женщины лежали вповалку, не стыдясь своего непотребного вида? Самые совестливые, рассказывал он, всё же не утратили остатки чести и прикрывали лицо платочками (наивный дед решил, что накинутые на лицо тряпочки, оберегающие лицо от сильного загара, демонстрируют кой-какое целомудрие).

Но Залима ждали друзья, и им предстояло сыграть решающий футбольный матч с другим отрядом, поэтому он вполуха слушал деда и поглядывал на ребят, которые делали ему отчаянные знаки: все собрались, ждут только тебя. Хорошо знающий строгие правила хабзэ, Залим старался не выдавать своего нетерпения. Дед и сам заметил:

– Иди, мой мальчик, делай свои большие и маленькие дела. И никогда не забывай, что ты – Кауков, и в твоём роду не было никого, кто запятнал честь своих предков.

Убегая, Залим оглянулся: дада стоял и смотрел ему вслед незнакомым, печальным взглядом. Почему он тогда не плюнул на этот футбол, почему не побежал к самому дорогому для него человеку, не обнял его за шею, не сказал, как он ему дорог! Почему не припал к его груди, не поблагодарил за великие законы мужской чести, в справедливости которых он убеждался всю жизнь...

Залим, семидесятые...

Когда Залим начал работать в милиции, там еще были боевые зубры. Где ж вы, мои гиганты, прошлые лейтенанты?

Это были неподкупные люди с высоким понятием долга и чести. Разве можно подкупить Шерлока Холмса? Залим начинал работать в милиции тогда, когда опер был опером, следак – следаком. Все имели профильное образование, людей со стороны в систему пускали редко. Много стариков работало опытных. Работали не за деньги, а за идею. Даже потом, в начале девяностых, реально голодали, но государство не предали. Бухали? Да, был такой грешок. Применяли «негуманные» методы дознания? Да, но они были настолько действенными, что при первом намеке на них самые отъявленные бандиты штаны мочили.

После армии Залим легко поступил в столичный вуз, но решил учиться на заочном, чтобы получить практику и одновременно стать дипломированным юристом. Как раз в районном центре освободилось место участкового милиционера, и его с удовольствием районное

милицейское руководство, хорошо знавшее и деда, и отца, взяло на работу. Начались милицейские будни сразу и круто: у бабули украли гусей, пьяный муж нанес тяжелые побои жене, подрались чуть ли не до членовредительства пацаны из двух школ, да мало ли что происходит в небольшом городке?

Кроме того, было несколько бараков на его участке, где проживали освободившиеся по истечению срока наказания так называемые «химики». Приходил он домой порой за полночь, но молодость и азарт не давали унывать, работа нравилась, он знал: работа участкового для людей и им на пользу, несмотря на молодость, он умеет находить нужные слова для определенного случая, люди его понимают.

«Побудьте день вы в милицейской шкуре, вам жизнь покажется наоборот», – пел его любимый Высоцкий. На вверенном Залиму участке каждый день происходили различные и грустные, и комические ситуации. Как-то пришла женщина за пятьдесят, вся в каких-то рюшечках и воланчиках, и пожаловалась, что каждую ночь ее навещают голые инопланетяне и не дают ей спать, пристают, делают непристойные предложения. Залим уговорил её пока не писать заявление, а сам обратился в психиатрическую службу – не стоит ли она на учете? Как ни странно, оказалось, что нет.

Приходила старушка с жалобой, что соседские куры перелетают через забор и клюют ростки тюльпанов, и если соседей не арестуют, она дойдет до генерального секретаря.

«Химики» тоже не давали скучать – то драка, то пьянка, то мешают ночью соседним домам. В общем, дел хватало. Не зря кто-то однажды заметил, что работа в милиции – это сплошной цирк, но, в отличие от цирка, здесь есть потерпевшие и преступники.

Так прошло два года. Родители и сестры мечтали женить Залима, мать всякий раз намекала, что мечтает понянчить внуков. У них, правда, жил почти постоянно старший племянник Миша, которому было близко от них в школу. Сначала он иногда оставался ночевать, потому что учился во вторую смену, а ночью, в темноте, боялся один идти домой. А потом сестра в очередной раз стала матерью двойни – вот она, генетика, – и ей было трудно управляться с четырьмя детьми, двое из которых – младенцы. Так Миша стал жить постоянно у деда с бабкой, всячески ему потакавших и балующих, как только можно.

Сердце Залима молчало, местные красавицы зря пытались привлечь его внимание. Тем более, что в его жизни появилась Рита, или Марго, как она представлялась. Марго работала продавщицей в местном универмаге, жила недалеко от общежития химиков и стала невольной свидетельницей драки, где был покалечен один из вольных поселенцев. Её яркая красота не давала покоя местным кавалерам, но Маргоша себе цену знала, абы с

кем не стала бы крутить любовь, хотя жила самостоятельно в «однушке», доставшейся ей после развода с мужем и размена квартиры.

У неё был сын, которого всеми правдами и неправдами Рита смогла пропихнуть в суворовское училище, для чего обратилась даже к известной во всем мире женщине-космонавту. Залим несколько раз брал у неё показания, она ему нравилась, и он отдавал себе отчет в том, что женщина уже сказала всё, что знает, но почему-то вновь находилась причина, чтобы уточнить показания, или подписать протокол. И она не сводила с него своих зеленых глаз, её длинные рыжеватые волосы красиво обрамляли лицо с пухлыми яркими губами, высокая грудь распирала тонкую кофточку. На третий раз Марго сделала всё, чтобы Залим остался.

Пожалуй, эти визиты для Залима трудно было назвать любовью, но в его жизни уже был опыт отношений, которые ни к чему не обязывали, а его возраст, открывший сладость женских объятий, говорил: нам хорошо вместе, чего же ещё? Марго не была ни умницей, ни красавицей в классическом смысле, она, пожалуй, и двух книг не прочитала за свою жизнь, иногда могла выдать такую мещанскую сентенцию, что Залим себя спрашивал: а что я здесь делаю? Но его тянуло в эту маленькую квартирку, где сильно пахло духами, всегда была вкусная еда, а все занавесочки были с бантиками и оборочками.

Так продолжалось, пока он не увидел её. Мадину. Случилось это на свадьбе школьного друга, того самого, чей прадед своим выстрелом из-за угла оставил плохую метку на репутации всех своих потомков. Друга звали Салим, и он женился на известной нам уже школьной красотке Светке, с которой встречался чуть ли не с восьмого класса. Светка – завидная невеста, её мама, Фатима, заведующая сельским детсадом, ничего не жалеет для единственной дочери. Все знают, что в приданое невеста получает благоустроенную, отремонтированную и обставленную двухкомнатную квартиру в столице республики, на её главном проспекте, прямо напротив известного кинотеатра, около которого назначали свидание все парочки. Несколько лет назад умер её отец, случайный перитонит свел в могилу сильного, нестарого мужчину, не захотевшего обращаться к врачам по поводу боли в правом боку, где, оказывается, вовсе развивался аппендицит, а он лечил себя горячими грелками. Видно, это была судьба, потому что Фатима неплохо разбиралась в медицине и, благодаря её советам, многие сельчане смогли избежать осложнений от болезней. А родного мужа не смогла уберечь, впрочем, муж не жаловался и говорил, что всего лишь немного простыл.

Если бы не эта трагедия, свадьба, очевидно, состоялась бы и раньше, но вот, все сроки выдержаны, никто не скажет, что дочь выскочила замуж до того, как остыло тело отца. Салим попросил Залима быть

свидетелем на регистрации брака, которая проходила уже по месту прописки невесты, то есть в городе. Как только Залим пришел в ЗАГС, он увидел стайку девушек, окруживших невесту, и сразу выделил в толпе одну, стоявшую к нему спиной. Она была в красном коротеньком платье, открывавшем ноги в чулках со стрелками. На ногах – черные лаковые туфли на высоких каблуках, черные, длинные, ниже лопаток волосы рассыпаны по плечам. Платье до талии – в облегающую, ниже расширяется трапецией.

Ого, подумал Залим, если эта девушка так же хороша спереди, как сзади, это будет очень неплохо. Тут всех позвали в зал на регистрацию, незнакомка в красном потерялась в толпе, пока Залим выполнял свои обязанности свидетеля. Но им было суждено встретиться ещё раз на свадебном банкете. Хотя платье было уже другое, Залим сразу узнал её по волосам, она сидела недалеко от него за столом, так называемом молодежном, где он был за старшего. Увидев её, он буквально остолбенел – девушка была исключительно красива: черные, как уголь, глаза сверкали на нежном белом лице, брови вразлет и очень красивой формы, губы цвета спелой вишни четко очерчены и сложены в капризную улыбку, черные волосы обрамляют лицо почти безупречной формы.

Залим, который робостью не отличался, в этот вечер превзошел себя самого: он шутил так остроумно, что хохот не умолкал за столом, говорил длинные красивые тосты, распорядился за столом с видом опытного аксакала. Порой он ловил на себе взгляд красавицы, в котором не было ни любопытства, ни желания понравиться, ни особого интереса к происходящему.

Еле дождавшись перерыва в застолье, Залим подошел к жениху и поинтересовался, кто эта девушка.

– Еще одна жертва Мадины, – усмехнулся тот. – Ни единого шанса у тебя нет, брат, только сердце свое разобьешь.

И на его немой вопрос ответил:

– Это Светкина двоюродная сестра из города, единственная дочь богатых родителей, золотое яичко. Ее мама, тетя Куля, родная сестра моей новоявленной тещи. Старший брат женат на эстонке, познакомился с ней на учебе в Москве, они там живут сейчас. Но не это главное. Она просватана за сына одного из самых богатых людей в городе, цеховика, который завалил дешевым трикотажем полстраны. К тому же отцы давно дружат, свадьба летом, как только она окончит третий курс университета, где учится на филологическом. После сына родители не рискнули отпускать ее на учебу в Москву.

– А что за жених?

– Не знаю, не видел, но Светка говорит, что красавчик и щеголь. Тоже окончил хороший вуз в столице страны, вроде даже женщина какая-

то там у него была. Сейчас помогает отцу, ездит на хорошей машине и влюблен в Мадю по самые уши. А в неё, как видишь, не влюбиться трудно, к тому же она умница, ещё та тонкая штучка типа с любовью к поэзии и прочими изысками. Не связывайся, только время потеряешь. Кто только не пытался за ней ухаживать – ни единого шанса, брат.

Впервые Залим увидел женщину, которая ему не по зубам. Кто он, сельский милиционер, которому ещё год до диплома, машины у него нет, а дом, единственное имущество семьи, хоть и неплох по сельским меркам, не продашь даже за сумму, которой хватит на покупку трехкомнатной квартиры в городе. Ему захотелось сразу повернуться и уйти со свадьбы, очевидно, он бы так и сделал, чтобы не тревожить сердце, но нельзя бросать стол, где он – тамада. Что ж, жизнь покажет.

С этими мыслями он вошел в круг танцующих и на следующий танец пригласил Мадину. Городские девушки в то время не очень хорошо могли танцевать кафу, но Мадина вышла без излишних уговоров, как это иногда бывает, и Залим все ждал: может быть, она подарит ему тот самый взгляд, о котором когда-то говорил ему дада? Но Мадина почти не смотрела на него, хотя он знал, что танцует очень неплохо. Все с восторгом смотрели на эту красивую пару: он, высокий, статный, стройный, похожий на модного тогда певца, она – гибкая, среднего роста, грациозная, с глазами серны. Как в той песне о красавице, которую в детстве напевал дада.

Увидел Залим и Мадининых родителей. Мать – хорошо сохранившаяся женщина с тонким, аристократическим лицом и тяжелым узлом черных волос на затылке, отец – поседевший сухощавый интересный мужчина в дорогом костюме и туфлях из крокодиловой кожи, которых в магазинах, по определению, не бывает.

Ночью Залим не мог сомкнуть глаз, хотя свадебные хлопоты его изрядно утомили. Неужели он стал хъэщыкъ, безумно влюбленный, как когда-то Исмель? Закрыв глаза, он представлял Мадину, её глаза, её руки, её волосы. Через несколько месяцев она станет женой другого, тогда у него не будет ни единого шанса. Да, но есть эти несколько месяцев. И он будет действовать, он без боя не сдастся. А может быть, через несколько дней он забудет всё, что связано с Мадinou как сон, как утренний туман? С этой мыслью на рассвете Залим провалился в сон.

Прошла неделя, а Залим не только не забыл Мадину, но стал думать о ней даже на работе, даже в суете повседневных дел. Позвонила Марго, стала обижаться, что давно не заходил, но он даже думать ни о чем не мог, кроме девушки, которая так его зацепила. По сравнению с Мадinou, Марго – вульгарная, доступная особа. Это как изысканное дорогое вино и дешевый портвейн, как роскошная роза и одуванчик, растущий на обочине дороги. Залим ругал себя за дурные мысли о женщине, которая

привязалась к нему и не виновата перед ним ни в чем, более того, она выворачивается наизнанку, чтобы быть для него единственной и неповторимой. Но сердцу не прикажешь, а в сердце – только она, гордая и холодная красавица.

Через неделю он разыскал в городе Салима, который после окончания инженерно-строительного факультета работал в проектной конторе, куда его устроили на нетрудную и неплохо оплачиваемую работу. Салим ничуть не удивился, увидев друга, дело к обеду, можно в кафешку рядом сходить.

– Салим, – сказал Залим, – мне очень нужно встретиться с Мадиной. Прошу тебя, устрой мне эту встречу. Ну, придумай себе какой-нибудь там день рождения, повод какой-нибудь. Пригласи её и меня, а больше никого, понимаешь?

– Как ты это себе представляешь? Как ещё Светка на это посмотрит, она вообще Мадину уже считает почти замужней, и этот её жених, Эдик, не отходит от Мадины ни на шаг. Вдруг и он припрется? Не думаю, что Светка будет на твоей стороне. Но есть одна хорошая новость: Мадя не была у нас после свадьбы и хочет прийти посмотреть на нашу квартиру. Может быть, я тебе позвоню сразу, как она придет, и ты, типа нежданчиком, к нам завалишься? Честно говоря, я бы с такой, как Мадина, не связывался. Больно она сложная. Вот Светка – в доску своя, учились в параллельных классах, всё знаем друг о друге, мозги она выносить мне не станет. С ней легко и просто.

А еще с хорошим приданым, что для тебя немаловажно, подумал Залим.

Всю следующую неделю при каждом звонке Залим хватал трубку – не Салим ли? Он еле удержался, чтобы не позвонить самому, но в пятницу вечером друг всё же позвонил:

– С тебя подарок за хорошую весть. Мадина будет у нас завтра вечером, а Светке я сказал, что ты тоже хочешь с квартирой нас поздравить, и глупо два раза стол накрывать, к гостям готовиться, она и рада, а, может, догадывается о чём-то, так что давай, затягивай петлю у себя на шее, ждем.

Итак, через двадцать четыре часа он увидит Мадину, утонет в глубине её черных глаз, почувствует запах её волос. Залим в субботу уходит рано с работы, как никогда. Дома он придирчиво осматривает себя в зеркале: надеть галстук – очень официально, тенниску – простовато, наконец, останавливается на светлой рубашке с короткими рукавами и темных брюках, сидящих на нем идеально. Чуть хорошего одеколona на волосы, новые, неразношенные и потому неудобные туфли, и вперед. До столицы всего полчаса езды, и вот он с букетом цветов и чайным сервизом, который передала мать, узнав, что сын едет поздравить друга

с новосельем, входит в подъезд. Хозяева радушно встречают гостя, стол в гостиной накрыт без изысков, Светка не станет себя сильно утруждать, но, главное, Мадина нет.

Неужели не придет? Звонок в дверь вызывает у Залима такое сердцебиение, что он сам удивлен: неужели совсем не может держать себя в руках?

– А у нас уже гость, – щебечет в прихожей Светка. – Помнишь Залима, свидетеля моего мужа на свадьбе?

Мадина сегодня в совсем легком летнем светлом платьице с красными цветочками, талия ее подчеркнута узким красным пояском, такая же сумка и обувь по моде того времени. И снова Залим не может сделать глубокий вздох, от красоты девушки у него кружится голова, он здоровается с ней, как во сне. Пока Светка бежит на кухню, Салим усаживает гостей рядом на диван, спасибо тебе, друг. На Залима веет удивительным тонким ароматом ее духов, и он приходит в себя: если будет вести себя как ахмак, потеряет девушку навсегда. Как нежно звучит ее голос! Как она поправляет свои черные распущенные волосы! А как и весело, и одновременно сдержанно звучит ее смех! Всё в ней гармония, всё диво...

Салим ещё раз выручает. Зная об обширных познаниях друга в литературе, он выводит разговор на будущую профессию Мадина, подначивая её – а что такое литература, чтобы посвятить ей свою жизнь, сделать её своей профессией? Тут-то наступает время триумфа для Залима, который сыплет цитатами из поэзии Серебряного века. Анна Сергеевна, поклон тебе большой, ты еще раз оказала мне незаменимую помощь. Впервые Мадина смотрит на него заинтересованно. Милиционер читает наизусть Анненского? Салим, да и Светка тоже, нахваливают Залима, вспоминают школьные годы, когда в Залика были влюблены все девочки, а он ни на кого не обращал внимания, даже на саму Светку, королеву школы.

– Это потому, – шутит Залим, – что я уже догадывался о чувствах друга и не хотел переходить ему дорогу.

Уйди с дороги, таков закон, третий должен уйти.

Залим смотрит на Мадину долгим особым взглядом. Он знает, как важно установить зрительный контакт, но дело даже не в этом. Ему безумно хочется не отрываться от этой черной бездны. Вечер пролетает в мгновение ока, Мадина собирается домой. Залим вызывается проводить её, девушка некоторое время раздумывает – понравится ли это жениху. Вдруг кто-то увидит их, подумает не то, лучше вызвать такси. Но летний вечер так хорош, да и слава Анненскому, который сделал свое дело! Они медленно идут по городу, говорят о поэзии, о живописи, театре, ведь, бывая на институтских сессиях в Москве, Залим ходил и в Третьяковскую галерею, и в Пушкинский музей, и в театрах столицы

побывал, удалось посетить даже Большой театр, куда он достал билет у перекупщиков за немалые деньги.

Говорит больше он, она слушает, изредка вставляя точные, умные замечания.

Вот и ворота её дома. В свете уличного фонаря Мадина необыкновенно хороша. Её глаза сияют особым светом, от ходьбы на щеках появился нежный румянец, губы чуть полуоткрыты. На прощание, глядя ей в глаза, Залим предпринимает попытку решительного штурма:

– Со мной случилось большое несчастье. Я, кажется, влюбился в девушку, чье сердце занято... Она – не единственная, но она – особая. Я таких никогда прежде не встречал.

Пока Мадина растерянно молчит, он берет её руку в свою и припадает к внутренней стороне запястья горячими губами – жест, практически исключенный из черкесского ритуала ухаживания. Девушка вырывает руку и стремительно скрывается за калиткой.

Через несколько дней ноги опять несут его в университет, на факультет, где учится Мадина. Вдруг ему повезет, и он встретит её. Нашел расписание занятий, завтра она освобождается пораньше, в два часа. На следующий день, примерно зная её маршрут, медленным шагом идет в универ навстречу той, из-за которой он скоро сойдет с ума, если уже не сошел. И Бог снова на его стороне: вот она, идет как воплощение мечты, как самая желанная женщина, как Ева в садах Эдема, идет, болтает о чем-то с подругой, ни на кого не смотрит, а все смотрят на неё.

Поверила ли она в то, что эта встреча – нечаянная? Нечаянно встретились у Светы, нечаянно на улице, не слишком ли много совпадений? Но улыбается, знакомит с подругой, тоже очень красивой девушкой, Элиной.

– А что, девочки, не пойти ли нам в кафешку, не поесть ли мороженое? – спрашивает Залим. – Ведь небеса не зря устроили нам эту встречу.

Элина очень даже «за». До вечера ещё много времени, день жаркий, молодой человек симпатичный, даже красивый. Почему бы не посидеть часок где-нибудь на открытом воздухе? Никто не увидит ничего предосудительного в том, что две девушки едят мороженое в компании молодого человека. Мадина опять колеблется, но подруга смогла ее уговорить. В кафе Залим заказывает девушкам мороженое и фрукты, себе – бокал пива. И опять Залим на высоте, он шутит, иронизирует, мягко подтрунивает над предстоящей сессией, девушки смеются, всем хорошо и весело. Залим нарочно больше внимания уделяет Элине, смотрит ей в глаза, говорит больше с ней. Ох, эти уловки завязатого донжуана, вычитанные в популярной литературе, но, как ни странно, они работают, Мадина задета. Тот, кто недавно объяснялся ей в любви, с ходу увлекся её подругой.

Элина очень красива, но не слишком ли быстро Залим потерял к ней интерес? Правда, Элина – записная кокетка, она стала бы кокетничать, как говорили в старину, даже с кучером. Сейчас, нисколько не смущаясь, откровенно строит глазки Залиму, встряхивает волосами, которые так же, как у Мадины, распущены и лежат на плечах каштановыми волнами, часто смеётся, запрокидывая голову, хлопает ресницами, покусывает нижнюю губу, то есть всячески демонстрирует интерес к собеседнику. Ее совесть чиста: Мадина просватана, готовится к свадьбе, значит, в кафе их пригласили ради неё. Потом, Залим с Мадinou вроде в каких-то дальних родственных отношениях через её двоюродную сестру, а у черкесов даже отдаленное родство – табу на матримониальные отношения.

Они опять идут по улице, он в центре, девушки по бокам. У Мадины почему-то упало настроение, она чувствует себя третьей лишней, поэтому торопится проститься и уйти, её никто не останавливает. Впрочем, сразу после неё уйдет и Залим, сославшись на срочные дела и забыв попросить у девушки номер телефона.

Залим думает: что было сегодня, зацепил ли он девушку или, наоборот, вызвал негатив к себе? Он судорожно ищет решение многоуровневого уравнения, если он не решит его правильно, девушку, которую он уже любит, о которой мечтает почти месяц, уведут у него из-под носа.

Ночью Залим перебирает в памяти все детали встречи: в этот момент она посмотрела на него, в этот – немного отвернулась, в следующий поправила волосы. Он отдал бы многое за возможность запустить руку в эти густые шелковистые волосы, чтобы заструились они между пальцами, чтобы крепко, но не больно забрав их в руку, он приблизил к ней свое лицо и близко-близко заглянул в её черничные глаза.

Магия этой девушки не только в ослепительной красоте, она нежна так, как только может черкешенка. Из-за таких его предки совершали подвиги. Кроме того, у Мадины высокая самооценка, весьма заслуженная, оттуда – повышенное чувство собственного достоинства. А может, это его воображение так разыгралось? Ведь говорят, что любовь делает слепым и глухим, и всё, что делает объект любви, оценивается только превосходно.

Залим вспомнил шуточный рассказ о том, как деревенский парень влюбился в девушку, не блистающую воспитанием. Друзья стали ему выговаривать: что он в ней нашел? Красоты особой нет, танцует неважно, в разговоре не может блеснуть остроумием, и так далее, и тому подобное. Влюбленный слушал, но не слышал ничего. Так, в разговорах, а это был поздний вечер, парни поравнялись с домом, где проживала та самая девушка. Вдруг кто-то предложил заглянуть в окно и посмотреть, чем занята зазноба товарища, что они и сделали.

И точно, девушка стояла над кувшином со сметаной, куда периодически запускала руку по локоть, потом, вытащив, с жадностью эту руку облизывала, ловко двигая языком.

– Видишь, – спросили парни, – какая она?

– Еще бы, – ответил влюбленный с неподражаемой нежностью в голосе. – Как же красиво она это делает!

В Мадине сошлось всё: кроме красоты и нежности, достаток, в котором она выросла, сформировал у нее хороший вкус и возможность одеваться хорошо, образование, которое она получает, не ограничивает ее кругозор, а позволяет взглянуть на всё особым образом, соединяя мир материальный и чувственный. Это придает ей тот романтический флер, без которого женщина становится, будучи и умной, и красивой, неким инструментарием под названием «хорошая невестка», «хорошая жена», «хорошая мать». А ещё в ней есть одно качество, очень привлекающее Залима.

Обычно девочку в национальной семье воспитывают так, что у неё на лбу должно скоро, подобно невидимой татуировке, запечатлеться что-то вроде «и не думай», или «я не такая», а то, ещё того хуже, «оставь надежду всяк сюда смотрящий». Якобы именно это должна демонстрировать истинная черкешенка, поэтому ко многим девушкам просто страшно подступиться. Через некоторое время действительно исчезают достойные претенденты на руку и сердце, и часто такая девушка в итоге достаётся дураку, для которого визуальные шифры мало что значат, да и соизмерить свои желания и свои возможности для него – вещь весьма затруднительная, а то и невозможная. У Мадины такой печати нет, она как бы оценивающе говорит: если ты герой, я посмотрю. Но пока ты это не доказал, не подходи близко.

Любимый женский образ в литературе у Залима – Роза из «Маленького принца» Экзюпери. Маленький принц не сразу смог разобраться: а что есть истинная, внутренняя красота. И только Лис помогает ему понять её, разглядеть то, что красота лишь тогда настоящая, когда в ней есть смысл, наполненность, содержание. «Вы красивые, но пустые, – говорил Маленький принц земным розам. – Ради вас не захочешь умереть. Конечно, случайный прохожий, поглядев на мою розу, скажет, что она точно такая же, как вы. Но для меня она дороже всех вас...»

Если роза пуста внутри, при всей её внешней красоте она не может вызвать истинных чувств, она мертва и физиологична. А его Роза капризна и обидчива, и Маленький принц так с ней настрадался, так с ней измучился. Но «зато она была так прекрасна, что дух захватывало!», и поэтому он прощает цветку все его капризы.

Интересно, что о нём думает Мадина?

Теперь нужно исчезнуть из её жизни на какое-то время.

Следующая неделя у Залима была такой напряженной и занятой, что сделать это было не так трудно, как думалось вначале. В субботу он опять приехал в город, зная, что у Мадины началась сессия, и она сегодня сдает первый трудный экзамен. Подойдя к её дому и встав за дерево, росшее напротив, он стал ждать. После пяти часов, когда Залим совсем заждался, Мадина появилась на дороге. Она была одна, к счастью, издали он узнал её своеобразную походку, которую впоследствии кто-то назовет завлекающей, но Залим знает: Мадина не пытается кого-то завлечь, просто её женская энергетика существует по каким-то законам, не подчиняющимся ей.

И опять сердце ухнуло куда-то вниз. Говорят, истинно влюбленный робок и бессловесен. Какое счастье, что Залим научился держать себя в руках благодаря дедовскому воспитанию, благодаря генам своих предков, никогда и не перед кем не склонивших головы, а может, благодаря своей опасной профессии. Ведь ещё вчера он сумел разоружить пьяного дебошира с ружьем, загнавшего жену и маленьких детей в дом и угрожавшего расстрелять всех.

– Мадина!

Она оборачивается на свое имя, видит Залима, на её лице ничего нельзя прочесть.

– А что ты здесь делаешь? Элины здесь нет.

Ага, зацепило, думает Залим.

– А причем она?

– Только не притворяйся, что ты ничего к ней не испытываешь. А она уже устала про тебя спрашивать, где ты и почему больше не показываешься.

– Потому что я люблю другую. Но эта другая несвободна настолько, что я при подруге не могу показать интерес к ней.

Разговаривая, они отходят от дома – что, если увидят соседи или родители, – и оказываются на лавочке за магазином, где порой местные выпивохи «соображают на троих».

– Залим, у нас нет и не может быть будущего. День моей свадьбы уже назначен.

– Скажи мне, что ты любишь своего жениха, и ты никогда больше меня не увидишь.

В словах Залима, в его тоне звучит такая сила и такая убежденность, что Мадина понимает: это правда. Не отвечая, она встает со скамейки, наступает случайно на сухую веточку, которая ломается под ногой, и, если бы ее не подхватил Залим, она, скорее всего, упала бы. Но он успел помочь ей не упасть, его руки крепко обнимают Мадину, и он не торопится разжать эти объятия. Мгновение они стоят так, и его горячее дыхание обжигает её, как пламя костра, к которому ты нечаянно

приблизился так близко, что почувствовал весь его жар. Мадина делает движение, чтобы освободиться, и в тот же момент Залим, сделав над собой огромное, нечеловеческое усилие, отпускает её.

Что бы сделали в такой ситуации деда и прадеды Залима? Наверное, если бы они сидели на своем любимом коне, укрыли бы девушку буркой и помчались, как ветер, навстречу судьбе. Но сейчас другие времена. А Мадина уже скрылась за калиткой.

В воскресенье рано утром ему позвонили из отделения – срочно нужно к «химикам», там поножовщина. Залим привык к такого рода вызовам, он быстро собирается к приезду милицейской машины, десять минут, и вот она, ставшая его самой большой проблемой общага с подтеками на стенах, голым кирпичом, показавшимся местами. Во дворе – испуганные женщины, карета «скорой» тут же, врачи опередили.

Оказалось, три «химика», хорошо известных Залиму, «квасили» до рассвета, потом что-то там не поделили, и дело закончилось поножовщиной. Есть раненый, с ним сейчас врачи «скорой», а его обидчик храпит себе мирно в той же комнате. Так и есть, врач перевязывает пострадавшему, не отошедшему от алкогольных паров, руку (хорошо, что рана несерьезная, подумал Залим), а на другой кровати на куче тряпья, одетый, в ботинках, спит обидчик. Залим, поздоровавшись с сотрудниками «скорой», подходит к спящему и пытается его разбудить. Но тому, кажется, хоть пушкой выстрели над ухом, всё равно. Залим изо всех сил начинает его трясти. Дальнейшее происходит в одну секунду: приоткрыв глаза, спящий освобождает правую руку из-под подушки, делает резкое движение, и нож, как молния, входит Залиму в грудь. Последнее, о чём успеваешь он подумать, это то, что через двадцать дней у Мадины свадьба. Он её потерял.

Роза ДАХАЕВА

О себе

Родилась 22.03.1955 года в с. Байгакум, Чилийского района Кзыл-Ординской области Казахской ССР. В 1989 году переехала на историческую Родину в Чеченскую Республику.

Творчество, сопереживание, поиск смысла жизни, изучение развития способностей человека, работа в образовании и общественная деятельность переплелись в моей биографии.

Издан сборник стихов «Верю свету» (г. Москва, 2006 г.). Участница проекта «Дорога доблести и славы» – юбилейного сборника стихов и песен (2009). Куратор Международного фестиваля детского творчества в г. Москва (ВДНХ). Номинант литературных премий «Наследие 2016», «Поэт года 2016, 2018 гг.». Награждена дипломом «Золотая десятка Алматы» за участие в Международном поэтическом фестивале Всемирного Дня поэзии 2018 года. Награждена медалью Маяковского в номинации «Поэт года 2018». Включена в антологию русской поэзии 2019 года.

Поездка в Казахстан (август 2019), встреча в «Доме Дружбы» в городе Кызылорда, посещение исторических памятников моего родного края одухотворили меня к созданию цикла стихов «Рухани жамбыр – духовный дождь».

Член Совета литературной гостиной при национальной библиотеке Чеченской Республики. Активная участница различных творческих проектов Союза писателей ЧР.

Готовится к изданию сборник стихов «Путь к Свету».

Всем желаю мира и добра!

Я БОЮСЬ ОПОЗДАТЬ

Я боюсь опоздать.
Я боюсь не успеть
Слово Миру сказать,
Славу Богу воспеть,
Чтоб была чистота
Выше девственных гор,
И была красота –
Необъятный простор.
Чтобы словом могла
Я мосты проложить

Меж раздорами тьмы
Правду установить.
Чтобы светлая рать
В стане белых одежд
Всех умом побеждать
Научилась невежд.
И нельзя больше ждать,
Воин Мира зовет:
На земле Мир создать,
Пока Мир не умрет!

СВЕТ ОЗАРИТ ОКНО...

Свет озарит окно,
В доме станет теплей.
Видеть душой мне дано
Судьбы и беды людей.

Свет озарит мой дом,
С ним и мой мир в душе,
И голубым огнем
Звезды зажгутся во мгле.

То благодать Любви
Божеского огня,
Чтобы его другим
Я раздавать могла.

Жемчуга чистого нить
Бисером в наших сердцах,
Чтобы наш дух укрепить,
Верой оставит Аллах!

ПОМНИТЕ, ДЕТИ КАВКАЗА

Помните! Дети Кавказа,
Сорок четвертый тот год,
Сколько народов сразу
Под росчерк пера уйдет.

Гнезда свои оставляя,
Шагали по выступам бед

Люди сожженного края,
А им горы плакали вслед.

Призывала земля родная,
Ей сердца откликались в ответ.
«Другого не надо нам рая!»
Сыновья так скрепляли обет.

Ведь у каждого есть на свете
Пядь земли, всех других милей.
До сих пор возвращаются «дети
Из истории прошлых дней».

Но живя с этим грузом на сердце
За отцов, матерей дорогих,
Пожелайте всем место под солнцем,
Чтобы дней нам не видеть таких!

Боль утихнуть с годами может,
Срока давности в судьбах ведь нет.
Пусть пройдет даже тысячу лет:
А за что? Эта мысль все гложет,
Затмевая собой белый свет...

ПИШИ, ПОЭТ...

Пиши, поэт, дай волю струнам
Своей израненной души!
Пусть слово отзовется гулом
В утесах гор, в степи, в глуши!
Разбудит совесть человека
Твой письменный немой укор!
Пиши, поэт, ты – совесть века!
Так было с очень давних пор.
Перо и слог жгли сердце, разум,
и восставала вновь душа;
Хотелось правды вдруг и сразу,
Во имя мира и добра!

Пиши, поэт! Ты – совесть века!
Вернее, совесть – на века!

ПЕСНЮ ПОЭТА...

Песню поэта, живую, как яркое солнце,
Рождают из сердца Земля и Отчизна, и Мать;
Мой Казахстан! Твоя дочь непокорного горца,
И вдалеке будет часто тебя вспоминать!

Мой Казахстан! Перевидано в жизни немало:
В наших глазах еще прошлого отзвуки есть.
Мама малышкой в жуткой степи замерзала,
Юношей дада искал, что сестренке поесть.

Мой Казахстан! Твое доброе сердце спасало
Тысячи жизней, умирая, хранивших честь.
Время пришло, оттепель лет настала,
Даже в трагедии мирное зарево есть.

Мой Казахстан! Все добро от тебя я впитала;
Сердца простор и степную души благодать,
Но и Отчизна к кавказским горам призывала,
А без нее, прости, невозможно дышать.

Я не предаю свои чувства родительской дани,
Ад переживших, из пепла воскресших опять,
Знаю, они в час последний, как на закланьи,
Землю родную были готовы обнять.

Запах джиды и тепло самоварного жара
Будет везде меня ныне сопровождать.
Плеск Сыр-Дарьи и спокойная гладь каналов
В детство степное яркой дугой возвращать.

МОЙ ОТЧИЙ КРАЙ...

Родной Шатой!
Хочу порой,
Забыв о суете
Мирской,
Твоею чистой
Красотой
Я насладиться!

Мой отчий край!
Я здесь, с тобой,
И ты душе даешь покой,
Который, может быть, другим
И не приснится!

Всю прелесть этой красоты,
Чтоб выразить, слов не найти;
Скажите, всех ли, как меня,
Так тянет в отчие края?
Какой заряд в себе таят
Леса и горы, и земля!?

И обещаньями манят
Посылы в сердце мне даря...

Вершины жемчугом горят,
На них не остановишь взгляд.
Деревья: сплошь леса-леса,
О чем-то чистом говорят,
И их волнующий прибой
Тебя охватит вдруг волной,
Преподнося душе покой,
Неся целительский заряд,
Что только хочется молчать,
Их свежий вольный ветер пить,
На их наречьи говорить,
Хотела б я, но жизнь, увы,
Свои расставила посты...
И я тот воздух чистый пью,
Когда, пусть редко, иногда,
К любимым людям прихожу,
Тогда я чувствую себя,
Частицею священных гор,
Себя в себе здесь нахожу,
С душой своей тогда дружу.
И в сердце строятся слова:
Кавказ – ты, жизнь, ты – суть моя!

Лариса АБДУЛЛИНА

Лариса Хашимовна Абдуллина родилась 28 июля 1975 года в деревне Мякаш Давлекановского района Башкирской АССР. После окончания БашГУ работала в редакции республиканской молодёжной газеты «Йэшлек». В настоящее время работает заведующей отделом литературы и культуры газеты «Башкортостан». Член Союза писателей Республики Башкортостан (2006) и России (2008), член Союза журналистов Республики Башкортостан (2002) и России (2002). Лауреат государственной республиканской молодёжной премии имени Шайхзады Бабича (2008). Лауреат международного конкурса фестиваля «Интеллигентный сезон» в номинации «Детская поэзия», Сака (2015 год). Лауреат Международной премии организации тюркской культуры. Обладатель Гран-при Межрегионального поэтического фестиваля «Родники вдохновенья». Заслуженный работник культуры РБ.

***

Я ждала тебя, к тебе тянулась, –
Где ты был?
На западе, востоке?
Как араб к подножию Каабы,
Шла к тебе, тоскуя о Пророке.
Словно Зулейха своим Юсуфом,
Я была тобою одержима.
И в мечтах надеялась я смутно,
Что тебе мое приснится имя.
О тебе одном мои желанья,
О тебе шепчу в молитве каждой,
И Всевышний – знаю! – не осудит,
Что грешу неутоленной жаждой.
Вдохновенные рождает речи
Твое сердце, полное жемчужин.
Вождь придет! О том молва пророчит,
Ведь такой, как ты, башкирам нужен!
Мудростью с Бендебике сравнимых
Дочерей все меньше год от года.
Все же ты надежда женщин многих –
Ты один у нашего народа...
О тебе я небеса молила, –

Семь морей ты перешел без брода,
Но не мне одной ты нужен, милый,
Ты – надежда моего народа!

***

Про грусть в моих глазах – не говори,
В себе лекарство утаив от муки;
Про стан поникший мне не говори –
Я снова жить учусь, с тобой в разлуке.
Я небо вижу, словно в первый раз,
Любуясь синевой его упругой.
На вечеринку будто собралась,
Опять накосники плету я туго.
Я снова разговаривать учусь,
По имени тебя не называя,
И не краснеть стыдливо – я учусь,
Тебя случайно где-нибудь встречая.
Всё шло как надо, было всё прямым –
Пыталась жить, тебя не видя рядом,
Но всё развеялось, как лёгкий дым,
Всего лишь под твоим скользящим взглядом.
Распался мир на тысячи частей, –
Осколки только брызнули наружу.
Из них я имя соберу твоё,
Расколотую собирая душу.
Ей узнавать не стоило тебя,
Наивно-чистой, словно ветер в поле,
А всё казалось песнею сперва, –
Как вдруг в неё вонзились иглы боли.

ЛЮБЛЮ

Очень странным оказалось это слово...
В каждой клеточке пульсирует оно,
Полыхает жарким пламенем во взоре,
Тяжким вздохом губы опалив давно.
Все туманности Вселенной в этом слове,
Но само же слово целиком во мне.
Слово страшное, святое слово это,
Что живёт в души безмерной глубине.
Мне не вымолвить его, мне не озвучить –
Я в публичные герои не гожусь.

Без него же пустота, – не быть, не выжить,
От себя и от всего освобожусь.
Из себя вытягиваю это слово,
Словно звенья чётков изнутри тяну,
Усмирить его хочу в самой основе,
Но сама у чувства я томлюсь в плену.
Очень странным оказалось это слово...
Может, милость божью в звуке уловлю, –
Разве можно выжить без святого слова?
Я люблю тебя. Люблю тебя. Люблю...

Перевод с башкирского языка Мамеда Халилова

***

Среди багряно-желтого огня
Моя тропа начертана золой.
Мне надоело осень прогонять –
Она не распрощается со мной.
Давно пора! Ведь листья сорвало.
Ну, разве тот – на клене – уцелел.
Все то, что волновало и влекло,
Опало и пожухло на земле.
Все тише будни – птицы далеко.
Вернутся, что ж, зима – не на века.
Из-за каких, по сути, пустяков
С людьми порой случается тоска...
Покой сегодня, лишь покой – не грусть,
Любой поре – приверженность своя.
Ты потревожишь – просто улыбнусь,
Лишь улыбнусь тоске небытия...

***

Свою любовь, как маячок,
Повесила на грудь.
Когда уйду, о том молчок –
Сумей меня вернуть!
Найди меня!
Себя найди –
В том талисмানে,
В той любви,
Что у меня в груди.

Перевод с башкирского Светланы Чураевой

СОЛЬ-ИЛЕЦК

В каких краях, какой ценой
Сказаньем стала Тозтубе?¹ –
Окаменелую слезой
Народной в памяти-судьбе.
Башкира тучные холмы,
Степи казахской ковыли...
Сюда пришли по новой мы,
В привете сблизив две скулы...
За меру соли – смерть красна!
Так было на заре времён,
Как пресен распрей пустозвон,
А кровь – и ныне солона!..
Уральской улицей пройдушь,
Там речь-родня меня найдёт,
И всё равно, на сердце грусть:
Ты – как отрезанный ломоть.
Как бесприютный остров ты,
Где каменной скрижали – соль.
Я к ней прильну, и примут боль
Твою уральские хребты.
Простите!
Те, чей хрупкий след
Не обошла я стороной.
За столько лет здесь больше нет
Забытой пяди ни одной.
О, сокровенная земля,
Дай мне пройти ещё с версту,
Казаха-друга встречу я
На соляном твоём мосту.
И он промолвит: «Тозтэбе»²,
И я киваю головой,
И всё сияет белизной...
О, Соль-Илецк, привет тебе!
Чтоб неразлучно соль и хлеб
У нас гостили на столе,
И пусть проходят тыщи лет,
Но нашей дружбе быть в цене!

---

¹ Тозтубе – с башкирского – Соляная гора.

² Тузтэбе – то же – с казахского

Сторожевых костров её
Не гаснет пусть живая гроздь.
И я кидаю на смольё
Заговорённой соли горсть.
И зло развеет, разнесёт
По ветру прахом, наконец...
Храни же тюркский наш народ,
Преславный лекарь – Соль-Илецк!

«БАШКАВДИВИЗИЯ»

*78 бойцов прославленной 112-й Башкирской кавалерийской
дивизии удостоены звания Героя Советского Союза*

Не из волн морских просторных,
Не из марева долин,
Мимо заводей озёрных,
Из селений, как один,
Шли батыры эшелонам:
Первый... семьдесят седьмой...
По земле своей исконной
Из Истории самой,
Где на конях, против танков,
Самолётов-воронья,
Проливая кровь, в атаку
Шли на подвиг сыновья!
Лишь вперёд! –
К Победе только!..
Пал со ржаньем вороной,
Грудью встретивший осколки...
Жизнь – цена.
И нет другой.
Командиры... рядовые...
Смертью латаный мундир...
Нет, не верьте! Все – живые,
Смерть попрал Урал-батыр!
Поле битвы. Гул и пламя.
«Встань, боец, на зов страны,
Донеси святое знамя
До рейхстаговской стены!»
В Слове гордого Урала
Дух веков седых храним,

Всё, что вдруг оно связало,
Не развеется, как дым.
Семь да семьдесят... Не скоро
Путь героям лёг домой.
Семь да семьдесят просторов...
А в сердцах – тревоги бой!
Вот ещё батыр!.. Подпругу
Подтянул годин лихих...
Семь десятков лет подруги
Ждут возлюбленных родных...
Не из волн морских просторных,
Не из марева долин,
Мимо заводей озёрных,
Из селений, как один,
Шли мужи – перед державой
Ратный долг исполнить свой.
Ради жизни, – не для славы,
Без музыки полковой.
Канонады окрик грозный.
Злых пожарищ злая муть...
Скачут кони! Зреют звёзды...
В вечность войско держит путь!

СНЫ

Что наши сны?.. Двойную тайну
Не уместить в одной судьбе.
Когда же я скрывать устану
Мечты и думы о тебе?..
Вот у ворот мой странник вечный. –
Сон в руку: нет пути назад!..
Ты думал, вдруг я не замечу
В твоих глазах свои глаза?
Адам, столетье пролетело, –
Стою с водою ключевой...
И как водица не вскипела
От жара сердца моего?!
Мой мир – твой мир.
Тыходишь в сенцы.
Сияет свет в моём окне!..
В дому вздыхают полотенца –
Так долго ты спешил ко мне!

И вздрогнула дверная ручка, –
Твоя ладонь её нашла.
И луч пронзил над домом тучи,
И ветвь сухая ожила!
С усталых ног твоих портянки
Сниму сама я, будто мать.
Стучит в груди, как у беглянки,
Боюсь, что слов мне не сдержать.
О скольких битвах плеч сутулость
Расскажет, о какой войне?..
Я краем губ чуть ни коснулась
Неброской родинки твоей.
Разлуки нам сполна заплатят
Высокой – нежности ценой...
Мне захотелось вдруг заплакать,
Прильнув к груди твоей щекой.
Едва ты потянулся к косам
И лаской мой наполнил дом,
Раздался звон многоголосый –
Накосник сыпал серебром!..
Что сны твои?.. Где мой избранник, –
С кем нас сведёт одна судьба?..
Неужто вновь, мой вечный странник,
Рассвет настанет без тебя?..

Перевод Сергея Янаки

Бурхан БЕРБЕРОВ

Профессор, доктор филологических наук, публицист и литератор, Бурхан Абуюсуфович Берберов успешно занимается и драматургическим творчеством. По пьесе Берберова в Балкарском государственном театре имени Кайсына Кулиева поставили спектакль «Крик камня». За плодотворную творческую деятельность в редакции республиканской газеты «Заман» и высокий профессионализм Б. А. Берберов был награжден премией Правительства Кабардино-Балкарской Республики, а затем – Почетной грамотой Парламента Кабардино-Балкарской Республики за значительный вклад в развитие гуманитарных наук.

МЕЛОДИЯ СТАРОЙ ГАРМОНИ

Рассказ

Ранним утром в калитку Зурият постучали. Во двор вошел сельский почтальон Мажит и, приветствуя вышедшую на шум хозяйку, протянул ей синеватый почтовый бланк.

– Сестра моя, эта телеграмма пришла из Казахстана. Подписано – Фируза. Я, конечно, не знаю, кто она, но там сказано, что завтра приезжает сюда...

Не дослушав почтальона, Зурият выхватила у него телеграмму.

– Фируза?! Ты сказал – Фируза? О Аллах, значит – она жива! Бедный ребенок, она нашлась и теперь отыскала меня. Спасибо тебе, Мажит, пусть в твоей сумке всегда будут только хорошие вести. Нашлась, нашлась, – повторила женщина несколько раз, потом, закрыв лицо краем платка, заплакала.

Мажит, не зная, о чем речь, растерянно попросил:

– Не плачь, сестра, ведь ничего плохого не случилось... Кто она, эта Фируза? Кем тебе приходится?..

– Ты знал Бекболата, брата моего? – отвечала Зурият сквозь слезы. – У него был сын – Солтан. Сам Бекболат погиб в высылке, в Джамбуле. Пытался спасти людей, ехавших в бричке: лошади чего-то испугались и понесли, а он бросился им наперерез. Обезумевшие животные на всем скаку смяли его и затоптали копытами. – Зурият все больше удалялась в горестные воспоминания. – Вслед за тем, заболев тифом, умерли бедный Солтан и его жена. Так вот, Фируза – их дочь. Тогда она была совсем маленькой, и ее забрали с собой врачи, потому что оставлять было не

на кого. Заболела вся семья, все, от мала до велика. Разбросало нас, как листья одинокого дерева ураганом, все оказались в разных больницах. Кто выжил тогда, пытался найти девочку, но даже следов не нашли. Я сердцем чувствовала, что она жива, что рано или поздно найдется. Бедный ребенок, сиротка, теперь она, должно быть, совсем взрослая...

– Так разве это причина для слез? Слава Аллаху, в эпидемию выжила, теперь вот – сама отыскивала родных. Радоваться надо, – Мажит широко улыбался, – и отблагодарить меня за хорошую весть не забудьте. – С той же улыбкой на лице почтальон двинулся дальше по дороге, ведущей с уклоном вниз к центральной части села.

– Была бы жива-здоровая, а мы здесь такой праздник устроим! Самое почетное место – твое! – пообещала повеселевшая Зурият.

***

В честь приезда Фирузы позвали всех родственников и соседей. По обычаю, принесли в жертву барашка. Счастливая Зурият за праздничным столом посадила девушку рядом с собой, смотрела – не могла насмотреться. Обнимая одной рукой, приговаривала:

– Посмотрите, добрые люди, как она похожа на своего дедушку, моего бедного брата. Теперь-то я тебя никуда не отпущу! Вместе жить будем. Она привыкла жить в степи, пусть теперь привыкает к родным горам. К родовому гнезду у подножья Эльбруса, к этим щедрым пастбищам, к этим чистейшим рекам! Я сама, ног старых не пожалею, поведу тебя по родной земле, покажу ее красоты!..

Девушку, выросшую в пыльных казахстанских степях, удивляло в этом горном краю все: белоснежные вершины, упиравшиеся в небеса; бурные речные потоки; рассветы и закаты, совсем не такие, как на равнине; облака, напозавалившие на склон прямо у ее ног. Но понемногу она освоилась и в доме, и во дворе, и по хозяйству стала первой помощницей Зурият.

В один из дней, заполненных домашними делами, Зурият подошла к племяннице, взяла ее за руку и повела на другой конец села, чтобы показать подворье прадеда – остатки стен, поросшие травой, печаль и запустение.

– Дитя мое, здесь родились твой отец, твой дед и я. Здесь, запрокинув головы, мы смотрели в небо, пили воду из Кубани. Кто знает, может, даст Аллах, здесь снова затеплится жизнь, – в голосе Зурият звучала надежда, и девушка чувствовала, что это как-то связано с ней, с ее будущим. Они прошли дальше, выбрались за село и стали подниматься по довольно крутому склону. Наверху присели отдохнуть на теплом от солнца камне.

– Какой чистый воздух... – отдышавшись после подъема, продолжала Зурият. – Видишь, вон там, внизу, у края леса?.. Это наше древнее кладбище, там покоится прах наших предков...

Со стороны кладбища доносились звуки, странные в этом месте, звуки гармоники, приглушенные расстоянием. В воздухе поднималась печальная светлая мелодия, и ветер пытался отнести ее вниз, разбить на отдельные ноты, смести их в реку...

– Зурият, кто это может быть, там, видишь?

Вдалеке, под цветущим кизилковым деревом угадывалась фигура, по всему – женская. Кто-то, сидя под деревом, играл на гармонии.

– Оставь это, дитя мое. – Резкое движение руки выдало досаду Зурият. – Кому там еще быть. Несчастливая Ариужан гармошке своей покоя не дает.

– Но как красиво она играет. Гармошка, наверное, поврежденная, там точно недостает клавиш, а мелодия удивительно слаженная. Так может играть только настоящий музыкант. И потом, мелодия, от которой и камень может заплакать, рождается только в глубине сердца, страдающего и любящего...

– Похоже, ты и сама разбираешься в музыке.

– Да, я тоже немного играю на гармонике. Но кто, кто эта женщина? Мне бы хотелось увидеть ее поближе, познакомиться...

Зурият нахмурилась и покачала головой.

– Тебе лучше этого не делать...

Вместе со словами Зурият, то ли советом, то ли настоятельной просьбой, мелодия, как будто протестуя, резко оборвалась, а через какое-то время из-под кизилковой кроны вышла женщина, держа под мышкой издавшую виды гармонию. Ариужан, как назвала ее Зурият. Она была уже довольно пожилой, но двигалась легко, в каждом движении сохраняя молодую статью. В белом платке, в красном шелковом платье, Ариужан казалась похожей на невесту. Но, глядя на нее, девушка смутилась: что-то жалкое было во всем облике этой женщины. Нескрываемое отчаяние и обездоленность. Даже отсюда было видно, как изношен ее красивый наряд. Из-под платка торчали седые волосы, их безжалостно трепал ветер.

Несколько тощих овец и коз брели по тропинке за своей хозяйкой, а она, повернув в сторону села, дошла до крутого спуска и скоро скрылась из виду.

– Давай, дочка, и мы пойдем домой, – сказала Зурият. – Скоро стемнеет.

Когда они спустились по склону и уже шли по окраинной улице села, Фируза снова услышала знакомые звуки гармоники.

– Это дом Ариужан, – подтвердила Зурият ее догадку.

Девушка украдкой оглянулась, ее притягивала мелодия гармоники, хотелось войти в этот загадочный дом, однако, помня предостережение Зурият, она не решилась высказать ей свое желание.

Ночью ей приснилась мелодия Ариужан.

***

На другой день, отвлекаясь от обычных утренних забот, Зурият позвала к себе племянницу:

– Фируза, в этом пакете – свежие лакомые. Будь умницей, отнеси их Ариужан. Ты помнишь дорогу? Ничего объяснять не надо, просто положи пакет на камень во дворе. Сама увидит – заберет. У нас так принято, по-соседски. Сделай доброе дело.

Когда Фируза вошла во двор, первое, что увидела – вчерашних овечек и коз, сгрудившихся под деревом. Из дома доносилась все та же мелодия. Девушка несколько мгновений стояла, вслушиваясь в звуки гармонии, затем решила и шагнула внутрь. Звуки усилились. Ариужан одиноко сидела в комнате, склонив голову к мехам инструмента и закрыв глаза. На гармони действительно не хватало нескольких клавиш, но звуки, извлекаемые из нее, завораживали и окрыляли.

Фируза стояла на пороге и слушала, боясь лишний раз вздохнуть. А когда гармонистка, словно очнувшись от глубокого сна, открыла глаза и остановила на ней печальный взгляд, девушка поспешила объяснить:

– Ариужан, я принесла лакомые. Меня прислала Зурият...

Женщина какое-то время молча разглядывала незнакомку, затем спросила:

– Как тебя звать, дочь моя?

– Фируза. Я приехала из Казахстана, к Зурият... А можно мне дотронуться до этой гармонии?

– Конечно, девочка, возьми ее. А играть-то ты умеешь? Это единственная моя подруга, свет моих дней, золотая моя гармошка...

Фируза осторожно взяла в руки инструмент, приладилась к клавишам, и как только раздались первые звуки, глаза Ариужан засветились, удивление отразилось в стремительном взлете бровей. Она слушала мелодию, словно откровение, так внимают чудесным рассказам странников, так обретают, казалось бы, навсегда утерянное. Ариужан снова была молодой и красивой. В глазах стояли слезы.

– Дочь моя, где ты научилась так играть? Тебе кто-то показал эту мелодию? Где ты ее слышала? Она звучала еще во времена моих прапрадедов. – Ариужан привстала и крепко обняла девушку. – Спасибо, дорогая моя девочка, так похожая на мою дочь!

Фируза смущенно провела пальцами по клавишам.

– Сколько себя помню, эта мелодия всегда звучала в моей душе. Я не знаю, откуда она. А эта гармошка, Ариужан, как она к вам попала?

– От бабушки. Большого богатства у нее не было, единственная ценность – гармонь, и она досталась мне. А кому ее оставлю я...

Снаружи вдруг послышался стук в калитку, потом загремел недовольный голос Зурият:

– Фируза, сколько времени можно ходить?! Что ты там делаешь, в чужом доме? Вот ведь, не зря говорят: «Пошли ребенка по делу, а сам иди следом». Где ты, Фируза?..

Девушка сняла с плеча гармонь и торопливо протянула ее хозяйке.

– Ариужан, не обессудьте, мне пора: Зурият волнуется. А можно, я еще как-нибудь зайду?

– Конечно, приходи. Да не узнает твоя душа горя. Обязательно приходи. Порадовала ты меня сегодня, дай Аллах тебе долгих лет жизни, – говорила Ариужан, но гармонь забирать не спешила. – Одна только просьба: сыграй еще немного, пока до калитки будешь идти, а я, провожая, послушаю.

Фируза отказать не посмела, и они вышли из дома в сопровождении музыки. Зурият, поджидавшая племянницу на середине улицы, изменилась в лице. Подошла и негромко сказала:

– Быстро верни гармошку. Оставь в покое эту женщину, дочь моя.

Растерянная Фируза протянула гармошку Ариужан. Та взяла инструмент и сразу принялась играть, громко, с вызовом. Засмеялась, широко раскрывая беззубый рот.

– Это же дочь моя! Аллах мне прислал ее, она – души моей частица. Посмотри, как она на меня похожа!

– Несчастливая, как она может быть тебе дочерью, – досадовала Зурият. – Горы уже дрожат от твоего пиликанья и смеха. У несчастной и смех безрадостный.

Ариужан заиграла еще громче.

Зурият пошла в сторону своего дома, увлекая за собой племянницу и недовольно бормоча под нос: «Бедняжка, тебе говори – не говори, никакого толку...» Фирузу при этом почему-то разбирал смех, разумеется, тщательно скрывааемый. Музыка постепенно отдалялась.

Когда же обе они вернулись в свой двор, Зурият заперла калитку и подступила к девушке с расспросами.

– О чем говорила с тобой Ариужан?

– Ни о чем. Просто сказала, что я на нее похожа. И еще ей очень понравилось, как я играю.

– Ладно, если так. Знаешь, мы с тобой еще не сходили к проходу между скалами. Там очень красивый вид открывается. Готовься, в ближайшее время обязательно сходим.

Фируза согласно кивнула.

В это время над улицей снова поплыли звуки гармонии – мимо двора, в сторону гор. Это Ариужан гнала пастись домашнюю живность.

***

...В один из осенних дней в селе устроили праздник. Желтые листья на земле по утрам уже схватывала седая изморозь, с гор опускалась задум-

чивая предзимняя тишина. Но в тот вечер сельская площадь оживилась: смех и шутки молодых людей, танцы, игры, в которых каждый старался блеснуть ловкостью и остроумием. В небе висела огромная луна, лицо Ариужан в ее отблесках казалось еще красивее. Какой же праздник без ее гармонии! Пальцы гармонистки летали по клавишам, музыка кружила головы парням, девушки в танце были подобны величественным птицам, опустившимся на эту суровую землю по пути в неведомые края, где всем без исключения было обещано счастье.

К Ариужан в ее пылающем красном платье приблизился один из парней. Хлопая в ладоши, обернулся к сверстникам, захваченным танцем:

– Харс, харс!¹ – воодушевляя танцующих, восклицал он. – Брат праздника – харс, сестра песни – эжиу², а светлая гармонь Ариужан – звезда! Теперь – очередь Аслана и гармонистки!

Ариужан, не прерывая игры, вышла в круг. Аслан, вскинув руки в орлином размахе, едва касаясь ногами земли, полетел рядом с ней, гордо оглядывая собравшихся.

– Харс – влюбленным! – крикнул кто-то из зрителей.

Зурият, с улыбкой во все лицо и раскрасневшимися щеками, хлопала, не жалея ладошек. Бекболат, статный широкоплечий парень, хмуро наблюдавший за танцем, склонился к уху сестры и шепнул:

– Я тоже хочу станцевать с гармонисткой.

– У нее уже есть жених, так что – люби другую! – смеясь, ответила она.

Бекболат тоже усмехнулся.

– Плохо ты меня знаешь, сестричка...

Решительно войдя в круг, он что-то сказал Аслану и резко перехватил танец с Ариужан. Аслан вернулся к стоявшей за пределами этого круга Зурият и – что ему еще оставалось? – с жаром принялся отбивать ладони...

Не останавливаясь, не откладывая задуманного, Бекболат вскоре отправил к Ариужан сватов. Девушка было воспротивилась, но родители настояли на своем: «У парня стада и табуны – больше всех в округе! Только за него!». Скоро молодых соединили, только гармонь на свадьбе Ариужан молчала, к недоумению и досужим разговорам сельчан. Бекболат же от своих решений не отступал: «Гармонь свою оставь другим!». На вопрос, почему он так изменил свое отношение к ее игре, ответа Ариужан не получила.

***

Жизнь в доме мужа пошла установленным порядком, как воды реки, вошедшей в каменное русло и смирившейся с волей берегов. Но

---

¹ Харс – призыв к зрителям поддержать танцующих аплодисментами.

² Эжиу – припев.

однажды среди ночи в двери этого дома постучал табунщик Бекболата. Выйдя на стук, хозяин заметил, что ночной гость не только взволнован, но и ранен – повязка на руке намочена кровью.

– Что случилось, Хамит?

– Табун угнали... Не досмотрели, хозяин, виноваты...

– Об этом потом поговорим. Кто угнал?

– Не знаю...

В доме слышались беспокойные голоса, никто уже не спал. Бекболат поручил раненого табунщика домашним, накинул на себя бурку, надвинул на глаза черную лохматую папаху и, торопясь, начал седлать подведенного кем-то коня. На поясе его блестела рукоять кинжала, к седлу он приторочил ружье. «Сын мой, не бывает села без воровства, – Бекболата пыталась успокоить мать, вышедшая во двор с плотной шерстяной шалью на плечах. – И к хану, и к бию¹ приходит несчастье, не терзай так свою душу. Кто не может перенести своего горя, тот и счастья не сможет пережить. Дождись хотя бы утра...»

– Я знал, что он обязательно что-нибудь натворит. Ничего, далеко не уйдет, – кипел Бекболат, а мать продолжала увещевать:

– Где злость, там нет места разуму. Пока не узнаешь точно, ничего не предпринимай. Привяжи терпение к камню, а под терпением, не зря говорят, – золото. Сгоряча можно и ошибиться: горе и радость – близнецы.

– Догоню и выбью из них радость вместе с жизнью.

– У кого сильный кулак – одного врага одолеет, а у кого сильный ум – тысячу.

– Не волнуйся, я скоро вернусь. Они могут уйти через перевал за горы... – Бекболат вскочил на коня и галопом поскакал в сторону черных вершин, сливающихся с небом.

Мать грустно покачала головой.

– Разгневанный мужчина способен на все...

***

В горах уже лежал снег. Ущелья пронизывал обжигающий ветер. Бекболат замучил скакуна, рыская по горным дорогам в поисках пропавшего табуна. Заезжал в кошары, спрашивал чабанов. Никто не видел угнанных у него лошадей. Никто и разговора об этом не слышал. «Да не могли же они провалиться сквозь землю!» – кричал он на всю округу, в бешенстве стреляя в воздух, один среди белых скал, молчаливых, даже эхом не отзывающихся на его отчаяние. Ближе к перевалу скакун его стал вязнуть в глубоком снегу. Бурка покрылась коркой льда, башлык, обернутый вокруг головы, уже не спасал от ветра. Но кипела в груди месть, требуя немедленного выхода...

---

¹ Горский князь.

Только через несколько дней – ни с чем, в разорванной одежде, замучив и скакуна и себя, Бекболат вернулся домой. На мать и Ариужан, вышедших навстречу, даже не взглянул. Спешился и стал расседлывать коня. Похудевшее лицо заросло черной бородой, брови сведены в одну мрачную полосу.

– Сын мой, что с тобой?.. – не выдержала мать.

– Со мной ничего. А вот Аслан, собачий хвост, говорят, в селе больше не появлялся...

– Оставь ты его, оставь. Главное – жив-здоров, вернулся домой. Мы сами извелись в ожидании, в тревоге. Каких только слухов не было в селе. Чабаны говорили, что тебя будто в горах накрыло снежным обвалом. Другие – что тебя захватили конокрады...

– Как бы не так, даже если кто-то сильно этого желает! Пока жив мой Кушканат¹, я буду искать, горы переверну, но табун свой найду. И умножу его втрое, вдесятеро!.. Колесо все равно повернется, и верх будет внизу.

– Ну что теперь делать, что случилось – случилось. Не высекай из глаз молнии, сын мой, не делай так, чтобы гнев и безрассудство вызывали насмешки у людей. А кто съел чужое, тому на пользу не пойдет...

– Мама, как давит подпруга, знает только лошадь. Лишившись табуна, я лишусь и уважения людей. Не наказав за бесчестье вора, как буду односельчанам в глаза смотреть? – Бекболат снял тяжелое намокшее седло с Кушканата. – Отведите его в конюшню. Да корм не забудьте подбросить... – и, сдерживая не остывшую в нем ярость, пошел в дом.

Свекровь движением брови направила невестку следом. Ариужан поспешила за Бекболатом. Видя, в каком он состоянии, говорила тихо, ласково:

– Ты устал, поел бы чего-нибудь, у нас все готово. Поешь и отдохни с дороги.

Ответа не было. Ариужан в нерешительности стояла посреди комнаты, не зная, как подступиться к мужу. Затем отошла в сторонку, села в углу и снова какое-то время ждала его слов, хотя бы взгляда. Он сидел у очага и молча смотрел в огонь. Ариужан взяла с топчана гармонь и, желая хоть этим развеселить мужа, тихо стала наигрывать.

Бекболат дернулся и подскочил, как от выстрела.

– Какая у тебя сейчас радость?! Скажи, может, я еще не знаю? – Он подошел, навис над ней всем своим ростом. – Зачем и для кого ты играешь? Разве я не просил тебя оставить это пустое занятие? Чтоб тебя! – и короткой ногойской плетью с размаху ударил по гармонии.

---

¹ Кушканат – орлиное крыло (карач-балк).

Удар пришелся по растянутым мехам. Гармошка взвизгнула сразу на несколько голосов, в мехах появилась длинная пробоина. Ариужан оцепенела от страха.

– Мама, – только и смогла вымолвить.

Гармонь, выпав из ее рук, со стоном ударилась о половицу.

На шум прибежала мать Бекболата, за ней – Зурият.

– Что случилось?

– Уберите эту гармошку из дома! Глаза мои чтоб ее не видели! – кричал Бекболат, еще больше распаляясь. – Играет, никак не насытится...

– Ты бы сестры постеснялся, – пыталась успокоить его мать. – А моя невестка, ты же знаешь, в каком она положении. Ей нельзя волноваться.

– У нее есть свой дом. Пусть идет и занимается своими делами!

Ариужан с трудом сдерживала слезы. Но сказанного не вернешь. Крепко стиснув зубы, чтобы не расплакаться, она вышла из комнаты. Зурият, направляясь следом, на пороге все же остановилась и с горечью высказала брату:

– Бекболат, из-за своего табуна ты весь мир готов уничтожить. В гневе ты теряешь разум. Хочешь жизни ее лишить? Но она пришла сюда не для того, чтобы умереть, она пришла, чтобы жить – создать красивую семью, дать жизнь продолжателям твоего рода. И это ты привел ее сюда, сказав: «Сердце любит красивое». Если так – терпи. А то, что ты на нее замахнулся, все равно, что ударил, не забывай...

– Тебя тоже здесь никто не держит, – прервал сестру Бекболат, но мать вступилась за Зурият:

– Правильно говорит твоя сестра! Ариужан одной стороной – как луна, другой – как солнце. Почему ты с ней так поступаешь? Не дай упасть саже из дымохода на чистое молоко...

– А этот дом, напомним тебе, братик, такой же мой, как и твой, – сказала напоследок Зурият и вышла, хлопнув дверью.

Мать, перед тем как выйти, прихватила с собой израненную гармошку.

Бекболат даже не изменился в лице. Таким же хмурым и раздражительным он оставался и в последующие дни. В разговоры ни с кем не вступал. Иногда подходил к окну и подолгу смотрел в сторону гор, как будто ждал, что на склоне вот-вот появится его табун и, едва касаясь копытами земли, понесется ему навстречу. Склон в его воображении покрывался зеленой травой. Чистокровная кобылица на нем, склоняя шею, вылизывала только что родившегося жеребенка. Неподалеку резвился уже подросший молодняк. Бекболат и во сне не забывал повадок всех своих лошадей, он сам давал им имена. Любимца, со звездочкой на лбу, ласково называл «Чолпан»¹. В окружении этих благородных животных

¹ Чолпан – утренняя звезда.

он чувствовал себя сильным и уверенным. А что теперь? Только верный Кушканат остался с ним, стоит во дворе и бьет копытом в мерзлую землю. Он по-прежнему гордо держал голову, проведя с хозяином долгие, изматывающие дни в горах. «Настоящая порода проявляется на пределе сил, а в опасности только крепнет, – порадовался Бекболат, но тут же и поник. – Откуда быть табуну во дворе, где не бегает молодая поросль...»

***

Ранней весной село облетела тревожная весть. Аслан, прокравшись ночью к Ариужан, похитил ее и увез на своем скакуне в горы. В доме у Бекболата собрались соседи. На их участливые вопросы он ответил сдержанно: «Без ветра, говорят, ветви дерева не качаются. А сломанная арба превращается в дрова. В доме нарушен порядок, и теперь хоть плачь, хоть смейся, ничего не поможет». Несмотря на эти слова, несколько всадников вызвались помочь ему в поисках похищенной жены.

Что произошло с беглецами в горах, никто не узнал. Но на следующий день, к вечеру, мужчины вернулись с бесчувственной Ариужан на руках. Она то приходила в себя, то снова погружалась в забытие. По совету старших женщину отвезли в родительский дом.

Еще через день с гор спустили Аслана, завернутого в бурку. Он тоже был плох, лежал неподвижно, блуждая по сторонам безумным взглядом и никого не узнавая. «Аслана поразила молния», – сказали односельчанам те, кто его нашел. Однако, переодевая несчастного, обнаружили на его теле несколько глубоких ран – явно от ударов подкованных копыт. У Аслана отнялся язык, но веки не смыкались ни на минуту. Так, с широко раскрытыми глазами, он пролежал несколько дней. И тогда одна пожилая родственница Аслана сказала:

– Бедняга ни жить не может, ни умереть. Ему нужна Ариужан, и если она сама прийти не в состоянии, отправьте кого-нибудь к ней домой, пусть хотя бы платок ее принесут.

Тут же две женщины побежали к родителям Ариужан и вскоре вернулись с ее белым шелковым платком. Старушка взяла его и осторожно приблизила к глазам больного. Потом, развернув платок, накрыла Аслана. Напряженное тело как будто расслабилось, несчастный сомкнул глаза.

– Этот парень хотя бы обручился по закону? – спросил в наступившей тишине один из старейшин села.

Никто не ответил ему утвердительно.

– Без этого никак нельзя, – осуждающе покачал головой старик. – Обряд надо совершить как можно скорее.

В лунную ночь восемь мужчин, взяв с собой кое-что из вещей Аслана, пошли к кизилловому дереву, растущему рядом с кладбищем. К самой верхней ветке привязали белый платок Ариужан. Один из мужчин, представлявший сторону Аслана, в его бурке и лохматой чабанской папахе,

пританцовывая, приблизился к дереву. Семеро остальных образовали вокруг этой символической пары широкий круг, двигаясь то в одну, то в другую сторону, хлопая себе в ладоши. Одновременно, то поднимая руки вверх, то опуская их, запели хором:

*Дерево-кизил, дерево-кизил,
Девушка-краса, юноше дай сил.
Дерево-кизил, избавь от недуга,
Наслажденье дай, Сатанай подруга.*

*Дерево-кизил, дерево-кизил,
Золотистый мед ветви оросил.
Дерево-кизил, сыну в помощь горы,
К солнцу устремил каменные взоры.*

*Дерево-кизил, дерево-кизил,
Стрелами любви на лету сразил.
Дерево-кизил, ласточка на ветке,
Молодым сердцам вместе быть навеки.*

*Дерево-кизил, дерево-кизил,
Не забыть его, если сердцу мил.
Дерево-кизил, счастье будет с нами,
Землю одари щедрыми плодами.*

Старший из мужчин взял в руки деревянную чашу с медовой водой. «Да услышит наши просьбы Тейри¹ и благословит молодых!» – возгласил он и отпил из чаши. Затем, передавая чашу из рук в руки, из нее пили все остальные, строго соблюдая старшинство. Оставшейся водой побрызгали на кизиловое дерево и после этого развесили на ветвях башлык Аслана, его шапку, ремень, плетку и кинжал. Завершив обряд, мужчины уходили, пятясь назад, не поворачиваясь к кизилловому дереву спиной.

На рассвете Аслана похоронили.

А когда подошел положенный срок, Ариужан родила мальчика. Ему дали имя Солтан. Ребенка, с согласия матери и сестры, Бекболат забрал в свой дом. Ариужан никто не спросил, в это время ей было не до сына...

***

Утром, не вставая с постели, Зурият позвала к себе Фирузу, а когда девушка прибежала на зов, посадила рядом и взяла ее руки в свои.

– Дочь моя, что-то у меня с сердцем неладно, то притихнет, то прочь из груди рвется. Может, прошлое не дает ему покоя. Как вспомню все пережитое – сама себе кажусь сделанной из камня. Но и камень точит

¹ Тейри – верховный бог в древнем карачаево-балкарском пантеоне.

время, а человеческое тело и подавно. Я не боюсь, что умру, слава Аллаху, пожила немало. Мне посчастливилось вернуться в родные края, снова увидеть наши горы, подышать этим чистым воздухом, почтить могилы предков... – Зурият глубоко вздохнула, а Фируза обеспокоенно привстала.

– Я сейчас приведу доктора.

Зурият остановила ее движением руки.

– Доктора здесь не помогут. Сядь и выслушай меня. Я знаю, сердце мое успокоится, когда ты узнаешь все, а ты должна знать правду. Лучше об этом расскажу я, чем посторонние люди...

Фируза смотрела с недоумением, почти с испугом.

– Какую правду, Зурият?..

– Не перебивай, прошу... Все началось с того праздника. Мне тогда было, как тебе сейчас... Ариужан – моя ровесница... и еще... – каждое слово давалось Зурият с большим трудом, – ...она – твоя бабушка. Твоя настоящая бабушка... Воды, принеси, пожалуйста, воды.

Фируза бросилась исполнять ее просьбу. В тот же миг на улице заиграла гармошка. Зурият слабо улыбнулась.

– Там, где радость – Ариужан, там, где Ариужан – радость, – сказала девушке, вернувшейся с кружкой воды. Отпила несколько глотков и продолжала окрепшим голосом: – Музыка – одинаково дорогой гость и для молодых, и для старых. Эта гармошка перенесла жестокие морозы и солнечные ожоги, песчаные вьюги в степи и ливни в горах. Она уравнивает богача и бедняка, она возвышает человеческие сердца – единственная гармошка в нашей округе. В ее звуках – и мольба матери, и первые шаги ребенка...

В звуках гармонии за окнами дома женщинам слышался еще и приход утра, багровый закат, затмение луны, окончание жизни, свист ветра, страдания влюбленной девушки, безудержный бег табуна, капли дождя, течение реки, жужжание пчелы над цветком, пение утренних птиц, шорох крыльев стрекозы, волчий вой, осенний крик журавлей, шелест листьев, звон горной речушки в прохладной тени деревьев, хруст падающей сухой ветви, шепот песков, отчаяние волн, разбивающихся о скалы... Горестный и светлый мир.

– Зурият, дорогая! Значит, Ариужан – моя бабушка?

– Да, душа моя.

Звуки гармонии усилились, мелодия разливалась уже совсем рядом, во дворе. Фируза подошла к окну.

– Зурият, к нам пришла моя бабушка. Я выйду, позову ее в дом...

– Иди, умница моя, позови. Пусть она играет на радость, на счастье всем нам!

Фируза побежала навстречу звукам гармонии...

Перевод Л. Местича

Джабраил ТАЙСАЕВ

Джабраил Борисович Тайсаев родился в 1964 году в городе Нальчике. Будучи выпускником ХБФ КБГУ и высококлассным специалистом-биологом, достаточно неожиданно для окружающих защитил кандидатскую диссертацию по философии. Дж. Б. Тайсаев – заслуженный работник образования республики РСО-Алания, живёт и работает в столице КБР, он – доцент кафедры культурологии СКГИИ.

Редакция «ЛКБ» представляет своим читателям рассказы Джабраила Борисовича, считая, что оригинальность его мышления органично проявлена и в этих коротких произведениях.

АРГО-13

Погода была замечательная, жар ласково обжигал брюхо гиганта, там, где он касался раскалённого грунта. Радиоактивное излучение было не слишком жестким и лишь приятно покалывало щупальца. Кранк лежал на поверхности планеты уже много месяцев. Планета выглядела, как горн Гефеста, всю её поверхность, подобно капиллярам, пронизывала сеть расплавленной вулканической породы. То и дело вокруг били фонтаны из лавы и аммиачных гейзеров. В небе Касиди царил гигантский, практически белый лик спутника, он был настолько огромен, что казалось, вот-вот упадёт на эту планету.

Шаровидное тело касидянина, размером с крупный астероид, было покрыто адамантиевым панцирем. Кранк лениво расправил зелёный парус на спине и приподнялся. Ног у него не было, все кранкоиды передвигались с помощью реактивной тяги, создаваемой коловращательными адамантиевыми пластинами на брюхе. Тело у него было очень грузное, но одноклеточные симбионты-антигравитоны создавали необычайную лёгкость в аммиачной атмосфере планеты. Антигравитоны покрывали адамантиевый панцирь густой слизью, которая мерцала ядовито-зелёным светом. Парус почти бесшумно завибрировал, значит, скоро фотосинтез обеспечит его питанием, создавая необыкновенно приятное ощущение от разливающихся по всем внутренним лакунам углеводов. Рта у кранкоида не было, а воду ему заменял жидкий аммиак, который он получал из атмосферы посредством многочисленных волосков на теле, у основания которых были поры, всасывающие конденсат. Кроме того, эти ветвистые волоски

обеспечивали плавучесть в сверхплотной, почти жидкой атмосфере. Единственным органом чувств у этого существа были чувствительные усики, способные улавливать движение любых тел, обладающих массой, да и сами антигравитоны обладали особой чувствительностью, заменяя органы осязания.

У него противно зазудело основание заднего жгутика, он тут же вытянул его и, сильно изогнув, почесался. Однако вместо ожидаемого удовлетворения, почувствовал жгучую боль и сразу понял, в чём дело. Наверняка, это опять какая-то зараза, тут уже без дезинфекции не обойтись. В прошлый раз он не обратился сразу в ССТ, – Службу санитарной термоаннигиляции – и инфекция разрослась настолько, что он потерял заднее щупальце, его пришлось отращивать снова, а это так тяжело, когда даже не получается самостоятельно почесаться. Откуда взялась эта инфекция, никто не знал, ясно было только то, что она дроидного происхождения. Проклятые дроиды совсем вышли из повиновения и возомнили себя хозяевами планеты, наверняка, и этих био-механических козявок тоже создали они. Он как-то поймал одного паразита: внутри он был как живой, видимо, сделанный из органической протоплазмы, а снаружи был покрыт каким-то искусственным панцирем с прозрачным шаром сверху.

Э-э-э-х, вот раньше было время, когда не было никаких технологий, тогда ещё кранкоиды покидали стратосферную орбиту и опускались на поверхность Касиди только во время линьки, чтобы нарастить новый адамантий. А теперь подавай им вулканические ванны, пилинг панциря, наращивание антигравитонной оболочки и многое другое. Жили же прекрасно и без этого, в дроидах не нуждались. И вот теперь дроиды понемногу перестают в нас нуждаться, создавая проблему за проблемой. Не беда, ССТ лечит абсолютно всё. Он направился к ближайшей станции санитарной службы.

***

Ксенобиолог Карлсон сидел в исследовательской лаборатории космического челнока Арго-13. Он внимательно изучал Унипедию, которая транслировала многочисленные проекции планеты Касиди и одного из техногенных астероидов, на котором они «прилунились». В центре лаборатории голограммы сменяли одна другую. Карлсон о чём-то напряженно размышлял, и тут его осенила мысль, которая на первый взгляд показалась безумной, но чем больше он думал, тем отчётливее она вписывалась в логическую цепочку. Он помчался к командиру.

– Сэр, это не технопланетоид, это живой организм, я даже почти уверен, что он разумный.

Командир – Георгий Локов – посмотрел на него отсутствующим взглядом, сейчас его тревожили совсем другие проблемы.

– Сколько раз повторять, не называй меня сэр, для тебя я Георгий Юрьевич. Ну и что там у тебя? – не отрывая глаз от голограммной схемы адамантиевой шахты, спросил он.

– Всё сходится, я тысячу раз проверил. Его реакции на раздражители адекватные, что свидетельствует о наличии системы с обратной связью.

– Удивил, – иронично заметил Локов, – мы и так знаем, что какая-то автономная киберсистема управляет планетоидом. Видимо, эта планета когда-то была обитаема, она до сих пор наводнена роботами.

– Да нет, в том-то и дело, что реакции у планетоида адекватные, но не абсолютно адекватные, какими бы они были, будь это робот. Я уверен, что он живой.

– Ну, не знаю, ведь это не типичный робот, это система из планетоида, какого-то автономного киберустройства и этих гигантских червей с эластичным экзоскелетом... еще и это парусовидное растение, почему оно...

Карлсон запальчиво перебил его, от волнения забыв о субординации:

– Это не черви, это щупальца. И знаете, почему погибла экспедиция Арго-12? Эта тварь просто избавилась от них, как от назойливых эктопаразитов. Ведь мы же, как варвары: не наблюдаем, а рушим, режем, выжигаем.

Капитан, ответил спокойно, менторским тоном, как будто объяснял ребёнку:

– Мы вынуждены реагировать, когда эти гигантские черви атакуют наши шахты, нам приходится защищаться плазменными пушками, а адамантий, сам знаешь, это стратегический материал, самый прочный во Вселенной, к тому же на нём мы сможем выращивать культуры антигравитонов, это открывает небывалые перспективы. А сейчас судьба проекта «Золотое руно» по добыче адамантия под угрозой срыва...

Договорить он не успел, корабль дёрнулся, и они покатались по палубе, вместе с многочисленными приборами. Планетоид медленно, но с нарастающей скоростью, двинулся в путь.

***

Кранк наконец-то добрался до станции ССТ. Он спрятал нежные жгутики и парус под адамантиевый панцирь и лёг в блаженном предвкушении предстоящей стерилизации. Жаль только, новые гравитоны придётся отрачивать.

КОРОНА ВЕЛИКАНА

Это случилось не так давно в одной сказочной стране. Жили в ней замечательные и мужественные люди. Величественный народ населял огромный остров, в середине которого возвышались могучие горы, покрытые снежным воротником из облаков. С этих гор текли кристально

чистые реки, и мир казался первозданно чистым, казалось бы, жить да поживать в нём, но не тут-то было.

Страну называли Илионией. Там жил народ благородный, но задиристый, и не было в нем единства. Люди не могли жить в покое, каждый считал себя самым достойным. Страна была поделена на кланы, каждый клан признавал власть только своего лидера. И вот однажды всем это надоело, и было решено выбрать короля, чтобы в мир пришёл порядок и покой.

Народ собрался в огромном зале, больше напоминающем пещеру: даже гигантские колонны выглядели как сталактиты. Стены за тысячи лет покрылись толстым слоем известняка, только очень проницательный взгляд мог разглядеть их рукотворность... Эти величественные чертоги никому не принадлежали, неизвестно было – кто и когда его соорудил. Старики утверждали, что его построил легендарный Илион, основатель страны. Однако как он мог построить такой огромный зал, да ещё и из камней – каждый размером с дом – никто понять не мог.

Первым слово взял глава клана Мудрейших по имени Морем.

– Так дальше жить нельзя, когда-нибудь мы все друг друга поубиваем, каждый клан сам по себе, и каждый считает себя лучше других. Нам нужен король, которого будут слушаться все кланы. Мы – мудрейшие, и поэтому я думаю, что короля надо избрать из членов нашего клана.

– Что-о-о? – раздался возмущённый голос Илионида. – Я первый воин самого благородного рода, мы потомки легендарного Илиона, и не будем подчиняться всяким выскочкам, которые почему-то решили, что они мудрее других.

Илионид был не очень высок, но коренаст, ходили слухи, что он состоит в родстве с чёрными гномами, его могучая борода доходила ему почти до колен, но он был совсем не так стар.

– Да, – сказал Дауриан, самый заносчивый и гордый из клана Илдидонидов, – я единственный прямой потомок Илиона, и я должен быть королём! Был он довольно высок, неплохо владел мечом, поэтому народ предпочитал с ним не связываться. Лицо у него было сухое, орлиный нос с горбинкой, узкий и длинный подбородок, бесцветные губы на бледном лице и усики-ниточки, которые тянулись строго горизонтально, а с лица всё время не сходила ехидная усмешка.

В зале послышался ропот, Дауриана не любили даже в его собственном клане за заносчивость.

И тут в центр зала вышел Эрбрин, его уважали все кланы, он слыл самым могучим воином на острове и принадлежал к воинственному клану Мечников. Он величественно поднял руку в стальной перчатке и все сразу замолчали.

– Братья! Я нашёл выход: за Проклятой пустошью я обнаружил хижину древнего друида, по легенде он связан клятвой с нашим народом

и обязан исполнить одно желание. Он очень могущественный маг, и он нам подарит настоящего, достойного короля. Вы слышали наверняка легенду о маге Мальгрине.

Народ замер на мгновение и быстро сгрудился вокруг Эрбринна, все сразу увидели очень древнего старика, он был сморщенный, совершенно седой, покрытый гадкими бородавками, и сидел в кресле, как будто совершенно обессиленный, прикрыв веки.

– Кхе, кхе, – сказал друид.

– Чего? – кто задал вопрос, понять было невозможно, все ждали, вокруг стояла гробовая тишина.

Старик хриплым, дрожащим голосом повторил:

– Я говорю: кхе, кхе.

– Ну, и что это значит? – спросил Дауриан, даже не пытаясь скрыть брезгливую гримасу.

– Чего? А-а-а, горло, говорю, у меня пересохло.

Тут же к нему протянулись сразу несколько кружек с элем.

Старик по очереди выпил каждую одним глотком и снова уснул.

– Ты кого к нам привёл? – спросил Дауриан.

Эрбринн лишь озабоченно пожал плечами. Разочарованию народа не было предела, толпа зароптала, загудела, но тут старик зашевелился и неожиданно бодро встал.

– У-у-у-х, спасибо за добрый эль, – перед ними стоял уже не древний старец, а мужчина во цвете лет, голос его звучал солидно и даже величественно:

– Я должен вашему народу одно желание, я помню свои обещания и всегда их выполняю. Не моя вина, что никто из вас не обратился ко мне с просьбой. Загадывайте ваше желание.

Морем из клана Мудрейших молвил:

– Мы хотим выбрать короля, но только действительно достойнейшего из нас, и чтобы никто не мог ослушаться его воли.

– Вам нужен монарх, и вы не знаете, кого выбрать... Я могу сделать так, что вы легко сами увидите, кто из вас достойный, а кто нет, только как бы не было хуже.

Народ загалдел, слышны были возгласы: «Хуже точно не будет», «Выберем, а там как Боги пожелают», «Порядок должен быть, иначе перебьём друг друга».

Друид величественно поднял руку, при этом вид у него был настолько властный, что все тут же замолчали.

– Я связан обещанием. Ваш сородич, легендарный Илион, когда-то помог мне, и я поклялся ему исполнить волю его народа, при первой же просьбе. Илион спас меня от сонного заклятия. Я тогда спал в пещере гномов, уж не знаю, сколько лет, а он меня расколдовал с помощью живой воды. Я пообещал его наградить, он отказался, но мы, друиды, всегда

отдаём долги. Я сделаю так, что наиболее благородные будут самыми высокими и сразу станет ясно, кто более достоин! – И, не дождавшись согласия, он произнёс заклинание.

В это мгновение послышался гул, зал заволокло дымом.

Все замерли в тревожном ожидании... Вот дым рассеялся, люди начали озираться, разглядывая других и пытаясь осмотреть себя. К всеобщему удивлению, выросли лишь некоторые, большинство стало заметно ниже ростом. Отовсюду раздавались и радостные, восторженные крики, и плач, и вопли отчаяния. Но громче всех кричал Дауриан. Этот гордец, слывший благороднейшим, превратился не просто в маленького человека, а в карлика. И это был точно он, та же бородка чванливого аристократа, те же тоненькие усики-ниточки и та же косичка, торчащая из-под серебряного шишака, но вид у него стал совсем другой, совсем не величественный, как ещё минуту назад. Писклявый крик Даурина звучал весьма комично. И после минутного немого оцепенения весь зал дружно залился хохотом, даже те, кто заметно уменьшился, похихикивали сквозь всхлипывания.

Дауриан бросился на Мальгрину, но явно не рассчитал силы и упал, поскольку его знаменитый двуручный меч теперь волочился по земле. Зал снова наполнился громким и весёлым хохотом. Карлик яростно накинулся на друида, но тот небрежно повёл правой ладонью, и рыцарь завис в воздухе, отчаянно дрыгая коротенькими ножками, с несуразно огромными ступнями, веселя всех окружающих. Дауриан взмолился о пощаде:

– Уважаемый волшебник, я выдающийся представитель благороднейшего рода, это недоразумение.

Друид спокойно ответил:

– Моя магия не ошибается, каждый получил рост соответственно своему благородству, – и тут он вдруг сгорбился и тяжело рухнул в своё кресло. Его лицо перекосилось и вновь стало старым и неестественно сморщенным. Он махнул указательным пальцем, и в воздухе, в золотистой дымке появилась чёрная искрящаяся магическим светом корона, медленно опустившаяся в самый центр зала.

– Я смертельно устал, прощайте, а это корона Власти. Тому, кто наденет её, все будут беспрекословно подчиняться и считать его самым выдающимся из смертных. Только пусть корону наденет самый высокий из вас... – он явно не успел закончить свою речь и растаял в облаке чёрного тумана.

Все уставились на корону, которая выглядела скромно, даже не была золотой, просто из какого-то почти чёрного металла, без камней и украшений, но от неё исходило таинственное синеватое свечение. Никто не решался подойти к короне, все благоговейно расступились, глядя на неё, как на живого короля, с бесконечным почтением.

– Кто самый высокий? – раздался громовой голос Эрбрина.

Сэр Эрбрин и раньше был довольно высок, а сейчас стал значительно выше, гордо возвышаясь над всеми на целую голову.

– Корону Эрбрину! – раздалась крики. – Да здравствует великий Эрбрин!

И тут в самой глубине зала все заметили какое-то движение, народ стал расступаться, давая дорогу одному очень высокому человеку, которого почти никто не знал. Он был молод и хорошо сложен, на его лице отразилось смущение, и он не понимал, почему его выталкивают в центр зала. И вот он оказался рядом с Эрбрином, и оказалось, что он заметно выше даже его.

– Кто ты? – в голосе Эрбрина слышалось уважение и удивление одновременно.

– Я Ион, сын Гестальфа, который погиб в последнюю войну кланов, – тихо ответил юноша. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке.

Эрбрин склонил голову и преклонил колено перед юношей, и все тут же сделали то же самое, кроме Дауриана, который стоял ближе всех к короне и не отрывал от неё глаз. Дауриан быстро почувствовал внимание к себе и понял, чем ему грозит такое неуважение, и потому подобострастно произнёс:

– Я только хотел подать корону нашему королю Иону, – с этими словами он схватил корону и, опять не рассчитав свои новые скромные возможности, упал, но продолжал крепко держать ее в своих объятиях. Снова раздался смех, добродушно смеялся даже смущенный Ион. Дауриан протянул ему корону, и тут в его глазах блеснула злобная искра. И он резко надел корону себе на голову.

Народ ахнул, но все вдруг почувствовали какую-то силу, которая исходила от карлика. Он уже не казался таким маленьким и жалким. В его лице все увидели силу и умение повелевать. Как же они заблуждались, когда смеялись над этим великим человеком! Кто-то плюхнулся перед ним на колени, и сразу сотни последовали его примеру. И только два самых высоких – Ион и Эрбрин – удивлённо смотрели на всех.

Эрбрин, без тени гнева, неуверенно спросил:

– Разве это твоя корона, сэр Дауриан?

– Не сэр, а сир, не забывайся, я твой король, на колени.

Эрбрин нехотя, но без тени возмущения склонился перед новым королём. О том, что он узурпатор, не только не высочайший, а самый маленький из присутствующих, никто даже не подумал, а если и подумал, то не решился произнести. Тут и Ион последовал примеру Эрбрина.

– Да здравствует король!!! Слава величайшему из королей!

***

В стране наступили мрачные времена. Дауриан оказался жестоким тираном, он окружил себя толпой таких же карликов, маленьких и телом, и душой людей. Его окружение обложило огромной данью всё население, а сами они жили в роскоши и праздности. Множество раз рыцари приходили с делегацией к королю, чтобы пожаловаться на его приближенных. Он встречал их всегда приветливо и вежливо, внимательно выслушивал все жалобы. Обещал разобраться, но ничего так и не менялось. Однако никто и никогда не винил карлика во всех бедах.

Ион начал что-то понимать и пошел за советом в замок Эрбрина.

– Пока у карлика корона на голове, – сразу после короткого приветствия сказал Ион, – мы не в силах ничего с ним сделать, никто не сможет ничего сказать ему поперёк, настолько сильна власть короны, не зря нас предупреждал друид.

– Да, – только и сказал Эрбрин и после долгой паузы продолжил, – нам сможет помочь только Мальгрин, тебе надо пойти к нему. Не могу с тобой отправиться, завтра я должен быть у короля, а он не терпит неповиновения.

Ион кивнул, поскольку был немногословен. Он внимательно выслушал наставления Эрбрина по поводу дороги к волшебнику.

– Ты должен сначала держать путь к великому дереву Илиона. Ты легко узнаешь его, поскольку оно значительно больше всех остальных деревьев. В дупле ты найдёшь Сферу друидов, она тебе укажет путь. К тому же, без неё лес друидов тебя не пропустит. Только не забудь на обратном пути вернуть сферу обратно в дупло. Затем тебе предстоит пройти через лес друидов, заброшенную пустошь троллей и пещеру гномов.

Герой, недолго думая, отправился в путь. И вот он подошел к величайшему дереву их страны. Казалось, что его ветви закрывали полнеба.

Древо Илиона тревожно зашевелилось, когда он вытаскивал сферу из дупла. Камень светился в темноте голубым, и деревья буквально расступались в его лучах, открывая проход в чаще. Несколько раз он был на волосок от смерти, но удача не покидала его, да и силы и отваги ему было не занимать.

И вот он дошёл до странного жилища друида. Это был маленький перекошенный домик, полностью поросший мхом, находящийся в самом сердце леса. Ион открыл дверь и сразу увидел спящего старика. Разбудить его он так и не смог. И потому достал кожаный мешок с элем и начал заливать напиток ему в глотку, пока тот не вскочил, отплёвываясь. И тут же, видимо, окончательно проснувшись, выхватил у него бурдюк и несколькими глотками выпил содержимое.

– Кхе, кхе, – кашлянул друид, весело подмигнув герою. – Я знаю всё, я знал это с самого начала.

Ион возмущённо воскликнул:

– Так зачем же тогда...

– Да ладно, – перебил его друид, – можно подумать, вы бы меня послушались, нашли бы другого чародея или ещё кого-нибудь. От судьбы не уйдёшь.

– Так что же нам делать теперь? Вы снимете заклинание с короны Власти?

И тут раздался такой раскат громового смеха, что Ион даже засомневался в умственной состоятельности друида, но тут Мальгрин, еле сдерживая смех, произнёс:

– Наивный юноша, кхе, кхе. Ты что, действительно думаешь, что дело в короне?

– Ну да, она ведь волшебная.

– Ага, конечно, волшебная, её гномы выковали по моему заказу. Нет там никакой магии – это просто железяка и всё.

– Как железяка, но ведь все...

– Дураки все, кхе, кхе...

– То есть ты утверждаешь, что...

– Ничего я не утверждаю, всё ты уже давно понял, нет там никакой магии, просто сила внушения. А вот ваш рост, это не обман, это реальное волшебство.

– Так что же, выходит, мы все как глупые тролли...

– Вот, вот... кхе, кхе, – друид не мог удержаться от очередного приступа хохота.

– А как же нам быть, как разрушить несуществующее очарование короны?

– Никто, кроме вас, не сможет победить себя. Вы просто должны убить в себе рабов.

– Но как это сделать?

– Надо научиться видеть в человеке только человека, а корону просто не замечать. Вот ты, например, пришёл ко мне, значит, способен пойти против воли короны Власти. Даже благородный Эрбрин не смог преодолеть эту волю, иначе пошёл бы с тобой. Так что всё в ваших руках, надо только сильно захотеть.

– Мессир Мальгрин, а кто же я, почему я оказался выше всех?

Друид уже начал засыпать и пробурчал сквозь сон:

– Ты, кхм, ты-ы-ы-ы, кхм, ты единственный прямой потомок Илиона... кхм... хр... хр.

– Откуда вы это знаете?

Мальгрин, из последних сил, прогоняя сон, еле ворочая языком, произнёс:

– Я знал Илиона, ты на него похож, и сила от тебя исходит такая же, мы, друиды, не ошибаемся, мы чувствуем.

– Не может быть, Илион жил несколько тысяч лет назад! – при этом Ион в спешке протянул ему остатки эля, чтобы тот не заснул раньше времени. Друид допил остатки и вновь заметно приободрился.

– Да, много веков пролетело, но я уже тогда был немолод. И я всегда плачу свои долги.

Ион вышел, со злостью хлопнув дверью, подумав про себя: «Лучше бы ты не помнил свои долги, старый мухомор».

Старик с грустью посмотрел вслед уходящему юноше: «Неужели я ошибся? Первый раз в своей жизни ошибся. Я уже слишком стар». И тут сон уже окончательно сморил его.

Юноша не пожалел, что ходил к друиду, он узнал всё, что ему было нужно. Он великий потомок Илиона, а корона – это только символ, ему ничего не стоит просто взять этот символ и стать великим королём, и он им будет по праву.

Ион брёл, нахмутив брови, размышляя о словах друида, а когда увидел дерево Илиона, то решил не возвращать сферу Друидов в дупло. Лучше он украсит им свою корону. Но не успел Ион пройти мимо, как упал, споткнувшись о корни. Странно, он был уверен, что никаких корней здесь не было. И вдруг дерево схватило его ветками, и сфера выпала у него из рук, а затем и сам он полетел, больно ударившись оземь.

– Ну и ладно, забирай свою сферу, не очень-то она мне нужна, – сказал он неожиданно писклявым голоском. А когда он подошёл к пруду, чтобы умыться, то вдруг заметил, как его рост стал уменьшаться! Ион вздрогнул от неожиданности, испугался было, но тут вдруг представил своё величие в короне всевластия и успокоился. Герой уже не сомневался, что корона будет его. Он просто снимет её с узурпатора и наденет на себя. Народ признает его, как прямого потомка Илиона.

***

В зал уверенным шагом зашёл карлик и так же уверенно отобрал у другого лилипута его корону. Они не так долго возились, перетягивая кусок железа, Ион победил, чего, действительно, никто и не заметил.

САРИЕТ ШУМАФОВНА АУТЛЕВА (1920–1999) – известный фольклорист, яркий представитель поколения советских ученых, которые пришли в науку в 60-годы XX века.

Родилась в ауле Понежукай Теучежского района Адыгейской автономной области, в семье обедневшего дворянина Ш. А. Хабахумова.

В девять лет поступила в Понежукаевскую неполную среднюю школу. Интересом к учебе была обязана отцу, который побуждал хорошо учиться, много знать. С отличием окончив школу в 1936 году, С. Аутлева поступила в педагогический техникум в Краснодаре.

С 1949 по 1951 гг. прошла курс обучения английскому языку. В течение 1952 года преподавала английский язык в женской средней школе № 19 г. Майкопа.

В этом же году поступила заочно в Кабардинский пединститут, в сентябре 1953 года – в Адыгейский пединститут. С отличием окончив его, устроилась переводчицей на работу в редакцию газеты «Социалистическая Адыгея». Через год поступила в аспирантуру при Тбилисском университете, в 1960 году окончила ее, сдала кандидатский минимум и вернулась домой.

С. Аутлева с 1967 по 1977 годы работала в Кабардино-Балкарском научно-исследовательском институте, получив возможность изучения фольклорных фондов научных архивов обоих институтов, что в известной мере определило направление ее исследований.

В перечень проблем, которые решались представителями научной школы того времени, входила фиксация произведений черкесского фольклора в разных районах проживания адыгов: Адыгее, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. Архивы Адыгейского и Кабардино-Балкарского научно-исследовательских институтов хранят многие сотни страниц произведений адыгского фольклора, зафиксированные Сарием Шумафовой.

С. Аутлева одна из первых обратилась к изучению бытования фольклора черкесов в новых условиях и посвятила этой проблеме ряд статей: «Собирание, публикация и изучение адыгского советского фольклора», «Публикация и изучение фольклора адыгов (адыгейцев, кабардинцев, черкесов)», «Некоторые вопросы развития кабардинского советского фольклора», «Жемчужина народная», «О книге «Адыгский фольклор»

С. Ш. Аутлева

*Шумаф Асламбекович Хабахумов
и Кутас Асланбековна Чесебиева,
родители С. Ш. Аутлевой*

и др. В этих статьях впервые с исчерпывающей полнотой охарактеризовано бытование адыгского фольклора XX века в Адыгее и КБР.

Своеобразный итог этого направления научной работы С. Аутлева подвела в составленной ею антологии «Адыгейский советский фольклор». Антологию предваряет основательная вводная статья. В книгу включены тексты, извлеченные из различных

публикаций 20–30-х годов рукописного фонда Адыгейского научно-исследовательского института, а также собственные записи исследователя, сделанные в Адыгее, Карачаево-Черкесии, причерноморской Шапсугии.

Из большого числа песенных текстов С. Аутлева отобрала произведения, наиболее выразительные по тематике, отличающиеся высоким уровнем художественного мастерства.

Уже в начале профессиональной деятельности главным научным направлением исследователя становится изучение черкесских историко-героических песен. В 1973 году была издана монография «Адыгские историко-героические песни XVI–XIX веков», которой было посвящено свыше десяти лет кропотливых творческих исканий и трудов Сариевны Шумафовой. Фундаментальная научная работа, состоящая из введения и трех глав, содержит цельную характеристику произведений одного из ведущих жанров адыгского фольклора. В обширном введении представлен обзор истории освещаемой темы. Автор представляет независимую оценку записей историко-героических песен, принадлежащих большому числу европейских, русских и адыгских ученых: Ф. Дюбуа де Монпере, Л. Люлье, А. Берже, Ж. Беллю, Н. Дубровину, Л. Лопатинскому, С. Хан-Гирею, Ш. Ногмову, П. Тамбиеву, Т. Кашежеву. Автор анализирует особенности записей историко-героических песен, сделанных в КБР в 30–50-х годах М. Е. Талпой, З. П. Кардангушевым, А. Т. Шортановым, в Адыгее – Т. Керашевым, Д. Ашхамафом, А. Парануком, Ю. Тлестеном, А. Хатковым, И. Цеем.

Характерной особенностью песен о Кавказской войне является их лиризм и повышенная эмоциональность, которые можно отметить при

сравнении с Нартским эпосом и более ранними историко-героическими песнями. Другой особенностью этого цикла песен автор отмечает усиление исламских мотивов, так как война с царизмом народом воспринималась в том числе и как священная. Цикл историко-героических песен представляет собой некую художественную панораму Кавказской войны, которая широко повествует о борьбе черкесов с колониализмом и царизмом.

С. Ш. Аутлева беседует со 129-летней шапсугской сказительницей Цицой Хугит. Фольклорная экспедиция в черноморскую Шапсугию, 1969 год

Важнейшей особенностью научного анализа ученого становится умение раскрыть эволюцию генезиса и становления жанров, в тесной связи с историко-социальным событийным рядом. В частности, С. Аутлева прослеживает динамику развития историко-героического эпоса адыгов XVIII и XIX веков, формирование его разновидностей, из которых она различает эпические, лиро-драматические и элегические.

Автор акцентирует внимание на махаджирском фольклоре, который непосредственно отражает переселение черкесов в Турцию. Он отличается тем, что лишен героического начала, политической остроты. По мнению ученого, такой подход неспецифичен, так как исторической фольклорной поэзии адыгов в целом присущ оптимистический, жизнеутверждающий дух, тогда как в песенно-прозаических произведениях о депортации отражен физический и душевный надлом народа, лишившегося родины. Песни этой тематики автор относит к элегическому жанру.

Фундаментальный научный труд С. Ш. Аутлевой был посвящен важной теме, которая впервые была исследована и классифицирована, получив высокую оценку ученых-коллег.

В своем позднем творчестве С. Ш. Аутлева лишь меняет ракурс научного интереса по отношению к историко-героическому жанру и занимается исследованием историко-героической поэзии. Этот период работы был ознаменован выходом аналитической одноименной публикации «Историко-героическая поэзия». Одним из ее важных компонентов являются тезисы научной работы «Жанровый состав адыгского фольклора», которая

Фольклорная экспедиция. Аул Егерухай, 1961 год

на сегодняшний день считается утерянной. В частности, исследователь полагает, что исторические песни неоднородны и складываются из разных типов произведений, которые можно разделить на *собственно исторические плачи (гъыбзэхэр), исторические баллады, героические баллады, походные и абрецкие песни.*

К первой категории относятся песни, отражающие серьезные исторические катаклизмы, главным участником которых является народ, а также песни, героями которых выступают известные исторические деятели, повлиявшие на народные судьбы.

Исторические баллады посвящены внешнеполитическим событиям, в центре которых – судьбы людей, тесно связанных с ними.

Героические баллады отражают внутреннюю жизнь черкесов периода средневековья и феодализма. Песни этого цикла отличает наиболее развитый, цельный сюжет, эпический стиль повествования.

Походные и абрецкие песни раскрывают специфику социально-экономических условий жизни черкесов разных исторических этапов.

В 2018 году вышел сборник «Избранные труды», подготовленный внуком С. Ш. Аутлевой, известным писателем Джамбулатом Кошубаевым к 100-летию со дня ее рождения.

Первую часть составила монография «Адыгские историко-героические песни XVI–XIX веков», состоящая из введения и трех глав (см. выше).

В книгу вошли научные статьи С. Ш. Аутлевой, написанные с 1962 по 1980 годы, в частности «Особенности художественной обработки сказок в современной адыгской поэзии», «Традиции и общественные функции адыгских историко-героических песен», «О книге «Из поэтического наследия адыгов» («О сагишах и древних причитаниях»), «Сходное и различное в сказаниях о нартах и историко-героических песнях адыгских народов», «Собирание, публикация и изучение адыгского советского фольклора». Они посвящены разным аспектам национальной фольклористики.

Две статьи посвящены фольклорным экспедициям: «У истоков преданий. Фольклорно-музыкальная экспедиция в Адыгею и причерноморскую Шапсугию» и «Фольклорная экспедиция в район Моздока и Малой Кабарды».

Вторую главу составили также рецензии, отзывы: «Нужная книга» (об «Очерках истории кабардинской литературы»), «Адыгский нартский эпос» (об одноименной монографии А. И. Алиевой). Сюда же вошла одна из наиболее интересных публикаций 80-х годов «Историко-героическая поэзия» (см. выше). Основная часть фольклорных текстов была опубликована впервые.

В «Приложение» включены воспоминания о жизни и деятельности С. Ш. Аутлевой, представленные ее коллегами, друзьями, родственниками, часть материала взята из личного архива ученого.

По словам известного фольклориста А. И. Алиевой, имя «Сариет Шумафовны Аутлевой было бы справедливо внести золотыми буквами в историю адыгской фольклористики».

Сочинения

1. Адыгские историко-героические песни XXVI-XIX веков. Майкоп, 1973.
2. К вопросу о собирании и изучении адыгских пословиц // Дружба. № 12. 1962.
3. Особенности художественной обработки сказок в современной адыгейской поэзии // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института. Майкоп, 1964. Т. 111.
4. Традиции и общественные функции адыгских исторических песен // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института. Майкоп, 1964. Т. 111.
5. Фольклор // Культура и быт колхозного крестьянства в Адыгейской автономной области. М.-Л.: Наука, 1964.
6. О книге «Адыгейский фольклор» // Кабардино-Балкарская правда, 1965. 24 августа.
7. Из поэтического наследия адыгов (О сагишах и древних причитаниях) // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1967. Вып. XXIV.
8. Адыгэ советскэ 1оры1уатхэр (Адыгейский советский фольклор): Антология / Вст. ст. и сост. С. Ш. Аутлева. Майкоп, 1968 (на адыг. языке).
9. Идеино-художественные особенности адыгских историко-героических народных песен // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института. Майкоп, 1968. Т. VII.
10. Сходное и различное в сказаниях о нартах и историко-героических песнях адыгских народов // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М., 1969.
11. У истоков преданий. // Кабардино-Балкарская правда. 1969. 24 октября.
12. Нужная книга // Кабардино-Балкарская правда. 1969. 11 мая.

13. Фольклорная экспедиция в район Моздока и Малой Кабарды // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1970. Вып.3.

14. Собираание, публикация и изучение адыгского советского фольклора // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1970. Вып. 3.

15. Некоторые вопросы развития кабардинского советского фольклора // Материалы юбилейной научной сессии, посвященной 50-летию Советской автономии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971.

16. Адыгский нартский эпос. // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1972. Вып. 5.

17. Адыгские историко-героические песни XVI–XIX веков. Нальчик, 1973.

18. Публикация и изучение фольклора адыгов (адыгейцев, кабардинцев, черкесов) // Материалы конференции, посвященной итогам и проблемам изучения народного творчества автономных республик (областей) РСФСР. Л., 1975.

19. Жемчужина народная // Кабардино-Балкарская правда, 1967. 14 апреля.

20. Историко-героическая поэзия // Адыгский фольклор. В двух книгах. Майкоп, 1980. Кн. 11.

21. Нальчик-Москва-Берлин // Боевая слава Кабардино-Балкарии. В 6-ти книгах. Нальчик, 1980. Кн. 4.

22. Гвардии старший сержант // Боевая слава Кабардино-Балкарии. В 6-ти книгах. Нальчик, 1980. Кн. 4.

23. Аутлева С. Ш. Избранные труды. Нальчик, 2018.

Литература

1. Алиева А. И. Вместо предисловия. // Избранные труды. Нальчик, 2018. С. 5–16.

2. Кучмезова М. Ч. Вспоминаю с любовью и благодарностью // Избранные труды. Нальчик, 2018. С. 564–567.

3. Гутов А. М. Уроки и примеры. // Избранные труды. Нальчик, 2018. С. 567–571.

4. Приложение (материалы к биографии С. Ш. Аутлевой) // Избранные труды. Нальчик, 2018. С. 481–611.

Материал подготовила Мадина Хакуашева

Казбек СУЛТАНОВ,
доктор филологических наук, профессор,
зав. отделом литератур народов РФ и СНГ
Института мировой литературы РАН,
лауреат Государственной премии Республики Дагестан

САМОДОСТАТОЧНОСТЬ МНОГООБРАЗИЯ ИЛИ ДИАЛОГ РАЗЛИЧИЙ?

(В поисках новой модели межлитературного
и межкультурного взаимодействия)

В отечественном дискурсе популярна метафора «цивилизационного бульона» применительно к постсоветскому пространству. Одна из возможных расшифровок все еще кипящего «бульона» видится такой: мы пребываем в транзите между девальвированной «дружбой народов» или советским мультикультурным проектом, обанкротившимся по причине идеологической передозировки, и возможным переоткрытием в новых условиях, в ситуации нарастающей культурной диверсификации онтологического принципа межкультурного взаимодействия.

Стоит напомнить, что развенчание «дружбы народов», однозначно воспринятой как идеологический конструкт, обернулось выпадением из дискурсивной практики самого концепта «единство многообразия», издавна присутствовавшего в мировом гуманитарном знании от Платона («единое множественно» и «многое едино» – из диалога «Парменид»¹) до Вильгельма фон Гумбольдта с его «многообразием и единством»² и Иммануила Канта, размышлявшего «о том способе, каким разум должен сочетать величайшее многообразие в порождениях с величайшим единством происхождения»³.

Если вспомнить классические определения «concordia discors» (единство несходного), «e pluribus unum» (единое из многого), то они не предполагали недооценку или отказ от фактора самобытности и различия, но отсылали к тому, что несходное, оставаясь несходным, тяготеет в силу внутренне мотивированного развития к единству – назовите его надэтническим уровнем, сферой культурных универсалий или пространством «мировой литературы».

Сегодня ссылки на диалог стали неизменным атрибутом культурной рефлексии, но чаще всего он предстает в аксиоматической роли культурного трюизма, риторической фигуры или, как выразился философ

¹ Платон. 1970. С. 407.

² Гумбольдт. 1985. С. 373.

³ Кант. 1966. С. 73.

А. М. Пятигорский, «коммуникационной затычки». Особенно популярна артикуляция диалога как эвфемизма, прикрывающего доминирование того или иного экономического или политического интереса.

В литературоведческой практике, ориентированной на статичную, не сопряженную с коммуникативностью модель поиска и обнаружения преимущественно этнокультурных детерминаций, диалог фактически превратился в «спящую» категорию, воспринятый как псевдоним «дружбы народов» или остаточная идеологема, восходящая к былому интернационализму. Столь характерная для постсоветского сознания проблема ментальной и культурной самоидентификации приобрела ярко выраженное диахроническое измерение, существенно изменившее тональность разговора о национальной культуре и литературе. Артикуляция воспроизводимого «местного колорита» привлекала адептов «этно-литературоведения» как самоцель, абстрагированная от восприятия текста в его целостности и художественной результативности. Дихотомия «свой-чужой» не декларировалась, но непременно присутствовала как фоновое знание в размышлениях об этнической идентичности, воспринимаемой как «бытие-в-себе и для себя». За скобками оставался вопрос о литературоведческом модусе описания воплощенных в произведении этнокультурных реалий, превалирующего над осмыслением их функциональной роли и места в многомерной художественной структуре. Эти реалии, как правило, опознавались, но не осмыслились в их жанрово-стилевой функциональности, в системе внутритекстовых связей и сцеплений, в которой ни один компонент внутренней организации текста не может быть понят иначе, чем в соотнесении с другими компонентами.

Избыточность этнокультурных коннотаций, определяя направленность и характер реконструкции текста, фактически дезавуировала собственно эстетические критерии и восприятие его потенциальных смысловых интенций. Тем самым нивелировалась эпистемологическая ценность дискурса, освобожденного от соотнесенности этнокультурного проекта в его литературоведческой версии с тем, что В. Н. Топоров называл резонантным полем культуры, с проблематикой аккультурации, межкультурной коммуникации. Кризис национально-культурной идентичности в советскую эпоху трансформировался в кризис межкультурной коммуникации в эпоху постсоветскую, одним из проявлений которого стало угасание интереса друг к другу.

Если литературное сознание, по Г. Г. Шпету, «определяется как сознание национальное, т.е. не неопределенно-этническое сознание, а именно национально-историческое...»¹, то логичным представляется

---

¹ Шпет. 2002. С. 1136.

отказ от узко и статично понятой идентичности, детерминированной исключительно этнической спецификой.

Когда мы говорим об идентичности, то предполагается целенаправленное внимание к сфере ценностных, поведенческих, психологических ориентаций, семантических и символических форм, к системе этических норм, предопределяющих самоощущение, самопознание человека как члена определенного этнического сообщества. Искомую формулу дал толстовский Хаджи-Мурат, который на вопрос о бале у кавказского наместника ответил: «у каждого народа свои обычаи. У нас женщины так не одеваются». И сослался на поговорку как безошибочный индикатор продекларированной специфики («угостила собака ишака мясом, а ишак собаку сеном, – оба голодные остались»), после которой вновь повторил: «всякому народу свой обычай хорош».

Современная трактовка идентичности не может, однако, ограничиваться представлением об автаркической самобытности, устойчиво и преимущественно соотнесенной с культурными архетипами, оставляя за скобками ее динамичность, процессуальность, культурную взаимопроницаемость, когда самоутверждение в «своем» входит в сплав с открытостью навстречу «чужому». Динамическая модель самоидентификации концептуально связана и с тем, что называют культурным пограничьем, формируясь не только в координатах ментальной и этнической детерминированности, но и в точках соприкосновения различных культур, в пространстве «пересекающихся культурных кодов» (М. Л. Гаспаров) и обновляющихся смыслов. Речь идет об интегральной идентичности, сопрягающей верность базовым основаниям национальной характеристики и восприимчивость к «иному» не как абсолютно чужому.

Самобытность национальной культуры, чтобы остаться таковой, требует коммуникативного пространства. Иначе говоря – нет идентичности вне контекста коммуникативности, нет диалога вне контекста самоидентификации. Постперестроечная методологическая ситуация отличалась двойственностью: это был, с одной стороны, период плодотворной филологической, культурологической самоактуализации и, если брать шире, национально-культурного оппонирования любым формам унификации и четко артикулированной «национальной солидарности», которая «остаётся “нерастворимой” реальностью даже в историческую эпоху глобализации»¹. Но, с другой, семантический разрыв между этнокультурным и коммуникативным подходами оставлял неотрафлексированным тот факт, что национальная культура в своем эволюционном развитии идентифицирует себя и как место встречи культур.

¹ См.: Гумбрехт. 2009.

Национально-литературная диахрония заметно потеснила синхронную типологических, не сводимых только к фактору генетического родства, сопоставлений, о важности которых в свое время говорил В. М. Жирмунский: «...те, кто думает возвысить свою родную литературу, утверждая, будто она выросла исключительно на местной национальной почве, тем самым обрекают ее даже не на “блестящую изоляцию”, а на провинциальную узость и “самообслуживание”»¹. Характерна ссылка на «блестящую изоляцию», которая гипотетически представлялась возможной, но в реальной культурной практике неизбежно оборачивалась «провинциальной узостью» и «самообслуживанием».

Показательно совпадение методологических установок русского ученого и его современника, немецкого филолога Э. Ауэрбаха, который в работе «Филология мировой литературы» отмечал: «...В высшей степени ценным и необходимым достоянием филолога еще являются язык и культура его народа; однако они становятся действенными только тогда, когда удастся изъять их из обособленности и преодолеть их самодовление». Акцентируется мысль о «взаимном обогащении за счет разнообразия», о насущной необходимости «...удержать и укрепить сознание судьбоносной взаимосвязи между отдельными народами»². При таком понимании коммуникативная функция выступает как имманентное свойство литературной динамики и не может быть всецело отнесена к сфере периодически возникающих тем или иных внешних «влияний».

Когда мы обращаемся к «диалогу» как одной из ключевых категорий гуманитарного знания, то имеем в виду нарастающий методологический спрос на полноту описания исторической динамики национальной литературы, на преодоление односторонности ради сбалансированности синхронного и диахронного аспектов изучения, ради насущно необходимой контаминации парадигматики и синтагматики.

Мысль о целостности национальной литературы как «литературно-историческом уровне, на котором задается и оправдывается смысл литературного развития», последовательно проведена в теоретико-

---

¹ Жирмунский. 1979. С. 71. Другая работа ученого – «Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения» – содержит поучительный пример историко-типологического сближения литератур, несопоставимых по генетической родословной и национально-культурным основаниям. Сопоставляя поэмы Низами, созданные на фарси в XII веке, с произведениями его французского современника Кретьена де Труа, исследователь поставил вопрос о типологии «стихотворных романов куртуазного типа как произведений одного жанра и одной исторической эпохи» при отсутствии «прямых заимствований с той или с другой стороны». Независимо друг от друга на Востоке и на Западе произошло «поэтическое оформление новой идеологии рыцарского общества». (Там же. С. 40).

² Ауэрбах. 2004. С. 128.

методологических трудах А. В. Михайлова. Он соотносил принцип целостности с представлением о «круге, в котором соопределяются пласты литературной истории», или «горизонте, в котором все ... понятия получают определенность», а в работе «Методы и стили литературы» писал о действующей в теле литературы «интерференции, создающей густую сеть отношений – взаимозависимостей, взаимоотражений»¹.

Понятно, что такая трактовка целостности несколько не дезавуирует антиномичность живого литературного развития, внутрилитературные смысловые коллизии. Целостная характеристика базируется на признании того, что каждая литература – сложно организованная система, создаваемая полифоничностью конкурирующих художественных идей, постоянством диалогического взаимодействия креативных и репродуктивных тенденций как органической предпосылки творческого спора с традицией внутри этой традиции.

Если раньше «единство многообразия» трактовалось исключительно как идеологически монолитный союз национально-литературных своеобразий, то сегодня уместно говорить о «единстве многообразия» каждой, отдельно взятой литературы как пространства напряженного взаимодействия различных культурных кодов.

Нынешняя многофакторность литературоведческого анализа, переполненного идентификационными отсылками к вопросам этно- и культурогенеза, инспирирована усложнением представлений о базисных основаниях национального художественного развития, о формировании литературы как опыта переживания и отстаивания культурной и исторической субъектности в его непрерывности и преемственности. В то же время эта характеристика ориентирована на диалогический принцип, воспринимаемый как содержательный фактор внутрилитературной эволюции, ресурс идентичности и катализатор творческих смыслов.

В статье «Вавилонская башня и смешение языков» Н. С. Трубецкой квалифицировал «духовное обезличение» как обязательное условие «гносного подлога», который может выдаваться за «братство народов». Как лес возможен при наличии составляющих его деревьев, так и межлитературное взаимодействие возможно, если оно позиционирует себя как встреча особенного с особенным. Трубецкой не оперировал понятиями «идентичность» и «самоидентификация», предпочитая говорить о «культурной самобытности» как «корреляте национального самопознания» и последовательно выступая против «отрицания равноценности народов и культур» и претензий «нивелирующего культуртрегерства»².

¹ Михайлов. 2008. С. 55.

² Трубецкой. 2007. С. 456, 168.

Современный литературоведческий дискурс должен быть ориентирован в равной мере на приоритетность национально-литературной конкретики и на востребованность широко понятой контекстуальности. Переоткрытие принципа диалогического взаимодействия, изъятая из идеологической предзаданности, предполагает сущностную взаимодополняемость этнокультурной тождественности и фактора притяжения-отталкивания разнорациональных литературных традиций. Интегрирующий подход означает не взгляд с колокольни или с высоты птичьего полета на многоликий литературный ландшафт, не сведение этой многоликости к общему знаменателю по аналогии с советским «единством многообразия», а такое осмысление конкретно-национального своеобразия литературных явлений, самого феномена культурной инаковости, которое тяготеет не столько к абсолютизации различия как такового, сколько к открытию *всеобщности особенного* в диалоге идентичностей.

Призыв В. С. Библера понять диалог «как определение гуманитарного мышления, взятого в его всеобщности»¹ означает, что это мышление по определению насквозь диалогично, формируясь на пересечении смыслов, на чуткости к встречным движениям, на преодолении чуждости и открытия (как это случилось с толстовским Хаджи-Муратом) «особенной красоты чуждой ему народности».

Гуманитарно мыслить значит отказываться чуждости или отчужденности в онтологическом статусе, связывая их только с качеством и направленностью интерпретации. Вот один из литературных примеров подтверждающих неожиданные последствия категоричной и потому ложной трактовки. Лермонтовские черкесы пережили потрясение, когда на теле убитого Измаил-Бея, когда-то награжденного за героизм Георгиевским крестом 4-й степени, увидели «белый крест на ленте полосатой». Легко представить их ужас: крест на шее правоверного мусульманина мгновенно превращал его в глазах соплеменников в вероотступника и «джяура проклятого». Слишком высокой оказалась цена вспыхнувшей эмоциональной реакции на боевую награду: поспешная и неверная интерпретация обернулась непреодолеваемой отчужденностью.

Гуманитарное мышление исходит из того, что отличимость – условие коммуникативной связи, а ее непроявленность лишает диалог содержательного смысла. Взятая в своей всеобщности современная гуманитарная мысль призвана справляться с культурными различиями, неизбежными в полиэтничной стране. Но беда или вина наша сегодня в том, что мы перестаем их адекватно воспринимать, в том числе и как предпосылку межкультурного собеседования. Из стимула взаимного интереса и интегрирующих ценностей они становятся камнем преткновения, фактором раздражения, заведомо исключаящим какой-либо

---

¹ Библер. 1991. С. 300.

взаимопреобразующий диалог. Однако различие или отличимость, приверженность иной системе ценностей не может быть поводом для восприятия той или иной национальной культуры как заведомо чуждой, для посягательства на культурную инаковость. Как тут не вспомнить чеховского героя, который редко видел немцев, не читал немецкие книги, но твердо знал, что всё зло от немцев...

История русско-кавказских культурных связей подтверждает, что в российском цивилизационном контексте переживание встречи с другой культурой воспринималось как не менее значимый ресурс самобытности, чем этнокультурная характеристика. Идею межнационального согласия и взаимного притяжения разнонациональных культур как государствосберегающую сформулировал в 1933 г. Г. П. Федотов в парижском докладе о национализме: «Если Россия будет подлинно “своим домом” для всех народов, входящих в состав ее, она снова может быть великой и цельной, – в противном случае ей грозит окончательное распадение»¹.

Кавказские советские поэты любили прибегать к метафоре двух крыльев птицы или двух струн одного пандура, имея в виду родные пенаты и большую Россию. Они писали об этом как о навсегда данном «союзе нерушимом». Жизнь распорядилась иначе: оказалось, что и крыло может ослабеть, и струна порваться. Без обновляющихся усилий, без ежедневно подтверждаемой готовности и решимости жить вместе в одном доме птица не взлетит, а пандур останется безмолвным...

Проблема культурного многообразия, столь важная для судеб многонационального государства, неоднократно остро дискутировалась и в дореволюционной печати (назову хотя бы работу Н. Д. Красильникова «Роковая ошибка в политике русского правительства и русского общества»), и в XX веке. Сторонники ускоренной унификации фактически предлагали катком нивелировки пройти по культурам малочисленных народов, но, если брать по большому счету, историческая Россия избрала иной и куда более перспективный путь сохранения национально-культурных миров, той «многозвучности», которая «не умаляла, но повышала ее славу», о чем писал тот же Г. И. Федотов в статье под выразительным названием «Будет ли существовать Россия?» (1929).

Недавно в Институте мировой литературы РАН состоялась защита диссертации о сказочной прозе теленгитов – небольшой алтайской народности численностью в 2300 человек, не утратившей свое богатое фольклорное наследие. Она сохранилась, продолжает жить вопреки неутешительным прогнозам: согласно атласу Юнеско 2500 языков из 6500 существующих обречены на исчезновение.

Однако очевидная, казалось бы, и органичная для России концепция «дома для всех народов» оспаривается – вот, например, предложенный

---

¹ Федотов. 2011. С. 125.

«Московским комсомольцем» рецепт выхода из кавказского тупика: «Самый простой: уйти с Кавказа совсем. Сбросить его, как усталая лошадь сбрасывает тяжелый тюк. Выстроить стену, аналогичную берлинской». В статье Н. Г. Козина в журнале «Вопросы философии», проблематика идентификации современного человека развернута преимущественно в мононациональном измерении. Но коль скоро речь идет о полиэтничной стране, какой была, есть и будет Россия, то резонно хотя бы сослаться на конституционный принцип межнационального согласия и межкультурного диалога. Только однажды, да и то в негативном контексте, упомянут мультикультурализм, но зато много сказано об оккупированном сознании, о битве за свою историческую идентичность, о возвращении России в ее исторические границы. Смысловая квинтэссенция авторских размышлений нашла свое выражение в призыве «перестать размазывать свое Я в многообразии культур»¹. Подобная трактовка концепта «многообразие», представленного в роли фактора, ослабляющего и даже искажающего процесс самоидентификации, упрощает, на наш взгляд, представление не только о природе идентичности, но и о реальной многомерности российской действительности, настоятельно требующей куда более адекватного истолкования.

Проблема сосуществования разных культур приобрела в современном мире тревожную остроту, в связи с интенсивностью транскультурных и миграционных процессов, негативным эффектом несоответствия классическому идеалу терпимости, возникающего, как правило, в результате несостоявшегося взаимопонимания носителей разных этнокультурных традиций. Даже благополучные страны, сохранявшие традиционную верность принципу толерантности, не скрывают растерянности при столкновении с вызовами культурного разнообразия.

Всем памятно официальное европейское прощание с идеологией мультикультурализма. Английский премьер-министр заявил о назревшей необходимости «проснуться и осознать, что же происходит внутри наших границ». Авторы представленного Совету Европы в Стамбуле доклада «Жить вместе в Европе XXI века в условиях свободы и многообразия» проснулись и осознали взаимозависимость двух тенденций. Безусловно, процесс умножения разнообразия несет Европе массу проблем, в ряду которых назовем феномен «новой локальности», освободившей себя от необходимости адаптироваться к условиям страны проживания. Но, с другой стороны, видение угроз и рисков европейским ценностям лишено апокалиптических обертонов: авторы предпочитают видеть обновленную Европу «более уверенной в себе, принимающей и приветствующей многообразие идентичностей, а не избегающей его»².

---

¹ Козин. 2011.

² Жить вместе в Европе XXI века... 2011.

В интервью, опубликованном под заголовком «Диалог всегда находится в опасности», С. Аверинцев подчеркнул, что диалог – «это то, что ...всегда под угрозой, но без чего на самом деле обойтись невозможно». Характеризуя отсутствие диалога как «катастрофичное», он напомнил, что это слово «само по себе выражает золотую середину между изоляционизмом и всеобщей унификацией. Диалог предполагает, что собеседники различны, но, уважая свою личность, они одновременно уважают собеседника, выслушивают его и искренне пытаются понять»¹. Именно эта философия диалога, символизирующая спасительную «золотую середину» и поиск взаимоуважительного компромисса, сегодня находятся «в опасности».

В ряде недавних публикаций приоритет различия утверждается через опровержение диалогического принципа как такового. Манифестация культурных различий или апология непроницаемости каждой национальной культуры/литературы, по-своему талантливо артикулируемая в статье А. М. Мелихова «Конфликт иллюзий», призвана обесценить самую идею диалогического взаимодействия и, следовательно, устранить фигуру собеседника – будь это конкретный читатель или иная культура/литература. Если во главу угла ставить «страх одной культуры перед другой», то можно назвать «соприкосновение культур» гибельным «как минимум для одной из них», а самим национальным культурам приписать свойство «остро разобщать нации». В том же ряду парадоксальных умозаключений находит свое место следующий вывод: чем лучше народы узнают друг друга, «тем сильнее раздражают друг друга»². Авторское понимание «принципа взаимодействия культур» иначе, как обеднением их потенциальных возможностей не назовешь. Стоит ли гипертрофировать естественную дистанцированность культур друг от друга до такой степени, что условием их самосохранения становятся разрыв культурных связей и упразднение диалога, посягающего, якобы, на самобытность? Напомним и об исторических уроках – риторика самоизоляции неизбежно вовлекается в логику воспроизводства межнациональных и межкультурных конфликтов.

Бесспорное достоинство статьи Мелихова – ее интеллектуальная провокативность, воспринимаемая как закономерная реакция на нынешнюю смысловую инфляцию понятия «диалог». Такие тексты побуждают от противного острее думать о необходимости *переоткрытия* диалога, возвращая ему сущностное значение и тем самым преодолевая тривиальность и инерционность словосочетания «межкультурный диалог» ради того, чтобы «удержать и укрепить сознание судьбоносной взаимосвязи между отдельными народами». На разных

¹ Аверинцев. 2001.

² Мелихов. 2010.

этапах возникала задача преодоления репродуктивной и инерционной эксплуатации как бы заведомой и застывшей безусловности диалогического принципа – достаточно вспомнить, как Г. Гадамер в докладе о речевом жанре утопии в «Государстве» Платона назвал Ф. Шлегеля и Ф. Шлейермахера переоткрывателями (не перво-, а именно переоткрывателями) диалогического принципа как «метафизической основной схемы познания истины»¹.

Принципиально иным, если сравнивать с упомянутыми выше статьями, был ход размышлений Андрея Белого, посетившего Кавказ 84 года тому назад. Книгу путевых впечатлений «Ветер с Кавказа» он открыл словами: «Кавказу предстоит громадная социально-экономическая будущность». И продолжил: «Каждая местность имеет свой фокус; лишь став в нем, увидишь что-нибудь». Глаз художника безошибочно улавливал «местный колорит», не игнорируя различий и отдавая должное той же бараньей папаше, украшавшей горца (в тексте «бараньи, клокастые шапчищи»). Но мысль, инициированная встречей с Кавказом, обнаружила масштабность солидарного мышления, о дефиците которого приходится говорить сегодня. Переполненный новыми эмоциями и наблюдениями, А. Белый акцентирует прагматически ориентированный глагол «доработаться». Доработаться до восприятия – это не только разглядеть в вознесенном ввысь Казбеке «гигантский ритмический жест, данный в паузе неба и воздуха», но и приложить усилия, чтобы «увидеть единое в многом». Писательская оптика, изымая экзотику из обособленности, обнаруживает тоску по устранению преград между людьми и культурами. Тот же пафос преодолеваемой разобщенности нетрудно распознать в одном из ключевых авторских признаний: «... проживши три месяца, перед отъездом в Россию, – вздыхаешь: и здесь бы остаться, и там»². Разрыв между «здесь» (Кавказ) и «там» преодолевается постоянно возобновляемой потребностью разглядеть «единое в многом».

Через четыре года после ярких южных впечатлений русского поэта и мыслителя увидела свет книга с не менее выразительным названием «Страна Прометей». Видный представитель евразийского движения, уроженец Моздока и послереволюционный эмигрант К. А. Чхеидзе наглядно сопоставил европейский и кавказский способы восприятия, обусловленные различными ментальными установками: «Если бы меня спросили, в чем состоит главная разница между психологией кавказца и психологией европейца, я бы сказал, что разница состоит в том, что у горца есть нечто, что он признает аб-

---

¹ Цит. по: Густав Шпет и современная философия... С. 219, 220.

² *Белый*. 1928. С. 5, 178.

солютным и незыблемым. А у европейца все подвержено сомнению и относительности. Но это отличие слишком глубокое и, так сказать, философическое. Есть еще много других отличий, из которых одно особенно бросается в глаза».

Далее описана сцена посещения европейского дома, из окна которого открывается вид «на тысячу дымящихся кровель». Увиденное желательно откомментировать «шумным восторгом» и восклицаниями типа «замечательно, восхитительно» вопреки тому, что вы вдыхаете «сложный состав бензина, копоти и пыли, называемый городским воздухом». Ваше молчание или недостаточная искренность могут быть восприняты как досадная и вызывающая невежливость. Совсем иначе, продолжает К. А. Чхеидзе, на Кавказе. Хозяин приглашает гостей выйти на балкон его дома, чтобы увидеть, «как садится солнце за Эльбрус». Следует описание «нестерпимого восторга», охватывающего наблюдателя: «миллион окровавленных ангелов с грозно поднятыми огненными мечами несется по вечеряющему небу». Но если вы не сдержали «вырывающийся крик», то вас могут принять «за особу, которая по роковой случайности носит на голове не платок, а папаху». Еще более неприемлемой была бы ваша попытка порассуждать «с ужимками» о красоте Эльбруса, однозначно превращающая вас в глазах гостеприимного горца в «слабонервного полуидиота». Финальная авторская сентенция призвана прояснить фундаментальный смысл неординарной психологической реакции: «... предполагается, что каждый имеющий глаза – видит. И каждый, живущий под небом, понимает, что есть красота».

Перед нами развернутое и по-своему утрированное описание специфических типов рецепции, восходящих к определенным культурным традициям, к устоявшимся комплексам эмоциональных и ценностных предпочтений. Но эффектно продемонстрированная несовместимость поведенческих матриц, этнокультурных трафаретов не приобретает статус окончательного «приговора». Образ мира базируется на преодоленной маргинализации, опознавательным признаком которой могла бы стать самодостаточная констатация различий как таковых. Миропонимание и мирочувствование автора «Страны Прометея» явно взыскуют более объемного взгляда на вещи и иного мысленного горизонта. Книгу открывает череда вопросов: «Что такое культура? Что такое поле? Что такое «культурное поле»? Чем отличается культурное поле от дикого?». Отсутствие сдерживающих начал в борьбе за выживание, когда каждому кустарнику или дереву «кажется, что мир существует лишь для него...» – таковы дикое поле и девственный лес. Культурным или возделанным лес становится «после того, как между деревьями были установлены отношения взаимного признания права на жизнь...» и «счастье одного из них не строилось непременно на несчастье другого». Разница между

дубом и березкой огромна, но «перед Небом они равнодостоинны в своем стремлении шириться, расти и цвести»¹.

Не стоит при этом недооценивать другую сторону медали, если иметь в виду конфликтогенный потенциал глубинных культурных различий, которые могут оказаться не только фактором позитивной самоидентификации, но и источником соперничества культур или так называемой «войны идентичностей». Дуальная природа «различия» как конституирующего принципа национально-культурного самоопределения и гипотетического катализатора отчуждения досконально рассмотрена в книге проф. Йельского университета С. Бенхабиб «Притязания культуры». Исходя из того, что «пределы всеобщего уважения всегда испытываются различиями между нами...», автор в то же время отдает должное значению «прагматического императива, побуждающего нас понять один другого и вступить в межкультурный диалог». Развернутый тезис о современном «сообществе взаимозависимости» дихотомически связан со сквозной мыслью о том, что «мы становимся сами собой только потому, что отличаем себя от реального, а чаще – воображаемого «другого». Если формирование культур происходит «через противопоставления», то вопреки декларациям о взаимном уважении «нам не дано знать, чего потребует или что повлечет за собой такое уважение при столкновении с глубокими культурными противоречиями»².

Фактически речь идет о неизбежности конфликта ценностей, предопределенного реальной глубиной культурных различий. Рассуждения Бенхабиб далеки самодельной манифестации различий, но, воссоздавая расширяющийся контекст их взаимозависимости, она все-таки недооценивает возможную переводимость различия на язык диалогической, т.е. взаимопреобразующей общительности, отдавая излишне щедрую дань претензиям охранительного культурного традиционализма. Фактор обособленной самобытности или культивирования «особости» почти не соотнесен с вопросом о пределах автономизации различия. Из спектра смысловых интенций выпала процессуальность культурного различия, предрасположенного к трансформации в пространстве «коммуникативного действия» (Ю. Хабермас). Упускается базовая, онтологически значимая соотнесенность культурной множественности, основанной на приоритете различий, с общими основаниями человеческой культуры с уровнем всеобщего, с явленностью «сходства несходного».

Представление о диалоге как генераторе творческих смыслов стимулирует другой уровень понимания самобытности, которая перестает быть только объектом мемориального созерцания. Именно в

---

¹ Чхеидзе. 2004. С. 96, 97, 35, 36.

² Бенхабиб. 2003. С. 44, 43, 9, 8, 14.

межкультурном собеседовании историко-культурная уникальность отвоевывается у забвения, сохраняя открытость будущему. Этот процесс можно охарактеризовать как *самоактуализацию через диалог*, как открытие качества неизолированной локальности в приобщении к духу целого, закономерно возникающему в характеристике диалога: «форма речи, разговор, в котором *дух целого* (курсив наш. – К. С.) возникает и прокладывает себе дорогу сквозь различия реплик» (из словаря «Культурология»). Субстанциональный аспект этой темы предельно лаконично обозначен в известном письме Л. Н. Толстого Н. Н. Страхову от 3 сентября 1892 г.: «чем глубже зачерпнуть, тем общее всем, знакомее и роднее»¹.

Признание «общего всем» как фундаментальной характеристики человеческого существования становится – при всем понимании роли фактора различия – тем основанием, которое позволяет постулировать совпадение культур как культур. «Различение, – пишет А. В. Смирнов, – это первый шаг к осмысленности, и он должен быть понят из себя самого... Нет двух похожих культур, как нет двух похожих людей. Но само это утверждение означает, что культуры принципиально схожи, иначе не было бы смысла их различать: мы же не говорим, к примеру, что люди и камни различны (такое утверждение истинно, но имеет мало смысла)»².

Трактовка культуры как «способа сделать мир осмысленным» позволяет прояснить «общее всем» как метауровень или метаконтекст, в котором национальные культуры различаются как «разные варианты реализации универсального механизма смыслополагания».

Методологическая сложность издавна заключалась в сопряжении «неслиянности» или «отдельности» национальных культур и их же глубинной «нераздельности» применительно к конкретным историческим условиям, иначе говоря – в той диалектике веками формировавшегося межкультурного *взаимосодействия*, которая складывалась во взаимоотношении полюсов – «меж нами нет родства» и «меж нами есть родство», если вспомнить строки поэта А. Тарковского.

В советскую эпоху концепт «единство многообразия» отличался нескрываемым креном в сторону «единства» – за лесом часто не различали деревья. «Единство в различии», к которому апеллируют сегодня, нередко трансформируется в апологию различия – за деревьями не проглядывается лес. Дрейфующая диалектика «леса» и «деревьев» или «локального-регионального-общероссийского-мирового» колебалась под давлением очередной мировоззренческой «смены вех», но все-таки фундаментальное ядро сохранялось – сбережение этнокультурной

¹ Толстой. Т. 66. С. 254.

² Смирнов // www.intelros.ru/readroom/fg/fg_2/5489.

множественности в непротиворечивой соотнесенности с культурными универсалиями, отсылающими к «общему» для всех.

С позиции каждой национальной культуры, озабоченной самосохранением в усложняющемся мире, резонно отстаивать свои специфику и индивидуальность, не забывая о том, что именно они и являются подлинной предпосылкой межкультурного собеседования, взаимосближающего диалога. Перед нами феномен «концептуальной амбивалентности современного общества», описанный Хоми Баба в работах по постколониальной проблематике. Он подчеркивал, что «национальный нарратив есть место амбивалентной идентификации», усматривая в этой амбивалентности определенный тип «нарративной стратегии»¹.

Концептуально амбивалентной предстает не только сфера национального, но и сама глобализация, будучи и вызовом национально-культурным мирам, и контекстом их функционирования. Недаром в ходу гибридный термин «глокализация», сопрягающий локальное и глобальное и отсылающий к амбивалентности актуализированных дихотомий «монологизм–диалогизм», «традиционалистское–инновационное», «мы–они», «свой–чужой», «локальное–глобальное». Современный диалог концептуально амбивалентен в том смысле, что выступает и как признание ценности разнообразия, права быть другим, и как форма снятия абсолютизации различия как такового – не различия, а его абсолютизации.

К числу наиболее интересных философских последствий глобализации видный социальный теоретик, автор книг «Культурная логика позднего капитализма», «Культурный сдвиг: избранные работы о постмодерне» Ф. Джеймисон отнес «потребность пересмотра пределов национальных культур и, следовательно, пересмотра самого феномена их взаимодействия»². Настоятельной становится потребность в обновленном подходе и к понятию «национальная литература», суть которого не только в естественном отказе от ограничительных идеологических коннотаций, но и в выработке инновационного представления о «феномене взаимодействия» и новом диалогизме.

Национальная литературная классика, выдержавшая суд времени, символизирует воплощенность того, что в эпоху Просвещения называли «духом народа», соотнесенным с национально-возрожденческим процессом. Творческие открытия балкарца К. Мечиева, кабардинца А. Шогенцукова, лакца Э. Капиева, абхазца Б. Шинкуба воспринимаются, помимо собственно литературного значения, как сохраняющий свою актуальность опыт переживания и отстаивания культурной самоценности «духа народа». В то же время каждая крупная фигура нацио-

---

¹ Хоми Баба. 2005. С. 79, 113, 70.

² Джеймисон. 2006.

нальной литературы объективно оппонирует возможному культурному изоляционизму, преодолевая границы узко понятой идентичности, отсылая к общим основаниям человеческой культуры, к универсальному механизму смыслополагания.

Поиск «объективных закономерностей мирового литературного процесса», отмечал Ю. Б. Виппер, должен включать в себя опыт «так называемых “малых” литератур», которые «могут иногда выдвигать художественные ценности мирового значения и служить почвой для таких обобщений, без которых в наших представлениях об этом процессе существовали бы серьезные изъяны». И далее: «...такой подход помогает преодолеть одинаково односторонние и в научном отношении пагубные крайности как европоцентризма, так и востокоцентризма»¹.

Классический литературный текст процессуален в том смысле, что на каждом новом витке исторического и культурного развития обнаруживает смысловую неизолированность от любого вновь возникающего контекста, без которой мы не могли бы говорить о «художественных ценностях мирового значения». Происходит развертывание заложенных в нем смыслов вне породившей их эпохи, в том числе через диалог различных трактовок и подчас взаимоисключающих точек зрения, ни одна из которых не может претендовать на охват всего спектра смысловых интенций текста: на этом пути не может быть окончательного диагноза. Речь идет о таком перечитывании–переосмыслении в русле современных социокультурных практик, которое исключает отношение к классическому тексту как к «остановленному» эталону или только хранилищу этнокультурной уникальности.

Мы унаследовали богатейший цивилизационный опыт сосуществования наших народов и культур, в рамках которого «особенное» могло приобретать статус общезначимой ценности.

В 1836 г., когда Кавказская война набирала обороты, А. С. Пушкин не только представил в первом номере своего «Современника» рассказ черкеса С. Казы-Гирея в одном ряду со своим «Путешествием в Арзрум» и гоголевской повестью «Коляска», но и дополнил его феноменальным по культурной щедрости примечанием. Этнографически маркированный текст, казалось бы, должен быть воспринят именно с этой точки зрения как явление действительно «неожиданное». Но ход пушкинской мысли лежит в другой плоскости: «...неожиданное в *нашей* литературе» (курсив наш. – К. С.). Поэт педалирует притяжательное местоимение «наше»: «в *нашей* литературе», «становится в ряды наших писателей»². Но как это понимать: первое произведение и сразу – «в ряды наших писателей»?

¹ Виппер. 1983. Т. 1. С. 7.

² Современник. Т. 1. 1836. С. 169.

И кто становится – «сын полудикого Кавказа»? Так и понимать: представление этнически нерусского автора переведено в регистр мудрого в своем преувеличении отношения, которое снимает ощущение периферийности при встрече с неожиданной для русского читателя фамилией. Вовлекая «сына полудикого Кавказа» в состав «нашей литературы», А. С. Пушкин как будто предвидел грядущую культурную нераздельность, задавая камертон, услышанный Л. Н. Толстым – тоже «угадчиком» (из пушкинской речи Ф. М. Достоевского) иной исторической перспективы, иного «идеала человеческого без насилия». «Хаджи-Мурат» вышел из этой пушкинской шинели, из пушкинского угадывания возможной общей исторической дороги.

Когда почти через сто лет А. М. Горький на 1-м Съезде советских писателей назвал С. Стальского Гомером XX века, а Н. С. Тихонов, посетив Дагестан, нашел «кавказского Блока» в лице аварского лирика Махмуда, то в таком отношении к инациональным культурным явлениям нетрудно уловить пульс завещанной А. С. Пушкиным отзывчивости, которой только и дано сокращать исторически сложившееся расстояние между культурами и литературами.

Когда Р. Гамзатов назвал Пушкина аварским поэтом, то никому, даже бдительному идеологическому отделу Обкома КПСС, не пришло в голову указать и поправить, напоминая об истинной этнической и культурной принадлежности Александра Сергеевича.

Когда А. Авторханов назвал поэзию Лермонтова «Кораном каждого интеллигентного горца», он прекрасно понимал, что Кораном может быть только Коран – единственный, Богом ниспосланный, но осознанно взял предельную или даже запредельную высоту, чтобы с наибольшей адекватностью обозначить совершенно особое место Лермонтова в сознании горца и кавказской интеллигенции. Мартынова, добавляет Авторханов, ненавидели как личного врага, проклиная «тот день, когда появился на свет негодяй, так безжалостно потушивший кавказское солнце».

Пушкин как аварский поэт, Лермонтов как кавказское солнце... Подобные неюбилейные, предельно искренние в своей исповедальности признания выдают важный для наших национальных культур вектор: духовное притяжение – единственный род притяжения в ряду иных способов его обеспечения (военных, административных и т.п.), подразумевающий абсолютную добровольность и непринудительность ответного культурного и душевного движения.

В этом контексте не могу также не вспомнить общеизвестные, но отодвинутые на периферию нынешних умонастроений фигуры, олицетворявшие идею межкультурного взаимоузнавания и, следовательно, конструктивного развития русско-кавказских контактов. Шора Ногмов, прикомандированный к императорскому Кавказско-горскому полу-

эскадрону для доработки сочинений и умерший в Петербурге в 1844 г. Леонтий Люлье, француз по происхождению, составивший «Словарь русско-черкесский или адигский с краткою грамматикою». Андрей Михайлович Шёгрэн... Подготовленные и изданные в ИМ ЛИ РАН фундаментальные труды А. Шёгрена в двух книгах предваряет вступительная статья А. И. Алиевой, точнее – монографическое исследование объемом в двести страниц. Автор воссоздает контекст или питательную почву научной деятельности Шёгрена на Кавказе. Четко очерчены параметры действовавшей в те далекие годы системы добывания знаний о Кавказе: властные структуры – академическая наука – местные просвещенцы, информаторы, добровольные помощники, без которых Шёгрэн не продвинулся бы в изучении осетинского, кабардинского, ногайского, грузинского, удинского языков. Даже в годы Кавказской войны – его экспедиция длилась с сентября 1835 г. по январь 1838 г. и несомненно была сопряжена с опасностями – эффективно работала модель взаимного и бескорыстного познания. Это один из самых впечатляющих культурных парадоксов XIX века, до сих пор неописанный и неосознанный в полной мере. Именно Шёгрэн стал родоначальником научно и государственно значимой традиции – многообещающего, как подтвердила история, союза академической российской науки и местных просвещенцев-подвижников. Целенаправленная поддержка научных и культурных инициатив образованных горцев занимала важное место в деятельности Шёгрена. Вот один из многочисленных примеров доверительного сотрудничества: он трижды отзывался на перевод «Псалтыря» на осетино-тагаурское наречие, осуществленный Г. Мжедловым. Последний в письме к Шёгрэну заверял российского академика в своей готовности «непременно заниматься переводами и держаться тех правил, которые передали мне Ваши священные уста в бытности во Владикавказе»¹.

Люди, подобные Ногмову, Люлье, Шёгрэну, не могли напрямую влиять или изменять ход войны, но их бесспорной заслугой была плодотворная и многообещающая попытка выработать язык взаимопостижения вопреки разобщающим обстоятельствам.

В этом процессе открытия друг друга совершенно особое место занимала русская литература – достаточно сослаться на эпизод из лермонтовского «Измаил-Бея», когда герой встретил в горах «русского воина». Тот вдруг, как бы разоружая противника, переходит на язык горского закона гостеприимства, который надлежит неукоснительно соблюдать: «Твоей я чести предаюсь!». Последовал незамедлительный ответ Измаил-Бея: «Ты прав; на честь мою надейся!.. / Вот мой огонь: садись и грейся». Момент истины, мгновенно превративший противников

---

¹ Основоположник российского академического кавказоведения... С. 361.

в собеседников – метаморфоза, несовместимая с неумолимой логикой военного противостояния, но возвращающая в жизнь на войне вечную истину человеческого общения...

И в художественном универсуме Л. Н. Толстого фактор отчуждения и межкультурной границы не стал той последней инстанцией, которая традиционно доминировала в профанной модели кавказского мира, основанной на недооценке или стремлении изжить культурную инаковость как досадную помеху в реализации имперского проекта.

Логике перманентного воспроизводства конфликта и доктринальной дихотомии «цивилизация-варварство» автор «Хаджи-Мурата» противопоставил идею трудного, но неотвратимого сближения людей и национально-культурных миров поверх конфессиональных и этнокультурных барьеров.

Л. Н. Толстой любил и часто вспоминал слова Зосимы из «Братьев Карамазовых». При всей их вневременной философской насыщенности они могут быть восприняты сегодня как вполне злободневные: «всё как океан, всё течет и соприкасается, в одном месте тронешь – в другом конце мира отдается».

Идеал межнационального согласия, по-разному сформулированный А. С. Пушкиным («когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся») и Л. Н. Толстым («искать то, что объединяет людей, а не разъединяет их»), история проверяла и будет проверять на прочность, но как высшая, пусть и идеальная, цель он останется, пока мы, распри позабыв, будем находить то, что нас как людей объединяет.

Вместо набивших оскомину и утративших дискурсивную силу рассуждений о фатальности конфликта ценностей и столкновения цивилизаций необходим прорыв к более глубокому пониманию диалектики «своего» и «чужого», «родного» и «вселенского», взятых в их органической взаимообусловленности.

Вместо утратившего эпистемологическую ценность поиска формального общего знаменателя культурной множественности важно артикулировать такой тип осмысления полноты национальной литературы, когда целью литературоведческого анализа становится открытие *всеобщности особенного* в диалоге неравноценных, но равнодостоинных национальных культур...

Библиография

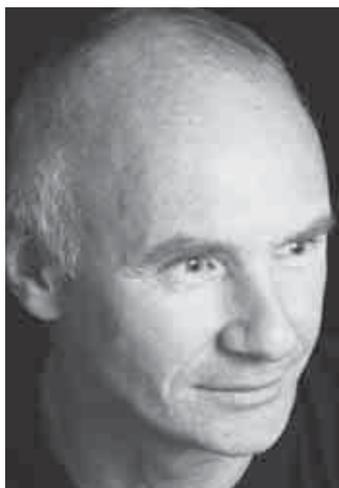
Аверинцев С. С. Диалог всегда находится в опасности // Известия. 11 января 2001 г.

Ауэрбах Э. Филология мировой литературы // Вопросы литературы. 2004. № 5.

Белый А. Ветер с Кавказа. Впечатления. М.: Федерация, 1928.

- Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру // Логос. 2003.
- Библер В. С.* От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М. 1991.
- Виппер Ю. Б.* Вступительные замечания // История всемирной литературы в 8 тт. Т. 1. М.: Наука. 1983.
- Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс. 1985.
- Гумбрехт Х. У.* Есть и должно ли быть сегодня что-то устойчивое в «национальной принадлежности»? // Неприкосновенный запас. 2009. № 4.
- Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. М., 2006.
- Джеймисон Ф.* История как цепь катастроф // НГ-Екслибрис. 27 июля 2006 г.
- Жирмунский В. М.* Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур // Он же. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л.: Наука. 1979.
- Жить вместе в Европе XXI века // Новая газета. № 50. 13 мая 2011 г.
- Кант И.* Сочинения в шести томах. Т. 5. М.: Мысль. 1966.
- Козин Н. Г.* Идентификация. История. Человек // Вопросы философии. 2011. № 1.
- Мелихов А. М.* Конфликт иллюзий // Дружба народов. 2010. № 2.
- Михайлов А. В.* Методы и стили литературы. М.: ИМЛИ РАН. 2008.
- Основоположник российского академического кавказоведения академик Андрей Михайлович Шёгрэн. Исследование. Тексты. М.: ИМЛИ РАН. 2010.
- Платон.* Сочинения в трех томах. Т. 2. М.: Мысль. 1970.
- Смирнов А. В.* Как различаются культуры? // www.intelros.ru/readroom/fg/fg_2/5489. Современник, литературный журчал, издаваемый Александром Пушкиным. Т. 1. СПб., 1836.
- Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. в 90 т. (Юбилейное). М; Л.: Гос. изд. 1928–1964. Т. 66.
- Трубецкой Н. С.* Наследие Чингисхана. М.: Эксмо. 2007.
- Федотов Г. П.* Национализм (конспективная запись доклада) // Вопросы философии. 2011. № 10.
- Хоми Баба.* ДиссемиНация: время, повествование и края современной нации // Синий диван. 2005. № 6.
- Чхеидзе К. А.* Страна Прометея. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых. 2004.
- Шпет Г. Г.* История как проблема логики. Критические и методологические исследования. М.: Наука, Памятники исторической мысли. 2002.

Георгий Крапивин – уроженец Нальчика (1959), одна из самых примечательных фигур многонационального нальчикского андеграунда советской и постсоветской поры, поэт, бард, спортсмен. В 90-е годы руководил литературным салоном при городской библиотеке, выступал с чтением стихов Бродского и Губанова.

Сегодня живет в Сочи, занимается изучением творчества Пушкина и Достоевского, участвует в российских и международных литературных конференциях.

«Штрихи к портрету князя Мышкина» – первая работа в ряду дерзких литературоведческих исследований по расшифровке текстов и черновиков Достоевского.

«ИДИОТ»: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ «ГЛАВНОГО» ГЕРОЯ

«Главный» герой произведения не всегда бывает главным. Каменный гость, а не Дон Гуан; Медный всадник, а не Евгений; Золотой Петушок, а не царь Салтан».

При прочтении романа «Идиот» у каждого читателя складывается своё неповторимое видение главного персонажа князя Льва Николаевича Мышкина. Но как бы ни были интересны лично-преломленные восприятия, наиболее значимым всё же остаётся (нигде не высказанное открыто и доселе неизвестное) отношение к этому герою самого Достоевского.

Казалось бы, зачем автору так усложнять текст; скрывая свою позицию, запутывать читателя, намёками, интертекстуальными приёмами, а иногда и вовсе прибегая к криптотексту? Но ведь именно это делает «Идиот» романом-загадкой, великой тайной, которую унёс с собой Достоевский.

Вряд ли удастся воссоздать во всей полноте авторский замысел, но приблизиться к нему мне представляется возможным, и вот почему. Несмотря на всю сложнонаполненность и полифоничность персонажа Мышкина, Ф. М. как будто хотел, чтобы он был хоть и трудно читаемым, но понятным (в отличие от Ставрогина), для чего и рассыпал по роману множество ориентиров и подтверждений собственного мнения. На мой взгляд, авторские эмоции находятся гораздо ближе к поверхности текста, чем нам кажется, и гораздо глубже, чем мы думаем. Попробуем, уподобившись

пушкинскому Пимену («Добру и злу внимая равнодушно») максимально собрать их и, по возможности беспристрастно, сложить воедино.

Имена и нравы

«При характере Идиота – ЯГО. Но кончает божественно. Отступается и проч.» Женева. Октябрь 1867 г. (9. 161. – Здесь и далее ссылки по тексту: «Ф. М. Достоевский» ПСС в 30 томах.)

Начнем с того, как первый раз прозвучали **имя** и **отчество** главного героя.

«– А позвольте, с кем имею честь... – обратился вдруг угреватый господин к белокурому молодому человеку с узелком.

*– **Князь Лев Николаевич Мышкин**, – отвечал тот с полной и немедленной готовностью.*

*– Князь Мышкин? Лев Николаевич? Не знаю-с. Так что даже и не слыхивал-с, – отвечал в раздумье чиновник, – то есть я не об имени, **имя историческое**, в Карамзина «Истории» найти **можно и должно**, я об лице-с, да и князей Мышкиных уж что-то нигде не встречается, даже и слух затих-с.» (8. 8.).*

На мой взгляд, фраза содержит в себе огромной важности невероятную сжатую информацию о главном герое и прямую отсылку, позволяющую изначально определить направление замысла писателя. Попробуем сделать то, что, по мнению Лебедева, сделать «должно». Обратимся к «Истории» Карамзина. Исследователь Георгий Федоров обнаружил единственное упоминание фамилии «**Мышкин**» в летописных приложениях к шестому тому и отразил свою находку в работе «Се человек» (Фёдоров Г. А. «Московский мир Достоевского. Из истории художественной культуры XX века». М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 365–266). Вот эта ссылка:

«В 1471 г., осенью, Митрополит велел заготовлять камень для строительства церкви: 30 Апреля заложили её. Главные Архитекторы были Ивашко Кривцов и Мышкин: они растворяли известь с песком, и весьма жидко; а в стены насыпали мелких камешков. Митрополит обложил серебром все монастыри и церкви для строения сего храма».

«Мая в 20 день (в 1474 г.), в 1 час ночи, паде церковь Пречистыя... Возделана уже бе до сводов... И чудотворца Петра гроб засыпа», и проч. (См. Никон. Лет. и др.)» (т. VI. ссылка 110).

Исследовав «Историю» Карамзина, я пришёл к выводу, что **князей Мышкиных** там нет вообще, а только лишь в приложении есть фамилия незадачливого архитектора, без упоминания имени. Знания Лебедева должны быть просто потрясающими, если он практически мгновенно вспомнил летописное приложение к «Истории» и в нём фамилию

«Мышкин» (даже не упомянутую Карамзиным), факт, на который и сейчас (даже после открытия Георгия Фёдорова) обращают внимание лишь немногие учёные. Подобное невнимание к **прямым авторским** отсылкам («*найти можно и должно*») не единично.

Рассмотрим одну, имеющую непосредственное отношение к нашему вопросу. Вот строфа из второй главы «Евгения Онегина»:

XXXVII

*Своим пенатам возвращенный,
Владимир Ленский посетил
Соседа памятник смиренный,
И вздох он пеплу посвятил;
И долго сердцу грустно было.
«Poor Yorick! {16} – молвил он уныло. –
Он на руках меня держал.
Как часто в детстве я играл
Его Очаковской медалью!
Он Ольгу прочил за меня,
Он говорил: дождусь ли дня?..»
И, полный искренней печалью,
Владимир тут же начертал
Ему надгробный мадригал.*

Пушкин делает сноску № 16 к выражению «Принца Датского», которое, казалось бы, не нуждается в пояснениях. Но он это делает:

«16 «Бедный Йорик!» – восклицание Гамлета над черепом шута. (См. Шекспира и Стерна)».

Шекспир, в данном случае, не только источник прямой ассоциации, но и ключ к «и Стерну». Вот, что мы видим в комментариях к «Евгению Онегину»:

«Poor Yorick!» — <Н. А. Бродский, обращаясь к пушкинскому примечанию 16, утверждает>: «Ссылкой на Стерна... Пушкин тонко раскрывал свое ироническое отношение к Ленскому в его неуместном применении имени английского шута к бригадиру Ларину».

И это всё! (Иронии, в отношении Ленского в этой строфе, предостаточно и без апелляции к Стерну). А как же имя «**Одного из персонажей**»? Его, видимо, посчитали неважным, даже несмотря на то, что это имя «**Евгений**»!!! А ведь сочетание имён **Йорик** и **Евгений** (вместе с историей) пришло в «Сентиментальное путешествие» (1768 г.) из более раннего произведения Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1760–1767 г.).

Именно в «Тристраме Шенди» (в XII главе) фигурирует цитируемое Пушкиным шекспировское выражение.

«Йорик проводил Евгения глазами до двери, – потом их закрыл – и больше уже не открывал. Он покоится у себя на погосте, в приходе, под гладкой мраморной плитой, которую друг его Евгений, с разрешения душеприказчиков, водрузил на его могиле, сделав на ней надпись всего из трех слов, служащих ему вместе и эпитафией: Увы, бедный Йорик!»

Если у Пушкина эту фразу произносит Ленский, то у Стерна с ней связан сам Евгений. Тончайшим намёком на происхождение и предысторию имени главного героя своего романа Пушкин даёт нам сложные ассоциативные ключи к глубокому пониманию сути личности Евгения Онегина (а может быть, и самого автора!). Но это тема для отдельного исследования.

Самая ранняя публикация с робким упоминанием стерновского Евгения в связи с именем пушкинского Онегина, которую мне удалось обнаружить, была статья Л. И. Вольперт «Стернианская традиция в романах «Евгений Онегин» и «Красное и Черное» (эта работа впервые была представлена как доклад на «Лотмановских чтениях» 28 февраля 2001 г.).

«"Евгений" также появляется часто (особенно – в начале романа). Любитель давать благоразумные советы, он чувствителен, легко ударяется в слезы (обильно проливая их, например, над умирающим Йориком) и психологически более проницателен, чем остальные. Насколько значимо имя стернианского персонажа для автора Евгения Онегина – судить трудно, но, думается, это не исключено...»

Нечто подобное можно встретить во втором томе «Онегинской энциклопедии» 2004 г., (стр. 533). Вот что пишет З. В. Гродская в своих комментариях на эту тему:

«Возвращаясь к шестнадцатому примечанию, заметим, что восклицание Ленского "Poor Yorik!" (глава вторая) эхом отозвалось в главе седьмой ("Мой бедный Ленской" – 7, XIII. IX. X, I), а описание его могилы весьма напоминает место могилы, где похоронен стерновский Йорик. Наконец имя друга Йорика, автора эпитафии, – Евгений! Совпадений слишком много, чтобы назвать их случайными».

Штрих очень точный, но, к сожалению, не получивший развития. Ни В. Б. Шкловский (в 1923 г.), ни Н. А. Бродский (в 1932 г.), ни В. В. Набоков (в 1964 г.), ни М. Ю. Лотман (в 1994 г.), ни В. П. Рак (в 2004 г.), писавшие о Стерне в творчестве Пушкина, о совпадении имён главных героев (Евгений) даже не упоминают. В ПСС 1937–1959 гг. к этой пушкинской сноске комментариев нет вообще! Наиболее широкий интерес к совпадению имён Онегина и стерновского Евгения вызвало выступление А. В. Минкина {в телепрограмме И. Л. Волгина «Игра в бисер», тема «Евгений Онегин» (канал «Культура» 6.11.2012).

Но оставим эту проблему пушкинистам. Нас в данном случае интересует непосредственно сам приём, который применил Пушкин,

с прямой отсылкой в чужое произведение, чтобы читатель, с его помощью, мог разобраться в значении имени главного героя уже его романа. Полагаю, что Достоевский не только разгадал этот приём с именем, но и развил его в отношении Мышкина. Используя Лебедева (который не мог знать об авторском замысле), Ф. М. делает сложнейшую отсылку к Карамзину. Некоторую информацию, в данном эпизоде, он передаёт через Лебедева, говорившего об **имени**, а другую – непосредственно от себя, через **фамилию** («родовое прозвание»). Невероятный дуалистический приём! Именно по второму пути (через фамилию) и пошёл Георгий Фёдоров.

Однако вернёмся к деталям самой фразы. Обратим внимание, что Лебедев делит знаком вопроса представление Мышкина на две отдельные части, то есть на титул и фамилию и на имя и отчество. Вот что он говорит, комментируя первую часть: «*Не знаю-с. Так что даже и не слыхивал-с*», «*да и князей Мышкиных уж что-то нигде не встречается*». Имя же напротив ему хорошо знакомо по «*Истории*» Карамзина. Значит, его отсылка касается второй части фразы, где речь идет не о фамилии, а об имени и имени историческом.

Я выяснил, что в «Истории» Карамзина имя Лев упоминается в отношении шести лиц (и дважды в виде прозвища). Вот они: Лев (Леон), император Византийский (том 1, гл. 5); Лев (I) Данилович, князь Галицко-Волынский (король) (том 4, гл. 2–6); Лев (Георгиевич, его внук), князь (том 4, гл. 8); Лев Сапега, канцлер короля Сегизмунда (том 9, гл. 2); Лев Салтыков, дворецкий Иоана IV (ограбил Софийский собор в Новгороде) (том 9, гл. 3); Лев Плещеев, один из послов к Сегизмунду (том 12, гл. 3); Лев – прозвище в отношении Грозного и Годунова.

Изучив приведённые в «Истории» эпизоды биографии всех вышеупомянутых, я пришёл к выводу, что все (кроме одного) упоминания о Львах у Карамзина носят эпизодический характер. Только жизнь князя Льва Даниловича Галицкого Карамзин описывает достаточно подробно.

Интересно общепринятое мнение историков, считающих, что именно алчная политика князя Льва Даниловича Галицкого наиболее способствовала **латинизации** Галицко-Волынского княжества, или точнее уже королевства (начатой его отцом, Даниилом Романовичем, окончательно завершившейся в 1340 г.), а потом и его распаду. Тогда сочетание имени Лев и фамилии Мышкин выглядит не просто анекдотичным (или назидательным, как в сказке Шарля Перро «Кот в сапогах»), но имеет в лице **Льва I (князя-короля) и архитектора Мышкина**, результатом деятельности которого явилась рухнувшая православная церковь, значение невероятно глубокое и тревожное.

Однако чтобы утверждать, что именно к Льву Галицкому обращено указание Лебедева, преимущества текстового объёма всё же не достаточно. Учитывая огромную значимость этой отсылки, нельзя игнорировать

одну любопытную подробность. Её почти дословно уже использовал Пушкин в «Медном всаднике»:

*В то время из гостей домой
Пришел Евгений молодой...
Мы будем нашего героя
Звать этим именем. Оно
Звучит приятно; с ним давно
Мое перо к тому же дружно.
Прозванья нам его не нужно,
Хотя в минувши времена
Оно, быть может, и блистало
И под пером Карамзина
В родных преданьях прозвучало;*

Как мы видим, Пушкин тоже интересуется именем своего героя, а не фамилией-«прозванием». В связи с вышеизложенной комбинацией имён *Йорик–Евгений*, эта отсылка имеет для нас огромное значение. Поэтому считаю, что историческое имя Лев, подразумеваемое Достоевским, обязательно должно быть связано не только с Карамзиным, но и с Пушкиным. Предлагаю выяснить, что из «Истории» использовал А. С. в своих произведениях, так чтобы в них прямо или косвенно фигурировало имя Лев, упоминаемое Карамзиным. Это «Песнь о Вещем Олеге». Известно, что сюжет своего стихотворения Пушкин взял из «Истории государства Российского» (том 1, гл. 5). Вот строки:

*Победой прославлено имя твое;
Твой щит на вратах Цареграда;*

Речь идет о победе Олега над Византийским императором **Львом VI**. Карамзин пишет:

«Но мужественный Олег приблизился наконец к Греческой столице, где суеверный Император **Леон**, прозванный **Философом**, думал о вычетах Астрологии более, нежели о безопасности Государства. Он велел только заградить цепию гавань и дал волю Олегу разорять Византийские окрестности, жечь селения, церкви, увеселительные дома, Вельмож Греческих. Нестор, в доказательство своего беспристрастия, изображает самыми черными красками жестокость и бесчеловечие Россиян. Они плавали в крови несчастных, терзали пленников, бросали живых и мертвых в море».

Конечно, можно возразить, что Леон не совсем Лев, но вот текст договора русских с греками, приведённый Карамзиным:

««Мы от роду Русского, Карл, Ингелот, Фарлов... посланные Олегом, Великим Князем Русским и всеми сущими под рукою его Светлыми Боярами к вам, **Льву**, Александру и Константину» <{брату и сыну

первого (курсив Г. К.)} > Великим Царям Греческим, на удержание и на извещение...»

Итак, мы имеем (у Карамзина) Византийского императора **Льва IV**, по прозвищу **Философ**, к воротам столицы которого «Пушкинский» Олег по преданию прибил свой щит. Чтобы подчеркнуть, о котором из шести Львов, упоминаемых Карамзиным, как мне кажется, подумал Лебедев, Достоевский мастерски вводит в текст романа императорское прозвище и связывает его с Мышкиным. Генерал Епанчин говорит:

«— О, да вы **философ**; а впрочем... знаете за собой таланты, способности, хотя бы некоторые...» (8. 24)

«— Это всё философия, — заметила Аделаида, — вы **философ** и нас приехали поучать.

— Вы, может, и правы, — улыбнулся князь, — я действительно, пожалуй, **философ**, и кто знает, может, и в самом деле мысль имею поучать... Это может быть; право, может быть» (8. 51).

Все это можно воспринимать как случайность, если бы не ещё одно интересное совпадение. Думаю, не случайно в швейцарском эпизоде Достоевский в отношении Мышкина дважды употребляет имя **Леон**:

«Когда я в Берлине получил оттуда несколько маленьких писем, которые они уже успели мне написать, то тут только я и понял, как их любил. Очень тяжело получить первое письмо! Как они тосковали, провожая меня! Еще за месяц начали провожать: «**Léon s'en va. Léon s'en va pour toujours!**» [«**Леон** уезжает, **Леон** уезжает навсегда!»] (франц.). Мы каждый вечер собирались по-прежнему у водопада и всё говорили о том, как мы расстанемся».

Итак, *«имя историческое»*, которое *«в Карамзина «Истории» найти можно и должно»*, это **Лев / Леон Философ**. Три совпадения — уже не случайность. Осталось понять, зачем Достоевскому понадобилось привлекать в роман византийского императора? Что же такое совершил византийский Лев IV? Ответ на этот вопрос мы найдем в «Четьи Минеи» святителя Димитрия Ростовского:

«Нетленные прославленные мощи святой равноапостольной Марии Магдалины в девятом веке при императоре Льве VI, философе, торжественно перенесены были из Ефеса в Константинополь и помещены были в храме монастыря святого Лазаря. Таково предание православной Восточной христианской Церкви».

Это цитата из «Жизнеописания равноапостольной святой мироносицы **Марии Магдалины** 22 июля по ст. ст. / 4 июля по н. ст.».

Достоевский, читавший «Четьи Минеи», наверняка знал об этой подробности из жизни Византийского императора. Думаю, не случайно Ф. М. один раз упоминает их в тексте. Вот фраза Рогожина:

«Про матушку нечего сказать, женщина старая, **Четьи-Минеи** читает, со старухами сидит» (8. 10). (По крайней мере, один персонаж в романе наверняка знал эту историю.)

Именно покупкой для Константинополя мощей **Марии Магдалины** и прославился в истории Лев IV Философ. (Примерно так же впоследствии король Франции Людовик IX получил прозвище Святой – не за крестовые походы или личное благочестие, а за приобретение у византийского императора Тернового Венца для Парижа (1238 г.), чем сильно поднял статус своей столицы.)

Думаю, что путём такой тонкой ассоциации Достоевский связывает Мышкина с императором Львом, чтобы с первых страниц в романе маячила тень Марии Магдалины и её «*живое воплощение Н. Ф. Б. – Настасья Филипповна Барашкова*» (С. А. Фомичёв «*Рыцарь бедный*» в романе «Идиот»)). Этой теме была посвящена первая часть моей статьи.

Что же получилось в результате?

Слабый и суеверный император Лев и неумелый архитектор Мышкин.

Нельзя не учитывать возможность, что и Лев Галицкий имеет какое-то отношение к личности князя Льва Николаевича.

«Разговор» с Л. Н. Толстым

*«Письмо мистеру такому-то и всем,
кого это касается».*

(Шуточное английское определение литературы)

Теперь предлагаю рассмотреть **имя** непосредственно с **отчеством**. Первое, что бросается в глаза, это полное совпадение с именем и отчеством **Льва Николаевича Толстого**. И хотя любая случайность у Достоевского просто исключена, в этом случае начинаешь инстинктивно сомневаться. Не может быть! Так беззастенчиво откровенно, с четвертой страницы и на протяжении всего романа?! И что может быть общего между совершенно разными Мышкиным и Толстым? К тому же Толстой граф, а не князь. Однако, несмотря на то, что Достоевский и Толстой были современниками и имели общий круг знакомых, на протяжении всей жизни они не только не встречались, но и не переписывались. Есть веские основания полагать, что инициатива не-знакомства исходила от Толстого. Поэтому ничего удивительного нет в попытке Достоевского донести до Льва Николаевича некую информацию, зашифрованную в строках романа, который тот непременно прочтёт.

Предлагаю попробовать прочесть роман «Идиот» глазами Толстого, учитывая некоторые известные подробности его жизни.

Вот мои соображения по этому поводу.

Первое, как мне кажется, от чего должен был вздрогнуть Лев Николаевич, читая роман, это собственное имя и отчество, написанное на первых же страницах. Думаю, он просто не поверил своим глазам и отмахнулся как от невозможного совпадения. Хотя такое сочетание собственного

имени с названием романа его наверняка неприятно кольнуло. Однако, читая эпизод, в котором Мышкин в прихожей Епанчиных рассказывает слуге о виденном им в Лионе **гильотинировании**, Толстой должен был просто содрогнуться, вспомнив, как в 1857 году в Париже он присутствовал при гильотинировании, после чего потрясённый увиденным покинул Францию. Толстой едет в Швейцарию и пишет рассказ «Из записок князя Д. Нехлюдова. Люцерн». Вот первая строка этого рассказа:

«Вчера вечером я приехал в Люцерн и остановился в лучшей здешней гостинице, Швейцергофе» (Т. 5. С. 3.).

Надо ли говорить, как должен был отреагировать Лев Николаевич, прочитав восклицание своего полного тезки (к тому же князя, совпадение по псевдониму):

«— Мы приехали в Люцерн, и меня повезли по озеру» (8.50).

А далее Мышкин вновь переходит к детальному описанию двух эпизодов смертной казни. Причем первый – это событие из жизни самого Достоевского. Обратим внимание на то, как построен рассказ князя о несостоявшемся расстреле.

«Но я вам лучше расскажу про другую мою встречу прошлого года с одним человеком. Тут одно обстоятельство очень странное было, – странное тем, собственно, что случай такой очень редко бывает. Этот человек был раз взведен, вместе с другими, на эшафот, и ему прочитан был приговор смертной казни расстрелянием, за политическое преступление <(22 декабря 1849 г.)>. Минут через двадцать прочтено было и помилование и назначена другая степень наказания».

Речь идет о реальном событии 22 декабря 1849 года – расстреле петрашевцев на Семеновском плацу в Петербурге. Действительно: «случай такой» не просто «очень редко бывает», он уникален.

«Шагах в двадцати от эшафота, около которого стоял народ и солдаты, были врыты три столба, так как преступников было несколько человек. Троих первых повели к столбам, привязали, надели на них смертный костюм (белые длинные балахоны), а на глаза надвинули им белые колпаки, чтобы не видно было ружей; затем против каждого столба выстроилась команда из нескольких человек солдат. Мой знакомый стоял восьмым по очереди, стало быть, ему приходилось идти к столбам в третью очередь. <...> Он умирал двадцати семи лет, здоровый и сильный; прощаясь с товарищами, он помнил, что одному из них задал довольно посторонний вопрос и даже очень заинтересовался ответом» (8. 52).

Обратим внимание пока на любопытную и важнейшую подробность. Из текста явствует, что Мышкин был знаком либо с самим Достоевским, либо с кем-то из петрашевцев: «Но я вам лучше расскажу про другую мою встречу прошлого года с одним человеком». Ф. М. указывает на возраст мышкинского собеседника: «Он умирал двадцати

семи лет, здоровый и сильный», и на то, что «он стоял **восьмым по очереди**». Среди приговорённых было трое именно двадцати семи лет. Это Петрашевский, Момбелли и поручик лейб-гвардии Александр Пальм. Но речь идет явно не о них. Петрашевский, Момбелли и Григорьев составляли первую тройку и уже были привязаны к столбам. Осужденные располагались по степени вины. Пальм стоял последним (из двадцати одного) и после отмены приговора был наказан всего лишь переводом из гвардии в армию, даже без потери офицерского чина. Хотя на момент казни Достоевскому уже исполнилось **28**, он ближе всех подходит под описание князя. Вот строки из письма к брату Михаилу:

*«Сегодня 22 декабря <1849 г.> нас отвезли на Семеновский плац. Там всем нам прочли смертный приговор, дали приложиться к кресту, переломили над головою шпаги и устроили наши предсмертный туалет (белые рубахи). Затем троих поставили к столбу для исполнения казни. **Я стоял шестым**, вызывали по трое, след<овательно>, я был во второй очереди и жить мне оставалось не более минуты» (28/1. 161).*

То есть, по собственному свидетельству Достоевского, он стоял шестым, будучи во второй тройке (вместе со Спешневым и Львовым). Однако Б. Н. Тихомиров в докладе на ноябрьской конференции 2017 г. в СПб сделал обоснованное уточнение, что Ф. М. в этом письме имел в виду те тройки, которые остались на помосте. С учётом тех, кто уже был привязан к расстрельным столбам «он стоял **восьмым по очереди**», хотя буквальное совпадение, как мне кажется, не так уж важно.

«Довольно посторонний вопрос», о котором вспоминал собеседник Мышкина, судя по всему так же имеет реальную предысторию.

*«Один из осужденных вместе с ним, Ф. Н. Львов, рассказывал позднее, что, пока еще шли приготовления к казни, они могли переговариваться вполголоса, у большей части была на лице неизъяснимо спокойная улыбка. Достоевский вспоминал “Последний день осужденного на смерть” Виктора Гюго и, подойдя к Спешневу, сказал: “Мы будем вместе с Христом?” – “Горстью праха”, – отвечал тот с усмешкой...» (чтобы их не поняли конвоиры, разговор вёлся по-французски. «*Nous se rons avec le Christ?*»... «*Un peu de poussier*»).*

Следовательно, есть веские основания утверждать, что **Мышкин с «прошлого года» был знаком именно с Достоевским**. То есть **Ф. М. лично присутствует в собственном произведении в качестве реального персонажа**, хоть и во внероманном времени (в воспоминаниях князя).

Читая строки, где князь «цитирует» Достоевского, Толстой имел возможность (как и все мы) слышать голос самого Ф. М., поверяющего (через Льва Николаевича Мышкина) о сокровеннейшем эпизоде своей жизни. По-моему, никогда эти два писателя не были в такой непосредственной близости друг от друга, как в момент прочтения Толстым этих строк, даже учитывая тот случай, когда они оба находились в одном помеще-

нии (на лекции В. Соловьёва, а также когда их тексты («Преступление и наказание» и «1805 год») на страницах «Русского вестника» (1866 г.) следовали один за другим. Ведь если Достоевский, пребывающий в тексте «Идиота» инкогнито, связывает Мышкина с Толстым именем и отчеством, а также некоторыми биографическими совпадениями, то можно предположить, что и Толстой, по воле Ф. М., так или иначе присутствует в романе. На что же тогда он намекает, создавая прецедент знакомства автора романа с вымышленным героем, за спиной которого маячит фигура другого знаменитого писателя?

Продолжая рассказ, Мышкин вновь возвращается к гильотинированию в Лионе:

«— Давеча действительно, — обратился к ней князь, несколько опять одушевляясь (он, казалось, очень скоро и доверчиво одушевлялся), — действительно у меня мысль была, когда вы у меня сюжет для картины спрашивали, дать вам сюжет: нарисовать лицо приговоренного за минуту до удара гильотины, когда еще он на эшафоте стоит, пред тем как ложиться на эту доску».

Я считаю, что внимание Толстого было приковано такими подробностями, и он (собственными глазами видевший гильотинирование) должен был понять, что именно ему, более чем остальным читателям (вряд ли видевших токовое), Достоевский рассказывает о собственных невероятных переживаниях в самые важные минуты его жизни (ну многих ли миловали на эшафоте?!).

Не будем заострять внимание на совпадениях, на мой взгляд, второстепенных, которые можно посчитать случайными, но упомянуть о них, думаю, стоит.

Первое совпадение – это, казалось бы, совсем нелепое восклицание Мышкина в разговоре со слугой:

«Здесь про суды теперь много говорят.

– Гм!.. Суды. Суды-то оно правда, что суды. А что, как там, справедливее в суде или нет?

– Не знаю. Я про наши много хорошего слышал. Вот, опять, у нас смертной казни нет».

И выступление Толстого в качестве защитника на военно-полевом суде в 1866 году. Толстой доказывал невменяемость ротного писаря Шабунина, в нетрезвом виде ударившего офицера, но суд признал его виновным и **приговорил к смертной казни**. Шабунин был расстрелян. Это дело произвело большое впечатление на Толстого.

Второе – это долговременное присутствие на страницах романа умирающего от чахотки Ипполита и трагическое событие в жизни Толстого, когда в 1860 году, за границей прямо у него на руках, в возрасте 37 лет, от чахотки скончался его любимый брат Николай.

Третье – это своеобразная педагогическая деятельность Мышкина в швейцарской деревне, которая в корне отличалась общепринятой в лице местного учителя Тибо.

*«– Там... там были всё дети, и я всё время был там с детьми, с одними детьми. Это были дети той деревни, вся ватага, которая в школе училась. Я не то чтоб учил их; о нет, там для этого был школьный учитель, Жюль **Тибо**; я, пожалуй, и учил их, но я больше так был с ними, и все мои четыре года так и прошли» (8. 57).*

А вот некоторые особенности увлечения педагогикой Толстого, напоминающие взаимоотношения Мышкина со швейцарскими детьми:

«Яснополянская школа принадлежала к числу оригинальных педагогических попыток: в эпоху преклонения перед немецкой педагогической школой Толстой решительно восстал против всякой регламентации и дисциплины в школе. По его мысли всё в преподавании должно быть индивидуально – и учитель и ученик, и их взаимные отношения. В яснополянской школе дети сидели, кто где хотел, кто сколько хотел и кто как хотел. Определённой программы преподавания не было. Единственная задача учителя заключалась в том, чтобы заинтересовать класс. Занятия шли успешно. Их вёл сам Толстой при помощи нескольких постоянных учителей и нескольких случайных, из ближайших знакомых и приезжих. С 1862 года стал издавать педагогический журнал «Ясная Поляна», где главным сотрудником являлся он сам. Вскоре Толстой оставляет занятия педагогикой».

Эти сведения были опубликованы в журнале «Ясная поляна», и Достоевский судя по всему о них знал.

{«Ясная поляна» – педагогический журнал, который Л. Н. Толстой издавал и редактировал в 1862 году. Журнал издавался один год, вышло 12 номеров (последний, с запозданием, уже в 1863 году).}

Такое возможное сопоставление педагогов Львов Николаевичей (Мышкина и Толстого), может быть крайне интересно. Вот слова Толстого из статьи «Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас, или нам у крестьянских ребят» (1862 г.):

«Мне казалось, что я развратил чистую первобытную душу... для разжигания своего усталого, истасканного воображения».

(Повременим пока с ассоциацией ко «Сну смешного человека»).

А вот как комментирует эту фразу Д. С. Мережковский в своей работе «Л. Толстой и Достоевский».

«Он любовался, вечный Нарцисс, своим отражением в детских душах, как в зеркале глубокого и девственного родника. Он любил и в детях, этот, может быть, в самом деле роковой для них и страшный учитель, только себя, себя одного».

Не стоит ли после такого сравнения повнимательнее присмотреться к Льву Николаевичу Мышкину и не торопиться идеализировать многие его высказывания и поступки?

Четвёртое – это то, что в доме Епанчиных Мышкин знакомится с тремя девицами на выданье. В дальнейшем он пытался ухаживать за младшей, Аглаей.

С аналогичной ситуацией в 1862 году столкнулся Толстой в семье Берс (где на выданье также были три девицы), собираясь делать предложение средней из сестёр, Софье Андреевне. Вот строки из её дневника:

«Отец тоже сердился, что Лев Николаевич, посещая наш дом, не делал, по русской традиции, предложения старшей дочери, и был холоден с Львом Николаевичем и недобр со мной».

Любопытно, что в подготовительных материалах, находясь в поисках развития сюжета, Достоевский делает такие записи:

«Новый Князь». На полях: *«Далее пробы пера: Аделаида, Князь Лев»* (9. 244). **«Рыцарь бедный. Поцеловал Аделаиду»** (9. 268).

То есть не исключал возможности увлечения Мышкиным именно средней сестры.

(По поводу трёх сестёр есть ещё, как минимум, три ассоциативных направления. Но Толстой, в первую очередь, должен был отреагировать именно на своё.)

Однако наиболее интересными мне представляются обстоятельства, открывшиеся в первом разговоре Мышкина с генералом Иволгиным:

«– Он! Он! – проговорил он тихо, но торжественно. – Как живой! Слышу, повторяют знакомое и дорогое имя, и припомнил безвозвратное прошлое... Князь Мышкин?»

– Точно так-с.

– Генерал Иволгин, отставной и несчастный. Ваше имя и отчество, смею спросить?

– Лев Николаевич.

*– Так, так! Сын моего друга, можно сказать, товарища детства, **Николая Петровича?***

*– Моего отца звали **Николаем Львовичем.***

*– **Львович,** – поправился генерал, но не спеша, а с совершенною уверенностью, как будто он нисколько и не забывал, а только нечаянно оговорился. Он сел и, тоже взяв князя за руку, посадил подле себя. – **Я вас на руках носил-с.***

*– Неужели? – спросил князь. – **Мой отец уж двадцать лет как умер.***

*– Да; двадцать лет; **двадцать лет и три месяца.** Вместе учились; я прямо в военную...*

*– Да, и отец был в военной, **подпоручиком** в Васильковском полку.*

*– В Беломирском. Перевод в Беломирский состоялся почти накануне смерти. **Я тут стоял и благословил его в вечность. Ваша матушка...***

Генерал приостановился как бы от грустного воспоминания.

– Да и она тоже полгода спустя потом умерла от простуды. – сказал князь.

– Не от простуды. Не от простуды, поверьте старику. Я тут был, я и ее хоронил. С горя по своему князе, а не от простуды. Да-с, **памятна мне и княгиня!** Молодость! Из-за нее мы с князем, друзья с детства, чуть не стали взаимными убийцами» (8. 80-81).

«– Вообрази, друг мой, – вскричал генерал, – оказывается, что я нянчил князя на руках моих!» (8. 82).

«– Сын моего друга! – вскричал он, обращаясь к Нине Александровне. – И так неожиданно! Я давно уже и воображать перестал. Но, друг мой, неужели ты не помнишь покойного Николая Львовича? Ты еще застала его... **в Твери?**

– Я не помню Николая Львовича. Это ваш отец? – спросила она князя.

– Отец; но он умер, кажется, **не в Твери, а в Елисаветграде** (<!!!>), – робко заметил князь генералу. – Я слышал от Павлицева...

– **В Твери,** – подтвердил генерал, – перед самою смертью состоялся перевод в Тверь, и даже еще пред развитием болезни. Вы были еще слишком малы и не могли упомянуть ни перевода, ни путешествия; Павлицев же мог ошибиться, хотя и превосходнейший был человек.

– Вы знали и Павлицева?

– Редкий был человек, но я был личным свидетелем. Я благословлял на смертном одре...

– **Отец мой ведь умер под судом,** – заметил князь снова, – хоть я и никогда не мог узнать, за что именно; он умер в госпитале» (8. 82).

Последнее замечание Мышкина о том, что его отец умер под судом (в дальнейшем этот факт дважды обыгрывается в статье Келлера), наверняка заставило вздрогнуть Толстого. **У графа Льва Николаевича под судом умер дед.**

Как известно, в достоевистике за генералом Иволгиным прочно закрепились репутация враля. Не буду пытаться оспорить её, но предлагаю обратить внимание на некоторые факты. В чём действительно ошибся генерал в этих эпизодах? В том, что перепутал отчество отца Мышкина (приём с «перевёртышами» был рассмотрен во второй части). Было бы забавно, назови его Достоевский Николаем Ильичём, расставив тем самым все точки над «и», но подобный прием был бы недопустимо грубым и банальным. Заметим, что имя матери не было произнесено вообще. Одно слово – **Мария** – не оставило бы у Толстого ни тени сомнения, что речь генерала обращена именно к нему. Но Достоевский как бы растягивает удовольствие, не делая последний шаг к подтверждению, предпочитая косвенные намёки (игра кошки с мышью). Казалось бы, чего проще узнать наверное, врет Иволгин или нет, спроси Мышкин имя матери, но он этого не делает. И мы не можем утверждать, что генерал его не знает. Увы, оно так и не прозвучало на страницах романа. Или всё-таки тайно прозвучало? Говоря о том, что он проводил Николая Львовича в вечность (как и его жену), генерал также рисковал быть изобличенным,

не зная, присутствовал ли на похоронах Мышкин младший (в 6 лет он мог запомнить подробности этих событий и уж во всяком случае – город), тем более что он не знал о болезни Льва Николаевича. Утверждая, что носил маленького князя на руках, Ардалион Александрович не рисковал, так как Мышкин об этом мог и не помнить. Однако когда подобное было произнесено в отношении Аглаи, та вспомнила, что такой факт действительно имел место. Поэтому утверждать, когда и насколько фантазирует Иволгин, нужно с большой осторожностью (а главное – зачем?). Одно точно, что часть того, о чём говорит генерал, хоть и в менее пафосном виде, но всё же происходило на самом деле. Складывается обманчивое впечатление, что ни автору-рассказчику, ни Мышкину (а вместе с ними и читателю, по воле Ф. М.) это не так уж важно. Подобные вопросы занимают персонажей романа (да и то не всех и не всегда). Нам же чрезвычайно важно расследовать всё это «враньё» и не пропустить некую информацию, скрытую Достоевским в фантазиях генерала.

Как мне кажется, в своём творчестве Достоевский иногда использовал прием театральной шутки, когда актеры на сцене во время спектакля поддевают и разыгрывают друг друга при исполнении тонких драматических ролей, а зрители ничего не замечают. У Достоевского этого не замечают и сами персонажи, играющие роль актёров, так как руководителем этих розыгрышей (кукловодом) является только он сам. Нечто подобное с успехом использовал Андрей Тарковский на съёмках своих фильмов, когда артисты зачастую не знали, **что** они играют, вслепую воплощая режиссерский замысел. В романе образ генерала Иволгина, как мне кажется, квинтэссенция этого приема для передачи информации стратегического значения. Его пиком считаю эпизод, когда Ардалион Александрович говорит о Капитоне Еропегове, понятия не имея, какую информацию передаёт через него Достоевский для искушенного читателя. Этот спор, на первый взгляд совершенно нелепый и необъяснимый (как и само имя и фамилия), для Толстого, на мой взгляд, должен был явиться окончательным подтверждением, что Достоевский ведет с ним персональный разговор:

*«– Да чем я-то, я-то чем его оскорбил? – настаивал Ипполит, но всё как будто тем же насмешливым тоном. – Зачем он меня винтом называет, вы слышали? Сам ко мне пристал; пришел сейчас и заговорил о каком-то **капитане** Еропегове. Я вовсе не желаю вашей компании, генерал; избегал и прежде, сами знаете. Что мне за дело до **капитана** Еропегова, согласитесь сами? Я не для **капитана** Еропегова сюда переехал. Я только выразил ему вслух мое мнение, что, может, этого **капитана** Еропегова совсем никогда не существовало. Он и поднял дым коромыслом.*

– Без сомнения, не существовало! – отрезал Ганя.

Но генерал стоял как ошеломленный и только бессмысленно озирался кругом. Слова сына поразили его своею необычайною откровенностью.

В первое мгновение он не мог даже и слов найти. И наконец, только когда Ипполит расхохотался на ответ Гани и прокричал: «Ну вот, слышали, собственный ваш сын тоже говорит, что никакого **капитана** Еропегова не было», – старик проболтал, совсем сбившись:

– Капитона Еропегова, а не **капитана**... Капитона... подполковник в отставке, Еропегов... Капитон.

– Да и Капитона не было! – совсем уж разозлился Ганя.

– По... почему не было? – пробормотал генерал, и краска бросилась ему в лицо.

– Да полноте! – унимали Птицын и Варя.

– Молчи, Ганька! – крикнул опять Коля.

Но заступничество как бы опаматовало и генерала.

– Как не было? Почему не существовало? – грозно вскинулся он на сына.

– Так, потому что не было. Не было, да и только, да совсем и не может быть! Вот вам. Отстаньте, говорю вам.

– И это сын... это мой родной сын, которого я... о боже! Еропегова, **Ерошки** Еропегова не было!

– Ну вот, то **Ерошки**, то Капитошки! – ввернул Ипполит.

– Капитошки, сударь, Капитошки, а не **Ерошки**! Капитон, Капитан Алексеевич, то бишь Капитон... подполковник... в отставке... женился на **Марье**... на Марье Петровне Су... Су... друг и товарищ... Сутуговой... с самого даже юнкерства. Я за него пролил... я заслонил... убит. Капитошки Еропегова не было! Не существовало!

Генерал кричал в азарте, но так, что можно было подумать, что **дело шло об одном, а крик шел о другом**. Правда, в другое время он, конечно, вынес бы что-нибудь и гораздо пообиднее известия о совершенном небытии Капитона Еропегова, прокричал бы, затеял бы историю, вышел бы из себя, но все-таки в конце концов удалился бы к себе наверх спать. Но теперь, по чрезвычайной странности сердца человеческого, случилось так, что именно подобная обида, как сомнение в Еропегове, и должна была переполнить чашу. Старик побагровел, поднял руки и прокричал:

– Довольно! Проклятие мое... **прочь из этого дома!** (<первый звонок!>) Николай, неси мой сак, иду... прочь!» (8. 395-396).

Предлагаю вашему вниманию свой небольшой подсчет и комментарии.

В этом коротком эпизоде фамилия Еропегов упоминается 11 раз, имя Капитон (Капитошка) – 10, звание **капитан** – 7 раз, имя-оговорка **Ерошка** – 3 раза, звание подполковник в отставке – 2 раза, имя **Марья** – 2 раза, отчество Петровна – 1 раз, фамилия Сутугова – 1 раз, отчество Алексеевич – 1 раз.

Читатель, казалось бы, обречён утонуть в этой мешанине. Из-за количества повторений акцент невольно делается на имени и фамилии

«Капитон Еропегов». Однако ключ к разгадке значения этого эпизода, заключён именно в оговорке **«Ерошка»**.

Весной 1851 года Толстой уехал из Москвы на Кавказ и прожил около 5 месяцев в полном уединении в Пятигорске, в простой избе. Значительную часть времени он проводил на охоте, в обществе казака Епишки, прототипа одного из героев повести «Кзаки» (1863 г.), фигурирующего там под именем «дяди **Ерошки**».

Приведу несколько строк из этой повести, которые, как мне кажется, имеют непосредственное отношение к фантазиям Ардалиона Александровича.

«— Ну, спасибо! Прощай, дядя! Бог даст, увидимся, — сказал Оленин, вставая и направляясь к сням. Старик сидел на полу и не вставал.

— Так разве прощаются? Дурак! дурак! — заговорил он <(Ерошка)>. — Эхма, какой народ стал! Компанию водили, водили год целый: прощай, да и ушел. Ведь я тебя люблю, я тебя как жалею! Такой ты горький, все один, все один» (Толстой Л. Н. ПСС в 90 томах, М. Л. 1929, Т. 6. С. 149).

А вот несколько более поздние строки из романа «Идиот» (с ещё одной оговоркой), на которые должен был обратить внимание Толстой:

«— Это кто сказал, Коля?

— Не знаю, папаша.

*— Еропегова не было! **Ерошки** Еропегова!.. — вскричал он в исступлении, приостанавливаясь на улице. — И это сын, родной сын! Еропегов, человек, заменявший мне одиннадцать месяцев брата...» (8. 419).*

Ещё один отрывок из повести «Кзаки», связанный с Ерошкой:

«— Очень больно было? — повторил Оленин, полагая, что теперь он добился наконец ответа <(от Ерошки)> на свой вопрос.

— Разве я тебе говорю, что больно. Не больно, а разогнуться нельзя, ходить не давало.

— Ну и зажило? — сказал Оленин, даже не смеясь: так ему было тяжело на сердце.

— Зажило, да пулька все тут. Вот пощупай. — И он, заворотив рубаху, показал свою здоровенную спину, на которой около кости каталась пулька.

— Вишь ты, так и катается, — говорил он, видимо утешаясь этою пулкой, как игрушкой. — Вот к заду перекадилась» (Т. 6. С. 147).

И к этому ещё совершенно нелепый, но очень любопытный и ироничный эпизод, касаемый пуль, рассказанный генералом:

«Человек, у которого в груди тринадцать пуль... вы не верите? А между тем единственно для меня Пирогов в Париж телеграфировал и осажденный Севастополь на время бросил, а Нелатон, парижский гофмедик, свободный пропуск во имя науки выхлопотал и в осажденный Севастополь являлся меня осматривать. Об этом самому высшему

начальству известно: «А, это тот Иволгин, у которого **тринадцать пуль!**». Вот как говорят-с!» (8.132).

А вот что по этому поводу написано в комментариях к «Идиоту»:

«...Генерал дает здесь фантастическое истолкование реального события: великий русский хирург Н. И. Пирогов (1810–1881) во время обороны Севастополя руководил организацией помощи раненым; в июне 1855 г., возмущенный действиями командования и в ожидании новых перемен в стране после смерти Николая I, он выехал из Крыма в Петербург; в сентябре же снова вернулся в Севастополь. <...> Август Нелатон (1807–1873), известный французский хирург, член Парижской академии, в России никогда не был».

Нужно ли говорить, что Толстой был в Севастополе именно с ноября 1854-го по конец августа 1855 года, и отъезд Пирогова состоялся при нем.

Этой потрясающей оговоркой (**Ерошка-Капитошка**) Достоевский подводит Толстого, в эпизоде ссоры генерала с Ипполитом и Ганей, к пиковой информации: «**Капитан** <...> **подполковник... в отставке... женился на Марье...**». Именно в чине **штабс-ротмистра** (что соответствует званию **капитана**) вышел в отставку **отец** Толстого и женился на **Марье** Волконской. Не заметить хоть и замаскированного, но всё же почти прямого текста, адресованного ему, Толстой не мог. Через «Ерошку» возможно и ещё одно глубокое напоминание Толстому о его собственной мысли, которую он доверил своему герою. Вот фраза, которая, на мой взгляд, является квинтэссенцией незамысловатой философии этого близкого к природе человека.

«А наши говорят, что за это будем сковороды лизать. **Я так думаю, что все одна фальшь. Сдохнешь – трава вырастет, вот и все**».

Каким жалким и неестественным рядом с простым казаком Ерошкой выглядит Оленин, вместе со своими надуманными поисками себя. Не намёк ли это (через «Ерошку Еропегова») Толстому на его собственные умствования и метания?

***

Ну а теперь самое интересное. Настало время поговорить о **фамилии** графа Льва Николаевича. Как известно, фамилия Толстой ни в тексте самого романа, ни даже в подготовительных материалах ни разу не упоминается. Факт, кажущийся бесспорным. Однако предлагаю проверить, так ли это на самом деле. Рассмотрим заключительный фрагмент ещё одного, на первый взгляд кажущегося нелепым, разговора, произошедшего между князем и Ипполитом в парке.

«*Читали вы, князь, про одну смерть, одного Степана Глебова, в восемнадцатом столетии? Я случайно вчера прочел...*

– *Какого Степана Глебова?*

– *Был посажен на кол при Петре.*

– *Ах, боже мой, знаю! Просидел пятнадцать часов на коле, в мороз, в шубе, и умер с чрезвычайным великодушием; как же, читал... а что?*

– *Дает же бог такие смерти людям, а нам таки нет! Вы, может быть, думаете, что я не способен умереть так, как Глебов?*

– *О, совсем нет, – сконфузился князь, – я хотел только сказать, что вы... то есть не то, что вы не походили бы на Глебова, но... что вы... что вы скорее были бы тогда...*

– *Угадываю: Остерманом, а не Глебовым, – вы это хотите сказать?*

– ***Каким Остерманом?*** – удивился князь.

– *Остерманом, дипломатом Остерманом, петровским Остерманом, – пробормотал Ипполит, вдруг несколько сбившись. Последовало некоторое недоумение.*

– *О, н-н-нет! Я не то хотел сказать, – протянул вдруг князь после некоторого молчания, – вы, мне кажется... никогда бы не были Остерманом...*

Ипполит нахмурился.

– ***Впрочем, я ведь почему это так утверждаю, – вдруг подхватил князь, видимо желая поправиться, – потому что тогдашние люди (клянусь вам, меня это всегда поражало) совсем точно и не те люди были, как мы теперь, не то племя было, какое теперь.***

– *Понимаю; за наивность, с которой вы не согласились со мной, вы теперь лезете утешать меня, ха-ха! Вы совершенное дитя, князь. Однако ж я замечаю, что вы всё третируете меня как... как фарфоровую чашку... Ничего, ничего, я не сержусь. Во всяком случае, у нас очень смешной разговор вышел!» (8. 433).*

Чтобы понять, о чем идёт речь, предлагаю рассмотреть этот эпизод во всех подробностях.

Казалось бы, всё понятно. В разговоре идёт речь о двух людях петровской эпохи, **Степане Богдановиче Глебове** и графе **Андрее Ивановиче Остермане** (Гёнрих Иоганн Фридрих – нем.). Упоминая в тексте романа Степана Глебова, Достоевский, на мой взгляд, преследует три цели. Одна – завязать разговор об Остермане и указать на важнейший случай из его биографии (другие рассмотрим чуть позже). Говоря о казни Глебова, Достоевский подводит читателя к казни самого А. И. Остермана. Но что по этому поводу думают сами участники разговора? «... то есть не то, что вы не походили бы на Глебова, но... что вы... что вы скорее были бы тогда...».

Князь намекает на то, что Ипполит мало походит на любовника опальной царицы. Мышкин не успевает сказать, кем был бы **тогда**, по его мнению, господин Терентьев. Ипполит, пытаясь угадать, перебивает его: «– *Угадываю: Остерманом, а не Глебовым, – вы это хотите сказать?*» – подразумевая помилование Андрея Ивановича на эшафоте и предполагая мысль князя о помиловании высшими силами самого

Ипполита, и... не угадывает. Мы никогда не узнаем, что на самом деле хотел сказать князь до того, как его перебили.

«– **Каким Остерманом?** – удивился князь». (Только что не каким именно Остерманом?) Ипполит в замешательстве вдруг понимает возможность двойного истолкования его сравнения и делает уточнение, которого из Остерманов он имеет в виду: «– Остерманом, дипломатом Остерманом, **петровским Остерманом**, – пробормотал Ипполит, вдруг несколько сбившись. **Последовало некоторое недоумение**».

Мышкин, удивившись, вначале подумал о другом, не менее известном (а, пожалуй, и более) Остермане, правнуке Андрея Ивановича, Александре Ивановиче, герое не только Отечественной войны, но и всех войн, которые выпали на его долю, одного из храбрейших людей России, портрет которого висит в галерее героев в Эрмитаже. Поняв, что они с Ипполитом имели в виду двух разных людей, князь пытается поправиться:

«– О, н-н-нет! Я не то хотел сказать, – протянул вдруг князь после некоторого молчания, – вы, мне кажется... никогда бы не были Остерманом... Ипполит нахмурился.» (*осознавая себя недостойным такого сравнения*).

Далее князь, «*желая поправиться*», перефразирует лермонтовские строки: **Да, были люди в наше время, Не то что нынешнее племя...**

Этот перифраз давно отмечен в достоевистике, даже в комментариях к академическому изданию, однако без внятного объяснения – зачем.

Я считаю, что, вводя таким способом, именно в этом месте, в текст романа упоминание поэмы «Бородино» (1837), Достоевский **окончательно** подтверждает, кого из Остерманов имел в виду князь и, ставя его в неловкое положение, вынуждает объяснять, почему Ипполит не похож на героя Бородинской битвы.

Теперь понятна фраза Ипполита: «...*у нас очень смешной разговор вышел*».

Действительно, разговор молодых людей по воле случая (подстроенного автором) неожиданно стал очень содержательным. Но основной замысел Достоевского (недоступный собеседникам), как мне кажется, идет гораздо дальше.

Увы, как это ни обидно для Ипполита, но он не похож ни на Степана Глебова, ни на обоих Остерманов. Историческое содержание их разговора Достоевский использует в своих персональных целях. Чтобы понять, о чём идет речь, предлагаю рассмотреть некоторые подробности биографии Остерманов. Начнем с правнука:

«**Александр Иванович Толстой** родился (в 1770 г.) в семье Ивана Матвеевича Толстого (мать которого была дочерью графа А. И. Остермана – дипломата, сподвижника Петра Великого). Боевую службу начал с 1788 г. в войне против турок, состоял в армии князя Потёмкина. Участвовал в 1790 г. под командованием Суворова в штурме Измаила,

награждён за отличие орденом Св. Георгия 4-го класса. За воинскую доблесть, Императрица Екатерина II дозволила молодому *<(и бедному)>* Толстому в 1796 г. принять титул, **фамилию** и герб рода **Остерманов** *<(вместе с именем)>* от его бездетных двоюродных дедов – Фёдора и Ивана Остермана».

У нас есть веские основания полагать, что настоящая фамилия человека, о котором подумал Мышкин, была **Толстой**. Именно под этой фамилией Александр Иванович брал Измаил и получал первый орден. Именно под ней он прожил до 26 лет (романный возраст Мышкина), а уж потом, вместе с графским титулом и **имением**, получил прибавку к фамилии – **Остерман**. (Заметим, что бежавший из Германии Гёнрих Иоганн Фридрих Остерман «первый» был сыном пастора и, следовательно, не был не только графом, но и дворянином). Кроме этого есть ещё одно совпадение. Князь, как мы помним, был последний из рода Мышкиных. Александр Иванович законных наследников не имел и оказался не только последним в своём роду, но и единственным, кто носил двойную фамилию Остерман-Толстой. Он умер в Женеве в 1857 году, именно там, где спустя 10 лет Достоевский начал работу над романом «Идиот».

Чтобы у читателя не осталось никаких сомнений в присутствии Остермана-Толстого на страницах романа, Достоевский (несколько ранее, в предыдущей главе) вводит в текст разговор генерала Иволгина с князем, нелепости на первый взгляд, просто невероятной. Ардалион Александрович пересказывает Мышкину историю о том, как Лебедев похоронил свою оторванную французским ядром ногу, несмотря на то, что обе ноги были на месте. Открытие расшифровки этого эпизода принадлежит В. А. Викторovichу (СПб, Материалы и исследования 1992, № 10, стр. 157, 158), обратившему внимание на совпадение этой истории с реальным историческим событием из героической жизни Остермана-Толстого, который похоронил на родовом кладбище свою оторванную в сражении под Кульмом (в 1813 г.) французским ядром **левую** руку.

«Французы, зная о своем значительном превосходстве, настойчиво атаковали, но не смогли даже потеснить русских. В разгар сражения, когда граф повел войска в контратаку, ему ядром раздробило левую руку. В палатку, где врачи отнимали генералу раздробленную руку, солдаты внесли отбитое у французов знамя. Увидев его, Остерман-Толстой прошептал: «По крайней мере, я умру непобежденным». Но железная воля помогла ему снова вернуться в строй».

А вот фрагмент из рассказа генерала Иволгина:

*«Меня именно прельстили, как вы говорите, качества. Но всё до известной черты, даже и качества; и если он вдруг, в глаза, имеет дерзость уверять, что в двенадцатом году, еще ребенком, в детстве, он лишился **левой** своей ноги и похоронил ее на Ваганьковском кладбище,*

в Москве, то уж это заходит за пределы, являет неуважение, показывает наглость...»

«– Во-первых, это; но, положим, он тогда уже мог родиться; но как же уверять в глаза, что французский шассёр навел на него пушку и отстрелил ему ногу, так, для забавы; что он ногу эту поднял и отнес домой, потом похоронил ее на Ваганьковском кладбище, и говорит, что поставил над нею памятник...» (8. 411)

Таким образом, хоть и в скрытом виде, **фамилия Толстой** в романе «Идиот» всё-таки прозвучала (причём дважды). Думаю, Достоевский полагал, что граф Лев Николаевич должен был разобраться в этих хитросплетениях быстрее, чем кто бы то ни было.

Но и это ещё не всё. Вот некоторые подробности поведения **петровского Андрея Ивановича Остермана** (прадеда Остермана-Толстого) на эшафоте:

«Биографы удивляются его хладнокровию, но причиною таковому была, конечно, твердая уверенность в милосердии императрицы, которая в самую ночь восшествия своего на престол, пред иконою Спасителя, дала клятву никого не казнить смертию. Эта клятва, без сомнения, была небезызвестна Остерману. С тем же спокойствием он, снятый со стула и опущенный на колена на помост, положил голову на плаху. Палач оправил ворот сорочки, поднял топор и мгновенно отвел его в сторону и опустил на помост при слове: прощение. Императрица заменила смертную казнь пожизненною ссылкой для всех осужденных. Жизнь Остермана закончилась в Берёзове».

Любопытно ещё то, что этот Остерман был вместе с предком Льва Николаевича (графом Петром Андреевичем Толстым) в комиссии по делу царевича Алексея.

Я считаю, что не Ипполит был похож на петровского Остермана, а сам Достоевский. **Они оба были помилованы на эшафоте.** Разница в том, что Андрей Иванович знал, что его помилуют, а Фёдор Михайлович, судя по всему, – нет. Намекая на это сходство, Достоевский возвращает читателя (а в особенности Толстого) к подробностям перед расстрелом, в пересказе Мышкина. Помнится, я утверждал, что оба писателя никогда так не были близки, как в момент чтения Толстым этих подробностей. Здесь же, на мой взгляд, они таким удивительным образом, по воле Достоевского, **соединились под одной фамилией** (двух Остерманов).

Думаю, что совпадения вышеперечисленных фактов из жизни Льва Николаевича с некоторыми строками романа должны были произвести на него впечатление. Но тогда вопрос, **зачем это было нужно Достоевскому?** Попробуем ответить на него несколько позднее...

Марина ГЕГИРОВА,
руководитель методического объединения учителей
русского языка и литературы МКОУ СОШ № 1 с.п. Нартан
Чегемского района КБР

ГОРЖУСЬ СВОЕЙ СТРАНОЙ

«Воспитание любви к родному краю, к родной культуре, к родному городу, к родной речи – задача первостепенной важности, и нет необходимости это доказывать. Она начинается с малого – с любви к своей семье, к своему дому. Эта любовь к родному переходит в любовь к своему государству, к его истории, его прошлому и настоящему, а затем ко всему человечеству».

Д. С. Лихачёв

Патриотизм – любовь к родной земле, родине, которая выражается в стремлении быть полезным, умении работать, быть готовым встать на защиту Родины в случае необходимости, одно из самых важных качеств человека. Патриотизм предполагает умение ценить достижения своей родины, гордиться людьми, вписавшими навечно свои имена в историю страны, ощущение неразрывной связи со своим народом, с его языком, культурой, бытом и нравами.

Одной из основных задач, стоящих перед современной школой, является воспитание чувства гордости за свой народ, историю, культуру, обычаи и традиции своего народа, людей, прославивших страну, самоотверженно вставших на защиту Отечества в годы военного лихолетья.

В октябре 2019–2020 учебного года в средней общеобразовательной школе № 1 с.п. Нартан Чегемского района КБР прошел конкурс сочинений, эссе, творческих работ учащихся «Горжусь своей страной».

Целью конкурса было воспитание патриотизма, уважительного отношения к старшему поколению, потребности знать историю и культуру своей страны, своего народа, своей семьи; воспитание уважительного отношения к героям, ветеранам войны и труда; формирование высокой духовности учащихся, привлечение учащихся к поисковой работе.

К участию в конкурсе были приглашены учащиеся 5–11 классов. Жюри предстояло оценить 29 ученических сочинений по трем возрастным категориям. Среди работ обучающихся 9–11 классов лучшей была признана работа, написанная группой учеников 10 «А» класса – членами литературного кружка «Художественное слово», – «Неотправленное письмо Герою Советского Союза Канкошеву Ахмед-Хану Таловичу».

Ахмед-Хан Талович Канкошев – человек, в котором сочеталось простое природное обаяние со стальной солдатской волей, мужеством, отвагой, героизмом, благородством. По воспоминаниям родственников, однополчан, Канкошев А. Т. – человек безупречных нравственных установок. У таких людей мы всегда будем учиться умению любить Родину. Ребята искренне восхищаются подвигом нашего земляка, его личностными качествами, выражают благодарность за отвоеванный невероятно дорогой ценой мир.

Ахмед-Хан Талович Канкошев

Неотправленное письмо Герою Советского Союза Канкошеву Ахмед-Хану Таловичу

*Что гибель нам?
Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд,
И ждём приказа нового,
И пусть не думают,
Что мёртвые не слышат,
Когда о них потомки говорят.*

Б. Майоров

Здравствуй, доблестный Солдат Красной Армии, Герой Советского Союза Канкошев Ахмет-Хан Талович! Мы, ученики 10-го «А» класса

средней школы № 1 с.п. Нартан, хотим обратиться к вам из 2019 года от имени того поколения, за мирное будущее которого вы самоотверженно боролись. Дорогой наш земляк, мы гордимся вашим подвигом, восхищаемся вашим героизмом, который навечно останется в истории России и в памяти народа. Хотим выразить благодарность вашему поколению, которое, пройдя через боль утрат, кровь и страдания, проявило негибаемую силу духа. Вы подлинный герой тех огненных лет. Ваша стойкость, мужество, горячий патриотизм всегда будут служить нам образцом нравственности, духовной крепости.

Чудовищная битва с коварным врагом в районе Керченского пролива оставила вас в той страшной войне. Последнее боевое задание, на которое вы вылетели 28 декабря 1943 года, выполнено с честью. Очень жаль, что вы с того задания не вернулись. А было вам всего 29 лет, и вас ждали друзья (их было немало), однополчане, дейчане, жена Зулихан, маленький сын Залим, отец, в дом которого уже раз постучалась горестная весть с войны – весной 1942 года в боях под Ленинградом погиб старший сын Шамауал.

Ахмед-Хан Талович, война закончилась 9 мая 1945 года. С тех пор прошло 74 года. Небо, уставшее от залпов боевых орудий, расцветилось огнями победного салюта. Победа пришла. Но цена ее очень высока. Вторая мировая война отняла у человечества 55 миллионов жизней, 27 миллионов из них – это жизни советских людей, принявших на себя главный удар гитлеровской армии. И не только приняли, но и отразили, победили и уничтожили фашистскую машину смерти.

Война искалечила много судеб. Оставила тысячи сирот, вдов, потерявших брата, сына, отца, мужа. Олицетворением звериного лица фашизма остались руины белорусской Хатыни, украинского Бабьего Яра, Пискаревское мемориальное кладбище, нальчикский противотанковый ров. Много братских могил на нашей земле... Можно долго перечислять. Смеем ли мы все это забывать?

В памяти народа навечно останутся трагические дни защиты Смоленска, 103 дня великой битвы под Москвой, 900 дней блокады Ленинграда, давшие миру непревзойденные образцы стойкости человеческого духа, 201 день насмерть стоявшего Сталинграда, 50 дней сражения на Курской дуге, битва у подножья седых гор Кавказа.

74 года наша страна живет под мирным небом, одержав Великую Победу над фашистской Германией, защитив народы мира, саму Жизнь. Вот, ради чего вы воевали и погибали.

Ахмет-Хан Талович, нас с вами разделяют десятилетия, и нам не довелось встретиться, но мы много знаем о вашей фронтовой и человеческой судьбе.

В зале Боевой славы нашей школы висит стенд «Золотые звезды Кабардино-Балкарии», который представляет наших земляков,

удостоившихся высокого звания. С особым трепетом мы подходим к этому стенду и рассматриваем фотографии двадцати шести солдат и офицеров, получивших «Золотую звезду» Героя Советского Союза. Вы – один из них.

Мы знаем, Ахмед-Хан Талович, что вы воспитывались в кабардинской семье в самых высоких идеалах любви и уважения к своему народу, его обычаям и традициям, к своей стране. Вы были любящим, нежным, послушным сыном, всегда брали на себя большую часть тяжелого крестьянского труда, ловко орудовали косой, пахали, сеяли. Были во всем опорой и поддержкой отцу. Знаем, что вы были человеком безупречных нравственных установок, человеком красивой и богатой души, чутким и внимательным, отзывчивым и добрым. Знаем, что горячо любили свою Родину, любили людей, жизнь, умели находить радость в ее проявлениях.

Учась в Дейской школе, вы твердо вознамерились покорить небо и осуществили свою мечту. На поле аэродрома Батайской школы вы впервые прикоснулись рукой к самолету, впервые испытали радость полета, восторг высоты. Вы – человек завидной судьбы, особой фронтовой и трудовой закалки, особого склада души. В числе первых сыновей своего народа обрели крылья, сделали большое и очень нужное Родине дело. Став начальником летной части и начальником аэроклуба в Йошкар-Оле, всю свою неукротимую и твердую волю направили на то, чтобы самому стать летчиком-асом и обучить этому делу молодых курсантов. Рыцарь на земле, вы были рыцарем и в воздухе и щепетильно относились ко всему тому, что входит в понятие «честь аса».

Природное обаяние сочеталось в вас со стальной солдатской волей, умом, благородством. Вы настолько любили жизнь, что успевали все: учиться, обучать других, быть хорошим сыном, братом, мужем, отцом, другом, великолепно танцевать, исполнять старинные кабардинские песни, участвовать в соревнованиях по борьбе, помогать жене готовить гедлибже, которым угощали многочисленных йошкар-олинских товарищей.

У вас была семья – самая счастливая. Но очень мало дней было отпущено этому счастью... Когда война властно и неотвратимо вторглась в вашу жизнь, вы применили богатый опыт летной работы, то, чему учились и готовились в течение восьми лет, на полях сражений. С фашистскими извергами воевали вы мужественно и самоотверженно. Показывали себя достойным сыном свободолюбивого и гордого народа, для которого храбрость, честь и независимость всегда были превыше всего. Беспощадно уничтожали врага со своего быстрого истребителя. К сожалению, ваша борьба с ненавистным врагом прервалась на 174-м вылете. Очень дорого обошелся фашистам фронтовой путь летчика-истребителя, гвардии старшего лейтенанта, Героя

Советского Союза Канкошева Ахмет-Хана Таловича. В воздушных дуэлях сбито 14 самолетов, из них 10 истребителей «мессершмитов», в группе – 3.

Мы знаем, что вы ушли на фронт по собственной просьбе. Не стали ждать, пока принесут повестку. Вы спешили уничтожить фашистскую нечисть, прогнать вероломного врага с родной земли.

И воевали вы мужественно. Мы не хотим думать, что вы готовы были умереть. Неестественно, когда так говорят. «Мы не ждали посмертной славы – мы хотели со славой жить», – пишет фронтовик Юлия Друнина. Никто из вас не хотел ни умирать, ни лишать кого-то жизни. Как и все нормальные люди во все времена, вы хотели жить и быть счастливыми. Но судьба поставила вас перед страшным выбором между жизнью и смертью, в котором вы все оказались готовыми идти в смертельный бой, потому что Родину топтал злой и коварный враг. Вами двигало желание спасти родную землю. Этой мысли созвучны строки известного балкарского поэта Кайсына Кулиева:

*Меня, быть может, не дождется мать.
Война меня запорошит снегами.
Но лучше мне в родной земле лежать,
Чем жить на ней, захваченной врагами.*

Именно поэтому вы и выступили против тех, кто отнимает жизнь у ваших соотечественников, друзей, близких.

Не думали вы, что придется убивать. Не к этому себя предназначали, не так вы были воспитаны адыгским кодексом, не такие нравственные установки вы имели. Вас заставило идти на смерть стремление оставаться человеком. В повести В. Кондратьева «Сашка» есть очень трогательный эпизод, когда герой произведения на вопрос, почему он отпустил пленного немца, не выполнил приказ расстрелять его, дает удивительно трогательный ответ: «Люди же мы, а не фашисты...».

У вас было удивительно огромное чувство ответственности за все, даже за то, за что вы не могли отвечать.

На дорогах войны, как у человека с огромнейшим чувством ответственности, у вас было много вопросов о том, почему по чье-то злой и коварной воле было позволено поставить человечество перед смертельной угрозой, когда люди перестанут убивать себе подобных, кто первым придумал орудие смерти?

Вас заставило идти на смерть стремление оставаться человеком. Ведь главная черта вашего характера – правдивость. Сейчас нам немного лет, но наши наблюдения привели к пониманию, что правдивость – основа всякого достоинства. Без неё не может быть ни справедливости, ни долга, ни патриотизма. Патриот – тот, кто осознанно защищает интересы

отечества. Это может быть желание трудиться на благо своей страны, восприятие всех людей как своих близких. Патриотизм, на наш взгляд, может выражаться в совестливости, честности, чувстве собственного достоинства, чувстве долга. Человек, который вобрал в себя все эти качества, в трудную для страны минуту оказывается способным на подвиг. Но вы, Герой Советского Союза, не думали, что совершаете подвиг, защищая родину. Для вас это было так естественно, что вы не чувствовали себя героем. А что такое подвиг? Можно ответить на это строками Николая Заболоцкого:

*Он – от слова «подвигать».
Слабых – к цели, к мужеству – отставших,
Поднимать упавших и уставших,
Подвигать – погасших зажигать.*

Ваш подвиг продолжается, дорогой земляк, потому что жизнь, отданная за свободу других, – звезда, которая будет светить нам всегда и учить любить нашу прекрасную родину.

Вы видели, как в годину бедствия наш народ не потерял себя, а сплотился, обрёл несокрушимую силу духа, дал миру непревзойденные образцы стойкости, мужества, героизма, патриотизма. Много вас – пропавших без вести, погибших, выживших в нечеловеческих условиях, сотворивших Великую Победу, в которую не верил весь мир. Вы один из них. Как же не быть нам благодарным вам, Ахмед-Хан за это, не помнить о вас, не гордиться вами?

Родина высоко оценила ваше мужество, стойкость, героизм. Вам присвоено звание Героя Советского Союза. В Нальчике, Тереке, Баксане, Дейском, Нарткале, Йошкар-Оле в вашу честь названы улицы, в Тереке, Йошкар-Оле установлены мемориальные доски. Но величайшей наградой для вас является то, что над любимой Родиной 74 года сияет мирное солнце, то, что вы завоевали для последующих поколений возможность жить, работать, растить детей, любить Родину.

Мы живем под мирным небом, учимся в школе. Готовимся к ЕГЭ, к поступлению в вузы. После уроков посещаем кружки в просторных, ярких, кабинетах «Точки роста» – дополнительного образовательного центра. Играем в шахматы, проходим практические занятия по оказанию первой помощи пострадавшим на современных тренажерах, создаем собственные медиа-продукты. Мы хотели бы рассказать вам о нашей жизни, о той жизни, ради которой вы приняли смертельный бой. Ваше мужество, стойкость, героизм дали нам все, что нужно для счастья – мирную жизнь, свободу, возможность учиться, работать. Все это благодаря вам, доблестный солдат! Мы говорим вам «Спасибо!» за ваш мужественный подвиг, за то, что мы

живем на этом свете. Мы родились и выросли на мирной земле. Мы слышим, как шумят весенние грозы, но никогда не слышали грома орудий, взрывов автоматных очередей. Мы видим, как возводятся новые дома, расширяются города, цветут сады, но не подозреваем, как легко разрушаются они под градом бомб и снарядов. Мы знаем, как обрываются сны, но нам трудно поверить, что жизнь человека оборвать так же легко, как утренний сон.

В День Победы вспоминают тех, кто защищал Родину, чествуют ветеранов. К сожалению, мало осталось живых свидетелей военного лихолетья. Неумолимое время вырывает их из сомкнутых рядов. Тысячи людей идут отдавать дань памяти к могилам солдат и возлагают цветы. Тысячи людей принимают участие в акции «Бессмертный полк». Они несут портреты своих родственников, участвовавших в Великой Отечественной войне. И сколько бы ни прошло лет, пропавшие без вести, погибшие, выстоявшие, сотворившие Великую Победу солдаты и офицеры останутся в строю! И сколько бы ни прошло лет, мы будем помнить ваш подвиг!

Ахмет-Хан Талович, мы с вами связаны незримой нитью. В наших сердцах нетленно будет жить благодарная память о вас, о тех, кто отстоял мир. Мы будем повторять ваши имена, веруя в то, что вы бессмертны, вы будете с нами – в наших делах и свершениях! Спасибо за то, что подарили нам жизнь!

*Ученики 10 «А» МКОУ СОШ № 1 с. п. Нартан,
руководитель – учитель русского языка
и литературы М. Т. Гегирова*

В номере:

От редакции	2
Мадина Хакуашева. Ученый, педагог, общественный деятель. <i>Статья</i> . . .	3
Владимир Кудаев. Человек завидной целеустремленности. <i>Статья</i>	9
Алла Лескова. Аркадий Кайданов: жить и любить... <i>Интервью</i>	12
Аркадий Кайданов. <i>Стихи</i>	23
Аскерби Шортанов. Горцы. <i>Главы из романа</i>	31
Хасан Шаваев. Асият. <i>Главы из повести</i>	55
Тахир Толгуров. «Все будет не так...». <i>Статья</i>	66
Василий Школьный. <i>Стихи</i>	68
Людмила Шауцукова. Дада. <i>Главы из романа</i>	80
Роза Дахаева. <i>Стихи</i>	103
Лариса Абдуллина. <i>Стихи</i>	108
Бурхан Берберов. Мелодия старой гармонии. <i>Рассказ</i>	115
Джабраил Тайсаев. Арго-13. Корона великана. <i>Рассказы</i>	127
Страницы памяти. К 100-летию С. Ш. Аутлевой. <i>Статья</i>	137
Казбек Султанов. Самодостаточность многообразия... <i>Статья</i>	143
Георгий Крапивин. «Идиот»: штрихи к портрету «главного» героя. <i>Ст.</i>	162
Марина Гегирова. Горжусь своей страной. <i>Статья</i>	184

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

В номере использованы фотографии Артура Елканова

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс П5892

Компьютерная верстка *Е. Г. Бит-Сава*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 30.12.2019. Подписано к печати 03.02.2020.
Выход в свет 13.03.2020. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.
Тираж 1045 экз. Заказ № 354. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 35,03 руб., за 6 мес. – 105,09 руб.,
за год – 210,18 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 40-03-24,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО «Тетраграф»,
360000, г. Нальчик, пр. Ленина, 33

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).

Продолжается подписка на журнал «Литературная Кабардино-Балкария» —

единственное литературно-художественное и общественно-политическое издание на русском языке, охватывающее и поддерживающее единое культурное пространство, создаваемое усилиями деятелей искусства и культуры нашей республики.

На страницах «Литературной Кабардино-Балкарии» читатель всегда найдет современную прозу и поэтические подборки как известных мастеров литературы, так и тех, кому еще только предстоит обрести популярность.

Журнал стремится освещать широкий круг вопросов общественно-политической жизни, проблемы и достижения во всех отраслях народного хозяйства КБР.

В журнале печатаются как оригинальные произведения, так и переводные тексты авторов нашей республики, а также литераторов и журналистов братских республик Северного Кавказа, ближнего и дальнего зарубежья, ранее не издававшиеся на русском языке.

Аудиторию «Литературной Кабардино-Балкарии» составляют все категории читателей, объединенных любовью к литературе и неравнодушных к событиям общественной жизни.

Журнал выходит шесть раз в год, каждые два месяца.

Стоимость одного номера по подписке в отделениях ФГУП

«Почта России» — 35,03 руб., за 6 месяцев — 105,09 руб.,

за год — 210,18 руб.

В розницу — цена свободная.

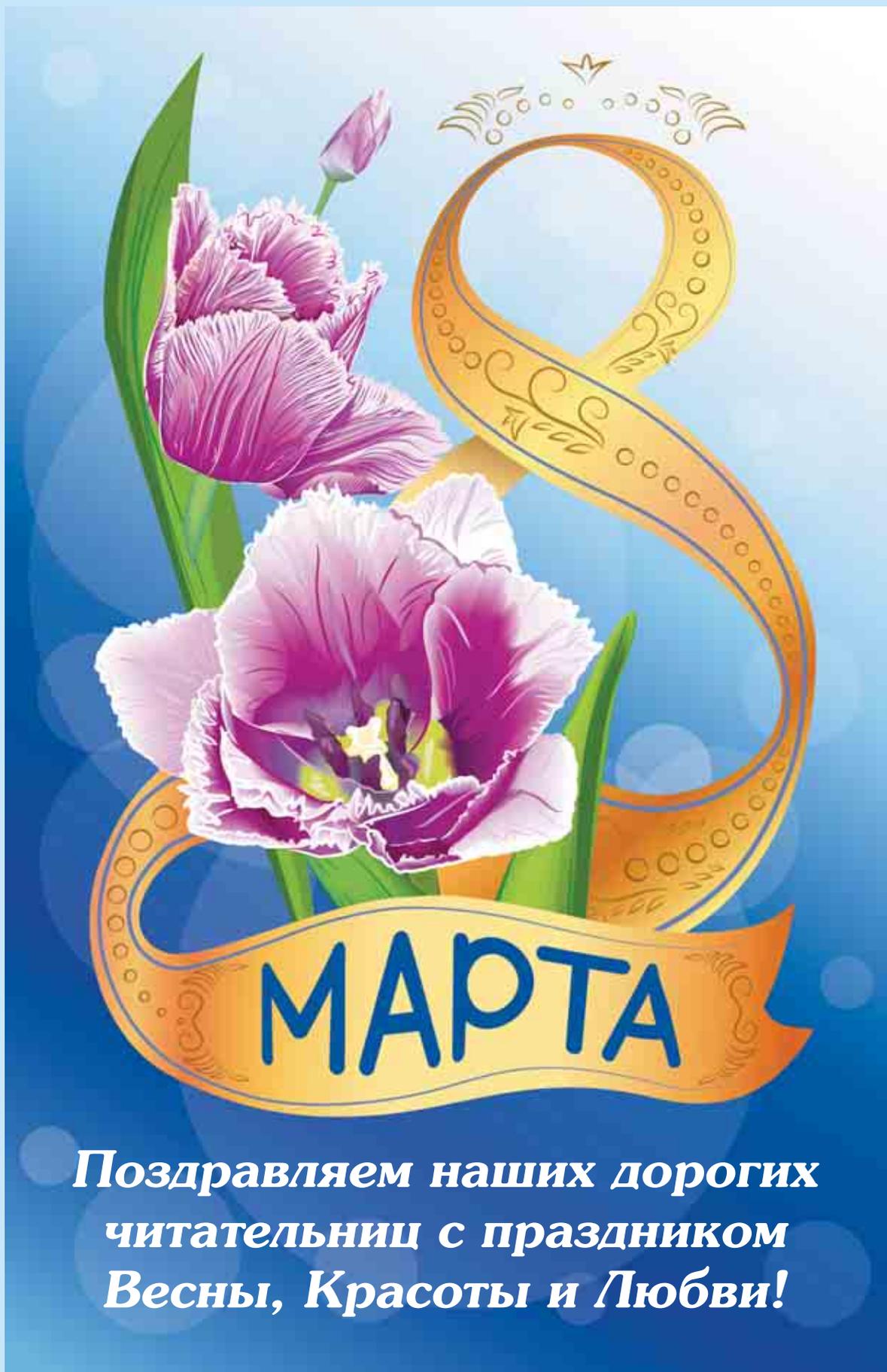
Адрес редакции: КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5, «Дом печати».

Телефоны редакции: 40-03-24; 42-75-22.

Сайт: pressa.smikbr.ru,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru.

Подписной индекс П5892

**Поздравляем наших дорогих
читательниц с праздником
Весны, Красоты и Любви!**